

ДЕВИИ

**АЛЬМАНАХ
ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА В МОСКВЕ**

№1/2015

Вы держите в своих руках первое издание альманаха «Девин» на русском языке, который родился благодаря усилиям членов «Общества Людовита Штура», которое было основано 4 июня 2015 года в Словацком институте в Москве с целью популяризации словацкой литературы, культуры, языка.

Примечательно, что общество было создано именно в Год Людовита Штура, который широко отмечается в Словакии. Двухсотлетний юбилей со дня рождения философа, политика, поэта, лингвиста и революционера, пробудившего «словацкий народ от глубокого сна», стал уникальной возможностью для проведения мероприятий, которые выходят за временные рамки Года Людовита Штура. Образование «Общества Людовита Штура» — объединения, подобного которому в России до сих пор не существовало, открывает перспективы для активизации словацко-российских культурных связей.

Альманах мы решили назвать «Девин». Это название было выбрано в честь памятного посещения иштуровцами развалин старинной крепости Девин, где 24 апреля 1836 года Штур и его единомышленники «на могилах древней славы» дали клятву верности словацкому народу. В нашем альманахе мы хотим предложить читателям научные и популярные статьи, касающиеся не только деятельности Штура и представителей его поколения, но и словацкой культуры в целом, что, на наш взгляд, будет способствовать ее популяризации в мире.

В первом выпуске альманаха «Девин» мы начинаем публиковать материалы, написанные словакистами России и Словакии, членами «Общества Людовита Штура» и авторами, которые проявляют интерес к иштуровской теме и деятельности Общества. Мы надеемся, что данное издание станет не только достойным вкладом в сохранение памяти о жизни и творчестве великого сына словацкого народа, но и продолжением, следованием заветам Штура и иштуровцев.

Ян Шмигула,
директор Словацкого института в Москве,
советник по культуре

Москва, сентябрь 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Браксаторис М. <i>Значение Девина в штуровском осмыслении словацкой истории</i>	6
Штур Л. <i>«Девин, милый Девин»</i>	10
Винклер Т. <i>Оставить в жизни след</i> (перевод А. Машковой)	11
Замбор Я. <i>«Людовит Штур»</i> (перевод Н. Шведовой)	22
Сарваш Ю. <i>«Орел Татранский»</i> (перевод А. Песковой)	26
«ОБЩЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА»	
Вступительное слово профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Аллы Германовны Машковой	55
Устав «Общества Людовита Штура»	57
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ЛЮДОВИТ ШТУР — ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ СЛОВАЦКОЙ КУЛЬТУРЫ (200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)»	
Приветственное слово Советника по культуре директора Словацкого института при Посольстве Словацкой Республики в РФ г-на Яна Шмигулы	61
Браксаторис М. <i>Национальная философия Людовита Штура на оси запад-Словакия-восток</i>	68
Машкова А. <i>Завещание славянскому миру: тактат Людовита Штура «Славянство и мир будущего»</i>	79
Лифанов К. <i>Кодификация Людовита Штура в контексте языковых процессов</i>	87
Кубишова Г. <i>Переписка Людовита Штура с российскими славистами</i>	93

Широкова Л. <i>Образ Людовита Штура в художественной литературе: иттрихи к портрету</i>	100
--	-----

Пескова А. <i>Штуровская тема в современной словацкой драматургии</i>	107
--	-----

ШТУРОВСКАЯ ТЕМА В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ (БИБЛИОГРАФИЯ)	115
--	-----

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

Ламанский В. <i>Предисловие к трактату «Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людовита Штура»</i>	116
<i>Письмо Л. Штура И.И. Срезневскому (перевод Е. Курсаковой)</i>	120

**ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ
ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ**

<i>Людовит Штур в воспоминаниях Йозефа Милослава Гурбана</i> (перевод Л. Широковой)	122
---	-----

**ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПРИЯТИИ
СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Баторова М. <i>Штур и мы</i> (перевод Л. Широковой)	125
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

Пескова А. <i>Петер Криштуфек</i>	128
Отрывки из романа П. Криштуфека «Суфлер» (перевод А. Песковой).....	130

ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ СЛОВАКИСТОВ

Машкова А. <i>Последнее интервью Маргиты Фигули</i>	139
--	-----

Мартин БРАКСАТОРИС

ЗНАЧЕНИЕ ДЕВИНА В ШТУРОВСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ СЛОВАЦКОЙ ИСТОРИИ

В последние десятилетия в словацком культурном пространстве наблюдается некое противоборство между «романтическим образом» Людовита Штура, образом шутовцев и усилиями по их демифологизации. Это касается таких проблем как: внешность и характер Штура, его отношения с женщинами, обстоятельства роковой охоты 22 декабря 1855 года и его кончина, а также прогулка шестнадцати шутовцев на Девин 24 апреля 1836 года, которая является некоторой аналогией посещений чешскими, польскими и другими патриотами мест их «паломничеств». К сожалению, мы часто становимся свидетелями того, как в попытке построения или разрушения мифов выбираются не самые реалистичные и, прежде всего, не самые значимые факты из жизни и деятельности представителей словацкого романтического движения. Эти факты не вписываются в мозаику знаний, на которые, исходя из национальной истории, мы можем с уверенностью опираться; такой подход мало способствует нашему познанию развития культуры словацкого народа. При этом выражение «мозаика» имеет здесь большое значение: наша оценка значимости отдельных фактов

должна соответствовать «плодотворности» соответствующих знаний при помещении их в более широкий культурный и исторический контекст. Это касается, в том числе, и осмысления обстоятельств и значения памятной прогулки шутовцев на Девин.

Девин занимает важное место не только в рамках шутовского восприятия национальной истории, но и в самой истории как таковой. Значение памятной прогулки на Девин неизменно присутствует в культурном сознании словаков, а это означает, что данное событие связано не только с фактическими обстоятельствами его существования, но и с восприятием и интерпретацией словацкой истории и места Девина в ней. Очевидно, что при оценке значения этой прогулки важны не столько подробности трапезы, которая последовала после нее, сколько значение самого паломничества для дальнейшего развития словацкой культуры. Это значение состоит, прежде всего, в соотношении народа как такового, его культурного наследия с наследием Девина в контексте Великой Моравии, являющегося частью словацкой национальной истории и имеющего большое значение для сегодняшнего дня.

Девинская крепость или Девинский град (в настоящее время его руины) возвышается над слиянием рек Морава и Дунай, чем удивительно напоминает белградский Калемегдан, расположенный над слиянием Дуная и Савы. Место, на котором находится крепость, помнит поселения раннего каменного и раннего железного веков. Позднее на этом месте располагался оппидум, который вместе оппидумами в Братиславе и Браунсберге (ныне австрийском), представлял собой важный центр кельтов на рубеже I и II веков до н. э. Позже там размещалось оборонительное укрепление, которое было частью оборонительной системы римлян «Лимес Романус». Укрепление, построенное гарнизоном римской армии, стало частью системы пограничных укреплений. После ухода римлян в конце IV или в начале пятого V века в эту область стали проникать разные племена, включая славянские, которые поселились там, став позже частью государства Само, Нитранского княжества и Великой Моравии. В великоморавский период крепость имела стратегическое фортификационное значение. Она была также одним из мест, связанных с именем князя Растислава, почитаемого православной церковью как равноапостольного (с 1994 года). Считается, что приглашенные Растиславом солунские братья Кирилл и Мефодий переправлялись на территорию Великой Моравии в 863 году через Дунай как раз у Девина. Впервые Девинский град упоминается в 864 году в «Фульдских анналах» под названием «Довина». После падения Великой Моравии и образования Венгерского королевства, в состав которого вошли

словацкие земли, Девин стал собственностью Венгерских династий и выполнял функции пограничной крепости. Важную стратегическую роль крепость играла в XIII веке. Там была воздвигнута шестигранная башня, рядом с которой располагался обширный средневековый замок с фортификационной системой. В XVI веке крепость значительно укрепили, достроили в стиле ренессанс. После поражения Османской империи в XVIII столетии Девин утратил свое важное стратегическое значение и был заброшен. В 1809 году он был взорван армией Наполеона. Тем не менее, уже в начале XIX столетия руины Девина стали символом славного прошлого словацкого народа и всех славян. Они сыграли важную роль в процессе формирования национального самосознания словаков. Еще до Штура и его единомышленников многие видные представители словацкой культуры заявили о значении великоморавского периода словацкой истории и наследия Кирилла и Мефодия, что способствовало подъему национального самосознания народа. Среди них: Даниэль Синапис-Горчичка, Даниэль Крман-младший, Ян Балтазар Магин, Матей Бел, Самуил Тимон, Адам Франтишек Коллар, Юрай Палкович, Юрай Фандли, Антон Бернолак, Ян Голлы и другие. В рамках этого процесса возрождалось и значение великоморавского Девина: в этой связи вспомним, например, поэму Яна Коллара «Дочь Славы», поэмы Яна Голлого «Святополк» и «Кирилло-Мефодиада». В этот контекст вписывается не только шутовское восприятие упомянутого наследия и реакция на него в виде паломничества на Девин, которое

представляло собой апогей тогдашнего отношения к великоморавскому и кирилло-мефодиевскому наследию. К более поздним (послештуровским) отголоскам этих событий и их восприятия как части великоморавского этапа словацкой истории относится установка памятной доски по случаю столетия паломничества штуровцев на Девин (1936 год), а также традиция Всеславянских дней, начавшаяся в августе 1945 года и продлившаяся несколько лет. В ряду этих событий можно упомянуть и празднование на Девине 1150-летия прибытия Кирилла и Мефодия. Среди прочих значение Девина для истории славян засвидетельствовал русский лингвист О.Н. Трубачев, который при посещении этого памятного места в 1993 году, по словам очевидцев, произнес: «Отсюда взшел свет для всех славян», — и в знак уважения поцеловал девинскую землю.

В свете предшествующих традиций особый смысл имеет штуровское паломничество на Девин, которое не только подтвердило, но и обогатило восприятие этого места как символа славного прошлого, которое одновременно является основой для формирования словацкого будущего. Это торжественное мероприятие «Чешско-славянского общества», членами которого были штуровцы, готовилось тайно; это было своего рода священнодействие, т. е. обряд на «могилах славы прошлого». Идея осуществить такое паломничество принадлежала Штуру, который был главным организатором этой акции. В своей вступительной речи на Девине Штур вспоминал славную историю Великой Моравии и ее правителей: Растислава, Святополка и Моймира.

Участники встречи пели песню «Нитра, милая Нитра» и написанное Штуром на ее мотив стихотворение «Девин, милый Девин» (его текст см. далее в нашем альманахе), напоминавшее, как и песня «Нитра, милая Нитра», о славных днях Великой Моравии и ее правителей. Прозвучали и слова научной лекции, и стихи Я. Голлого, Ф.М. Клацела, Я. Коллара, а также некоторых присутствующих штуровцев, после которых последовала неформальная дискуссия. Штуровцы поклялись в верности своему народу и приняли «национальное крещение»: к своим именам они добавили славянские имена, которые большинство из них публично использовали до конца жизни. Благодаря Девину мы знаем второе имя Йозефа Милослава Гурбана, Михала Милослава Годжи, Аугуста Горислава Шкултети, Густава Доброслава Гроссмана, Бенямина Православа Червенака и других. Людовит Штур еще ранее выбрал себе имя Велислав. В заключение собравшиеся спели гимн «Гей, словаки» на слова С. Томашика.

Неоспоримое значение паломничества штуровцев на Девин состоит в их приверженности великоморавскому прошлому в духе развивающихся культурных традиций и решимости продолжать их. Доказательством того, что штуровцы в этом плане сумели достичь поставленные цели, служит и тот факт, что современная наука также усматривает в великоморавском периоде словацкой истории интеграционную фазу развития словацкого языка и этногенеза словаков. Поэтому эпизод с посещением трактира, когда участники мероприятия, желая отметить это событие, и при этом, не имея при себе достаточ-

но средств, вынуждены были послать за ними двоих товарищей в Братиславу, можно рассматривать лишь как курьез. Й.М. Гурбан в своем биографическом труде о Штуре хотя и описывает эту историю, однако в контексте предпринятой акции она нисколько не умаляет ее значения, являясь всего лишь любопытным фактом.

Сегодня, к сожалению, мы часто встречаемся с недооценкой паломнической акции штуровцев на Девин. При этом нередко внимание акцентируется на том, что не является значимым событием для словацкой истории. В частности, из повествования Гурбана следует, что курьез в трактире имел значение лишь в плане того, что грозил насмешками со стороны недоброжелателей штуровцев, которые ставили своей целью принижение их деятельности. В данном случае речь идет об эпизоде, который был обусловлен тогдашними социальными условиями жизни и не имел какого-либо значения для истории словацкой культуры в целом. К сожалению, в современных интерпретациях упомянутой паломнической акции имеют место попытки ее демифологизации, «очеловечения», причем без учета ее якобы «мифологических» аспектов. Подобная судьба постигла не только паломничество штуровцев на Девин: это коснулось и послереволюционных, выражаясь современным языком, геополитических и геокультурных взглядов Штура, которые обычно сводятся к разочарованию. Такого рода оценки зачастую отличаются поверхностным пониманием данной проблематики и не имеют познавательной ценности. Многие современные авторы, касаясь таких проблем,

как отношение Штура к женщинам, его внешность, характер, обстоятельства роковой охоты и др. стремятся разрушить его образ, основанный, с их точки зрения, на романтических представлениях об этом человеке. Поэтому очень важно критическое отношение не только к романтическому образу штуровцев, но и к его бездумному разрушению.

Авторы представляемого альманаха решили (каждый со своих позиций), среди прочего, изучить фактическую сторону деятельности Штура и штуровского движения, так или иначе, касаясь и актуальных проблем, ставших предметом многочисленных дискуссий. Они постарались обойтись без попыток создания «романтического образа» или его разрушения. Название альманаха и публикация стихотворения Штура «Девин, милый Девин» говорят об их стремлении к постижению фактов, имеющих непосредственное отношение к Штуру и штуровскому движению, такому их толкованию, которое важно с точки зрения осмысления словацкой литературы, языка и культуры в целом.

Мартин Браксаторис (рожд. 1983) — выпускник философского факультета Университета им. Коменского в Братиславе по специальностям преподавание общеобразовательных предметов: словацкий язык и литература — русский язык и литература (магистратура), словацкий язык (аспирантура). С 2012 г. работает лектором словацкого языка на филологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

DĚVÍN, MILÝ DĚVÍN

Děvín, milý Děvín, hrade osíralý,
povězže nám, kedy tvoje hradby stály?
«Moje hradby stály v časech Rastislava,
on byl mojí pánem, on Slovanstvu hlava».

Děvín, milý Děvín, hrade osíralý,
kdyže tu otcové naši sněmy mali?
«Vaši otcové tu sněmy držívali,
když si Slavimíra za ochránce vzali!»

Děvín, milý Děvín, hrade osamělý,
kedy na tvých hradbách koruhve se chvěly?
«Koruhve se chvěly v časech Svatopluka,
svalila je Němců i Maďarů ruka!
A od toho času aj já ošedívám
od žele, když se v mé dávné říše dívám.

S hradby moje slzy dolu mi padají,
ony mutnou sestru Moravu dělají.
Proto ona teče kalná do Dunaje.
Já padám, mně rovně zapadají kraje».

Děvín, milý Děvín, časy tvé zapadly,
na nás, volných otců syny, zlé připadly.
«Nechtě smutku toho, tam lysá zůstala
Kobyła, co tolko nade mnou plakala.
Když slunéčko za tu horu se ukrývá,
veždy smutným okem na mne se podívá.
Prvé mi svítilo a včil mne obchází
tak, hle, naše štěstí se časy zachází».

ОСТАВИТЬ
В ЖИЗНИ СЛЕД

В сентябре 1829 года тринадцатилетний Людовит Штур покинул гимназию в Дьёре, где он учился, и переехал в Братиславу, чтобы поступить в евангелический лицей. В школьных документах содержатся сведения о том, что мальчик родился 20 октября 1815 года, что его отец был учителем и что, повзрослев, Людовит изъявил желание стать «политиком» или «теологом». Завершил учебу в лицее Штур в 1834 году в возрасте 20 лет. Из-за трудного материального положения он на некоторое время прервал занятия и вернулся в родное местечко Угровец, чтобы выполнять работу писаря. Уезжая, он попрощался с членами «Чешко-славянского общества», целью которого было «благо и прославление народа своего...». «...со слезами на глазах, он обещал, что хотя физически и будет далеко, но душой он всегда останется с ними». Это единственное и очень краткое упоминание о том дне свидетельствует о трогательном отношении Штура к «Обществу», с которым он так сроднился. Существовавшие тогда в лицее студенческие общества — венгерское, немецкое и словацкое — соперничали между собой и вполне вписывались в общую атмосферу Братис-

лавы. «Чешско-славянское общество» (Spoločnosť česko-slovenská, 1828/1829), в которое входили не только словаки, но и обучавшиеся в Братиславе сербы и хорваты, было одним из самых активных и отличалось тем, что разделяло идею славянской взаимности и в качестве своей цели выдвинуло воспитание национального самосознания народа. Следует напомнить и еще один важный факт: Штур уезжает в Угровец уже как Велислав. Таким образом, он был первым среди членов «Общества», кто прибавил к своему имени славянское имя. Спустя некоторое время, его примеру последуют и остальные.

Вопросом времени было, когда, покинув родительский дом, он, наконец, вернется в Братиславу с тем, чтобы объединить их и повести за собой. Любопытно отметить, что в записках общества нет ни одного упоминания о руководящей роли этого, в сущности, скромного и даже немного застенчивого юноши. Из описаний его внешности следует, что он производил впечатление смущенного человека с подвижным лицом, что, выступая, он много жестикулировал, горбился и т. п. Иначе говоря, на первый взгляд Штур казался самым обычным юношей, а не вождем,

который появился в одно мгновение. Однако это была личность, хорошо сознававшая цель своей жизни, личность, которая последовательно шла к своему «велиславству» («всеславянству» — примеч. переводчика).

Работа писаря в Угровце Людовиту нравилась, да и ее оплата по тем временам была фантастически большая — 325 злотых в год. Благодаря этому он сумел даже кое-что скопить и, не желая долго задерживаться там, вскоре вернулся в Братиславу. Примечательным событием в жизни лица стала памятная прогулка на Девинский град в апреле 1836 года, вошедшая в словацкую историю как «*национальное крещение*». Именно тогда остальные члены «Общества» взяли себе славянские имена. Они пели патриотические песни, читали стихи, клялись, что будут жить и умрут за правду и за свой народ. С тех пор эту группу молодежи стали называть штуровцами. Хотя тогда они еще открыто и громко не называли Велислава своим вождем.

А самому Штуру еще предстояло завоевать себе авторитет среди молодежи, укрепить свои позиции. Он становится заместителем председателя общества, которое значительно изменило характер своей деятельности, сосредоточившись не только на проблемах его внутренней жизни, но и на внешних связях, что нашло свое отражение в переписке. Возобновляются старые контакты, пишутся ответы на письма, которые лежали больше года; лицей и общество посещают известные зарубежные ученые и писатели. В это время общество уже издало работы своих членов, а также литературный альманах «*Плоды*» (*Plody*, 1836).

На рубеже 1836/1837 годов в Братиславе, в том числе и в самом лицее, проходили студенческие волнения. Их инициаторами были студенты, не довольные деятельностью сейма. Они перестали посещать лекции, собирались в кафе и даже совершили нападение на сейм во время его заседания, угрожая насильственными действиями и выкрикивая лозунги «справедливость», «свобода», «гуманизм». В итоге венгерские власти запретили студенческие общества в Братиславе и во всей Вангрии. 5 апреля 1837 года словацкое «Чешско-славянское общество» перестало существовать, осталась лишь библиотека, смотрителем которой стал профессор лица Матей Шервляй.

В этой сложной ситуации функции профессора чехословацкого языка в лицее выполнял Юрай Палкович, по решению Конвента его заместителем стал Людовит Штур, на которого было возложено много обязанностей. В частности, он вел практические занятия со студентами.

Став заместителем председателя общества, Штур получил возможность самостоятельно решать те проблемы, которые прежде решал комитет. В итоге возникло недоразумение между Штуром и некоторыми чиновниками. Однако у Штура не было достойных конкурентов, а после отъезда Александра Болеслава Врховского в Пешт, его положение еще более укрепилось. Тем не менее, вскоре оказалось, что недовольных его руководством было немало. В 1837 году эта группа основала общество «Солидарность», в которое вошли и некоторые бывшие члены «Чешско-славянского общества». Членами тайной «Солидарности» (*Vzájomnosť*)

стали: Александр Болеслав Врховский, Бенъямин Православ Червенак, Михал Милослав Годжа, Йозеф Милослав Гурбан и др.

В 1837/1838 учебном году Штур в качестве заместителя Палковича продолжал преподавание. У него было пять часов в неделю: два часа грамматики, один час истории славянских народов и два часа практических занятий. Однако противоречия между сторонниками Штура и радикалами, во главе которых стоял Врховский, все более обострялись. Углубилась пропасть и между словаками, обучавшимися в лицее, и остальными студентами, главным образом венграми, которые продолжали участвовать в студенческих волнениях. Эти противоречия Врховский ставил в вину Штуру, считая его причиной всех трений.

В 1838 году Штур едет на учебу в Германию. По дороге в Галле он заезжает в Прагу, с тем, чтобы проститься со своими близкими: «*Завтра я уезжаю в немецкие края, а сегодня я прощаюсь с братьями на Влтаве, сегодня я прощаюсь и с Вами, живущими на Дунае, желаю Вам всего самого доброго, успехов в Вашей работе. Вы, замечательная надежда Словакии, работайте вдумчиво, смело, с тем, чтобы мы исполнили предназначение, предначертанное судьбой Словакии, с тем, чтобы мы когда-нибудь оставили след своей жизни в этой вселенной...*» Учась в Галле, Штур познакомился с философией Гегеля, с жизнью немецких студентов, ездил в лужицким сербам, чтобы узнать жизнь тамошних славян.

Летом 1840 года Штур возвращается из Германии на родину. Он снова делает остановку в Праге, некоторое

время проводит у выдающегося ученого Павла Йозефа Шафарика, беседует с представителями чешской культуры. Затем он приезжает в Градец Кралове, останавливается в семье патриотов Поспишиловых. Травма, полученная там, была испытанием его характера, испытанием серьезности его намерений. Пораненную при падении с лестницы руку ему лечит молодая, красивая и образованная девушка по имени Мария, знакомство с которой могло нарушить все его планы. Свидетельство тому — письмо, которое он пошлет сразу же после возвращения в Словакию ее брату Ярославу: «*Ваш Градец меня ужасно ранил. Рана на правой руке, вероятно, уже скоро заживет, однако другая рана — рана в сердце моем, рана, которую я получил, лечась у добросердечной Марии, эта рана — глубокая и неизлечимая...*» И далее: «*...Кто бы мог мне предсказать, что в Градце я познаю боль любви, которой я так старательно избегал, чтобы иметь возможность работать, отдавать все силы осуществлению одной-единственной цели?... Мария нарушила покой моего сердца...*» Однако планы Штура все же не были нарушены.

В Праге Штур узнает, что австрийская полиция обнаружила все тайные студенческие общества, и даже узнала об обществе, которое было создано в Братиславе без его ведома. Сразу же после приезда в Братиславу он предупреждает об этом Михала Милослава Годжу: «*Спрячь свои вещи, если у тебя есть что-то запрещенное*». Он снова пытается получить место педагога, однако у него нет намерений сделать это в ущерб стареющему Палковичу. Более того: он помогает ему редакци-

ровать «Татранку» (*Tatranku*), к изданию которой привлекает своих друзей. Конвент, управляемый венграми, однако надеялся, что со смертью Палковича кафедра перестанет существовать. Более того, Штура пытались убедить отказаться от мысли основать в братиславском лицее Кафедру славянского языка и литературы. Он даже получил от генерального инспектора школ графа Карола Зая письмо, в котором, в частности, говорилось: «*Вашей обязанностью является трудиться для веры и родины, то есть для мадьяризма, а не лингвистическими исследованиями свой богатый талант гробить*».

В то время, когда решался вопрос о будущей деятельности Людовита Штура, сам он, находясь во власти своего любовного чувства, уходит в себя, не появляется на людях. Гурбан по этому поводу даже объявляет тревогу: «*Я не могу молчать: Штур женится*», — пишет он. Однако, как показало время, это была преждевременная тревога: желание Штура отдать жизнь за правду, за народ оказалось сильнее. Вскоре он опять был активен, полон планов, о чем 15 января 1842 года написал чешскому патриоту Вацлаву Станеку в Прагу: «*С нашей газетой до сих пор неизвестность. О Боже, когда однажды мы получим разрешение, а затем и место профессора и депутата сейма, вот тогда мы выступим. Когда я представлю себе последствия, я весь дрожу от нетерпения, провожая ночи без сна. Господь нас услышит, ибо наши требования бескорыстны и справедливы*».

Деятельность Штура в братиславском лицее проходила непросто. В конце 1841/1842 учебного года студенты выступили против него и про-

тив Ондreja Годжи. Годже как второму заместителю Палковича ставили в упрек властность, Штуру — рабскую покорность. Среди недовольных был и Янко Францисци Римавский, который пользовался авторитетом среди студентов. Штур нашел подходящий случай, чтобы высказаться по поводу этой оппозиции, которая пренебрегала законами общества, считая, что свободный человек является сам себе законом. Перед отъездом на летние каникулы студенты собрались в здании лицея на Конвентной улице на «*прощальное заседание*», где вновь прозвучали их требования и упреки. Штур говорил долго и убедительно, так что многие не могли сдержать слез. В итоге он одержал «*голововокружительную победу*», а в свое письме добавил: «*всем сердцем я ощутил, что у нас есть жизнь, есть будущее*».

Вся дальнейшая деятельность Штура была направлена на защиту прав словацкого народа. Он выступает против насильственной мадьяризации словаков, пишет на немецком языке труд «*Протесты и жалобы Славян в Венгрии по поводу противозаконных действий Венгров*» (*Sťažnosti a žaloby Slovanov v Uhorsku na protizákonné prechmaty Maďarov*), в котором обозначил связь между народом и его языком, как проявлением самобытности этого народа. По мнению Штура, народ, который утратил свой язык, утрачивает и право на свое существование. Поэтому, с его точки зрения, словацкий язык является решающим фактором дальнейшего развития нации, а решение проблемы литературного языка — самая острая среди остальных. Известно, что до сих пор католическая интеллигенция, главным образом священнослужители,

в качестве литературного языка использовали бернолаковщину, за основу которой было взято западнословацкое наречие. В то же время евангелически-интеллигенция в качестве литературного языка использовала чешский язык, который простой народ не понимал. Однако о своих планах Штур еще не решился информировать чешских друзей, так как опасался их реакции на языковое разделение.

14 февраля 1843 года в маленькой комнатке Штура на Паненской улице в Братиславе встретились 28-летний Людовит Штур, 21-летний Янко Францисци Римавский, 20-летний Само Во-зар, 21-летний Ян Калинчак, 21-летний Янко Габер Ловинский и 25-летний Само Штур. В этот день, который называют «*днем возрождения словацкого языка*», они договорились о том, что отныне свои письма, стихи, пьесы, критические статьи будут писать на словацком языке и что из-под их пера не появится ни одно слово, написанное не по-словацки. Неделию спустя, Штур подает уже четвертое по счету прошение об издании газеты, в котором приводит и ее полное название: «*Словенские народные новины*» (*Slovenske Národné Noviny*). Получив разрешение на ее издание, он решил издавать ее на родном словацком языке.

В каникулы 11 июля 1843 года Годжа и Штур встретились в приходе у Гурбана в местечке Глбока с целью обсудить дальнейшие проблемы, касающиеся словацкого языка. Штур и Гурбан высказались за его немедленное введение, Годжа убеждал в необходимости подождать еще хотя бы год, а уже потом сказать свое решающее слово. При этом он подчеркивал, что словаки не должны

отрываться от чехов. Приняв решение большинством голосов, они посетили Яна Голлого в местечке Добра Вода. Голлы одобрил их намерения, однако, при этом не изменил своего отношения к бернолачине.

В последний день учебного года произошли события, начало которых относится еще ко времени до встречи штуровцев в местечке Глбока. 26 июня 1843 года лицей на Конвентной улице в Братиславе посетила комиссия во главе с бароном Габриэлем Пронаем. Целью визита было расследование антиправительственной деятельности Штура и его ближайших соратников. Приговор был вынесен 31 декабря 1843 года. В нем говорилось о запрете Штуру дальнейшей педагогической деятельности. А 25 февраля 1844 года аналогичную точку зрения высказал и педагогический совет лицея. Однако молодежь осталась верна своему Велиславу. В знак протеста против действий властей 22 студента покинули Братиславу. Большинство из них перешли учиться в лицей города Левоча. В итоге Штур перестал преподавать в лицее, но от своих намерений не отказался. Он работает над рукописью «*Наречие словацкое, или Потребность писать на этом наречии*» (*Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí*). Однако ему удалось осуществить не все планы. Штуру давно хотелось создать общество, которое бы занималось изданием книг и обучением народа на родном языке. О создании такого общества штуровцы договорились еще летом 1843 года. Основные его задачи сформулировал Штур в Липтовском Микулаше у Годжи 26 августа 1844 года. Именно там было создано общество

под названием «Татрин» (*Tatrin*). Целью его деятельности было распространение словацкого языка, издание книг, оказание содействия молодежи в плане образования. Однако главной задачей «Татрина» все же оставалось введение нового литературного языка. Поэтому на его первом заседании летом 1844 года было решено, что оно в своей деятельности будет придерживаться среднесловацкого диалекта.

1 августа 1845 года вышел в свет первый номер «Словенских народных новин». Газету читали в городах и деревнях, читали ее простые люди и представители низших слоев дворянства. Наибольшей отклик получила опубликованная в ней статья «Панславизм и наш край», в которой подчеркивалось, что приверженность национальному движению отнюдь не означает панславизм. Штур старался редактировать газету в духе времени, с учетом наличия цензуры, которая постоянно «держала его в узде». Соратники Штура, однако, нередко выражали свое недовольство по поводу того, что он мало радикален. Оппонентов у него было немало. Так, Янко Римавский требовал от него соблюдения «либерально-демократических принципов». Янко Краль написал ему «оскорбительное, грубое» письмо. Свое несогласие выражал Гурбан. Разошелся Штур и с Калинчаком, у которого был роман с Марией Шройеровой, против чего Штур резко возражал. На «татринских» посиделках в Липтовском Св. Микулаше, где его критиковали, он воскликнул: «Я не стану больше этим заниматься, делайте, что хотите, выбирайте других». А потом еще и добавил: «Каждый только о себе и думает».

В это самое время Штур намеревался осуществить еще одно свое намерение: он хочет быть депутатом венгерского сейма и там сформулировать требования словацкого народа. Читатели «Словенских народных новин» были буквально ошарашены, прочитав материалы Штура, в которых он описывал представителей в венгерский сейм. О Штуре они говорили: «Вот это был бы хороший для нас депутат сейма», что вполне объяснимо: вся деятельность Штура и его единомышленников в газете была своего рода подготовкой к миссии депутата.

В канун предстоящего заседания сейма Штур пишет письмо, обращенное к жителям Зволена, в котором выражает свои амбиции на мандат депутата от этого города. У Штура были все основания стать им: он прекрасно ориентировался в исторических событиях, в политике, в вопросах права, был хорошим оратором, умел смело и точно формулировать свои требования. Впервые на заседании сейма он выступил 17 ноября 1847 года. Он говорил о правах вольных королевских городов, об одной из основных проблем того времени — освобождении крестьян от крепостной зависимости, об участии свободных крестьян в общественной жизни, о ликвидации господских судов и т. п. Горячо и смело говорил Штур в январе 1849 года о проблеме мадьяризации в словацких школах, настаивая на том, что дети должны учиться на родном языке, а не на венгерском. Предводитель венгерской оппозиции Людовит Кошут поначалу воспринимал выступления Штура снисходительно, ибо штуровское мнение совпадало с его либеральными

взглядами. Однако позже, под влиянием революционных событий в Париже и в Вене, его взгляды радикализировались, он понимал, что нельзя ждать от Штура ничего хорошего. Когда до Штура дошли угрозы, которые произносил Кошут в его адрес в частном разговоре, он на вопрос о том, что сделают венгры со словаками, ответил: «Надо арестовать Годжу, Штура и Гурбана и будет покончено со Словаками!»

Вскоре венгерский сейм был распущен. Было заявлено, что заседания будут продолжаться в Пеште, так что у Штура уже не было возможности заявить о своих взглядах в парламенте. Оставались лишь «Словенские народные новины». В своей вступительной статье под названием «Новый век» Штур обобщил все то, что было достигнуто. Он писал: «Больше не будет наш бедный народ надрываться на работе для того, чтобы другие использовали плоды их труда, кормились за их счет, пили и визжали от радости, в то время как сам он, голодный и жаждущий, с болью вздыхал и едва мог отдышаться; не будет больше наш народ ждать со своим скромным урожаем господскую десятину, когда господин соизволит забрать у них самые лучшие снопы, не будет больше господин судить, а народ наш господские пороги обивать: ничего этого уже не будет — все кануло в вечность, наш народ уже свободен, он станет гражданином и человеком!» Однако Штур был уверен: за свободу надо бороться, страдая, не жалея своей жизни. Таким образом, для Штура и его друзей — Гурбана, Годжи и других — наступает самый бурный период их жизни.

Между тем революционные события сотрясали Европу, восстали

французы, немцы, итальянцы, чехи, бунтовали народы австрийской империи — хорваты, сербы, словенцы, чехи, венгры, словаки.

Все началось с агитации на Мыеве, в Гонте и других местах Словакии, где на народных сходах разъяснялись мартовские законы. Проходили собрания и в Вене. В кафе «У Шперла» Штур выступал со страстными речами, отсюда он поехал в Прагу, где держал речь перед революционно настроенными жителями. 10 мая 1848 года он приезжает в Липтовский Микулаш, затем к Годже, где был принят документ «Требования словацкого народа». Затем он скрывается, спасаясь от ареста, бежит в Прагу, где проходит Славянский съезд. В начале июня в Братиславе выходит последний номер «Словенских народных новин». Штур вместе со своими друзьями отправляется к южным славянам — братьям сербам и хорватам, чтобы попросить помощи для словацкого восстания. В начале сентября снова приезжает в Вену, где собираются добровольцы, выразившие желание принять участие в восстании. Начинает функционировать Словацкое национальное собрание, членами которого становятся Штур, Гурбан и Годжа. Уже в первых боях с венгерской гвардией и королевскими войсками появляются первые раненые и первые мертвые. Неожиданно Годжа, который совсем иначе представлял себе борьбу — без крови и жертв, покидает место происходящих событий. Бегство Годжи навсегда посеяло неопределенность к нему Штура. Восставшие вынуждены были отступить и просить помощи у Вены...

После революции Штур попытался возобновить издание газеты

«Словенске народне новины», но его просьба была отклонена. Не удалось возобновить и деятельность общества «Татрин». За всеми этими неудачами в январе 1851 года последовала семейная трагедия — смерть брата Карола, в результате которой его семья — семь детей и жена — остались сиротами. О том, в каком состоянии находился тогда Штур, свидетельствует его письмо русскому слависту Измаилу Даниловичу Срезневскому от 23 января 1851 года. Штур писал: *«Чем дальше, тем более тяжелые времена наступают для нас. До сих пор, хоть и под венгерским ярмом, у нас все-таки какая-никакая была жизнь и хотя бы какие-то связи, а теперь в условиях германизации, когда мы находимся в состоянии осады, у нас нет ничего, мы разбросаны и бездельничаем. Печально, но факт. Немцы после победы обещали нам национальное равноправие, венгры потерпели поражение, однако равноправие получилось курам на смех. Вместо господствующего ранее венгерского языка у нас теперь все языки равны, но только не словацкий, который остается достоянием лишь низших слоев общества...»*

В это время полной безнадежности отец Людовита болеет, живет в бедности, без какой-либо помощи. И Штуру приходится заботиться не только о сиротах, но и об отце, для которого он пытается добиться хотя бы какой-нибудь пенсии. Когда это, наконец, ему удастся, отец умирает.

Однако все же, несмотря на все трудности Штур сумел осуществить одно из важных начинаний: в октябре 1851 он с Годжей, Палариком, Заводником и Радлинским, то есть вме-

сте с евангелистами и католиками, договорился о дальнейшей реформе словацкого языка. И уже в начале 1852 года выходит в свет *«Краткая грамматика словацкая»* (*Krátka mluvnica slovenská*), написанная Мартином Гаталой, в которой было кодифицировано то, о чем они договорились ранее и что составляет основу современного словацкого литературного языка, иначе говоря, его этимологическую кодификацию.

Семейные трагедии, преждевременная смерть брата Карола и отца, были для него тяжелым ударом. Будучи душевно и физически истощен, он отправляется на лечение в санаторий. В этой в полном смысле слова безнадёжной ситуации, не имея работы и финансовой поддержки, Штур неожиданно получает предложение от влиятельного и доброжелательного человека — Микулаша Остролуцкого, который хочет помочь ему с работой в суде Братиславы. Однако Штур отклоняет это предложение. Он пишет по этому поводу: *«Каждый, движимый жизненным предназначением, кто поднялся над повседневной жизнью, которой он остается верен, живет в гармонии с самим собой, чтобы понапрасну не отвлекаться на внешний мир. Гармония с собственным “я”, внутренний покой является основным условием каждой счастливой, а главное — каждой активной и высшей жизни. Однако если человек отходит от своего предназначения, то он оказывается в противоречии с самим собой. Если бы я принял это предложение, я бы вступил в противоречие с собственным “я”, а так я отдал предпочтение именно этому, отказавшись от предложения, хотя оно и ис-*

ходило от почтенного человека...» И далее: *«Говорят, что в Белграде, в Сербии меня выбрали или обязательно выберут профессором политологии, что вполне возможно. Если не будет никаких интриг, я с удовольствием приму это приглашение. Там моя жизнь еще возродится».*

В этом письме есть также строчки, предназначенные Аделке Остролуцкой. В них он проявляет интерес к ее тихой семейной жизни, сожалеет по поводу того, что не имел возможности поприветствовать ее в родном местечке из-за проблем с племянниками. Аделка Остролуцкая — симпатичная, очень умная восемнадцатилетняя девушка заинтересовала его уже при первой встрече, которая состоялась в местечке Земанске Подградие, где его младший брат Самуэль был евангелическим священником. Это было шесть лет тому назад. Им было, о чем поговорить. Аделка знала несколько европейских языков и даже переводила на английский язык речи, произнесенные им в сейме. Она интересовалась литературой и музыкой. Ее отец — Густав Остролуцкий — был депутатом в Зволене. Имея большой авторитет в городском совете, он помог Штуру получить депутатский мандат. Его дочь Аделка все чаще оказывала Людовиту внимание, а он в свою очередь этому не противился, все больше попадая под ее чары.

В это нелегкое время Штур продолжает работу над своим трактатом *«Славянство и мир будущего»* (*Slovanstvo a svet budúcnosti*), в котором он воссоздает облик мира будущего, где словаки не погибнут, потому что они могут опереться на своего союзника — Россию. С его точки зрения, объединение сла-

вянских народов станет необходимым в силу определенных политических событий: *«Действительно, настало время, братья, чтобы мы поняли друг друга! Наше трагическое время призывает нас мощным, достойным голосом к действиям, а для этого нам больше всего необходимо понимание».* Его вдохновляет мощь России, которая, с его точки зрения, одна только способна объединить всех славян, хотя для этого ей еще предстоит многое сделать самой (например, изменить зарубежную политику, отказавшись от тайных союзов, ликвидировать тайную полицию, дворянские привилегии и т. п.). В свою очередь славяне должны были бы принять православие в качестве их общей религии.

После окончания революции Штур, живя в Модре, находился в полной изоляции, под полицейским надзором. В эти трудные дни самым близким его приятелем был Ян Калинчак, с которым он дружил еще со студенческих лет. Уже давно отошли в прошлое их разногласия по поводу любовного романа Калинчака и его неучастия в революционных событиях. Несчастье объединило их, и Штур радовался каждому визиту своего друга, который одновременно помогал ему в работе, в частности, в написании труда *«О национальных легендах и песнях племен славянских»* (*O národných povestiach a piesňach plemien slovanských*, 1853). В своем труде Штур противопоставляет славянскую поэзию и жизнь славян западной поэзии и жизни. Народная поэзия славян, с его точки зрения, воплощает силы и дух народов, их гуманизм и любовь к отчизне. Он выражает надежду на то, что славянский фоль-

клар в будущем позитивно повлияет на национальное художественное творчество: *«Нет более певчего народа на свете, — пишет он, — чем славяне. Хотя и у других народов есть песни, и там слышно пение, но ни у кого нет их так много»*. Штур с доверием относится к Аделе Остролицкой и ее ближайшему окружению. Он пишет ей письмо, в котором сообщает об окончании труда, посвященного славянской поэзии. Когда Штур отправляет ей это известие, Аделы уже не было в живых. Она умерла совсем молодой, в возрасте 18 лет, совсем неожиданно, от тифа. Это известие так потрясло Людовита, что он не в состоянии был даже написать ее родителям соболезнование. Ему хватило сил только на то, чтобы сообщить об этом Гурбану. Тот ответил ему трогательным письмом, которое Штур переслал ее близким, и одновременно поблагодарил друга за эти трогательные строчки. Штур писал: *«Ты очень точно охарактеризовал ту, что, исполненная любви к нам, нас покинула, и сердце мое, и без того уже истерзанное, уходом своим сильно ранила. Это было особенное создание, скорее дух, чем тело... Вот видишь, один за другим уходят близкие нам люди, и надежды наши умирают одна за другой... Кругом обман, все погибает! ... Мы посвятили себя делу духа, а посему должны пройти тернистый путь»*.

Однако это не был единственный удар для Штура в тот год. 28 августа 1853 года умирает его мать, к которой он питал самые нежные чувства.

В том же году он начинает контактировать с русским поэтом и переводчиком Николаем Васильевичем Бергом, подготовившим к изданию сборник *«Песни разных народов»*. По

просьбе Берга Штур собрал и перевел на русский язык 29 венгерских песен, из которых 8 тот опубликовал в своей книге. В это время в Братиславе печатаются штуровские *«Песни и напевы»* (*Spevy a piesne*). Раздел «Напевы» завершает послереволюционное творчество Штура. Здесь есть и стихотворение «Напоминание» (*Pripomienka*), в рукописи которого было посвящение *«сынам народа нашего, борцам»* и которое заканчивается заверением: *«Была ночь, было утро, настанет и день словаков»*.

22 декабря 1855 года к Штуру пришли двое приятелей, чтобы позвать его на охоту. Они вышли из дома около 10 часов утра. Морозило. Сначала Штур охотился в виноградниках, потом направился в поле. Подошел к канаве, отделяющей виноградники от поля. Земля была промерзшая. Когда он перерывал через канаву, его ружье жестко уперлось в землю, капсула разбилась и... выстрел! Весь магазин вошел ему в ногу! К счастью, Штура обнаружил проезжавший мимо извозчик. Подоспевшие приятели положили его на телегу.

Раненый Штур пролежал больше трех недель. Понемногу рана заживала, и он уже был почти здоров. Однако, обнаружив, что раненая нога короче здоровой, он, позвав доктора, попросил его: *«Пан доктор, у меня одна нога короче другой. Значит, я буду хромать? Попробуйте ее потянуть!»* А когда тот не захотел этого сделать, добавил: *«Вы должны, я беру на себя ответственность!»* Доктор осторожно взял его ногу и стал тянуть. Когда Штур застонал, тот отпустил ногу, потом боль утихла, и он снова стал тянуть. В этот момент из раны хлынула кровь. Увидев

это, Штур произнес: *«Плохи мои дела»* и умер.

Когда о ранении Штура узнал Михал Милослав Годжа, он написал ему письмо, в котором вспоминал их старую дружбу, желал здоровья, говорил, что молится за него и надеется на лучшее. Вот только судьба распорядилась иначе. Письмо было написано в Липтовском Св. Микулаше 10 января 1856 года. А через два дня Штура не стало.

Его похоронили на евангелическом кладбище в местечке Модра. Все хлопоты взял на себя Гурбан. Никогда прежде не было в Модре таких торжественных похорон. Перед гробом шли два студента, крест-накрест дер-

жавшие сабли. За ними — девушка, которая на тарелке несла венок. Гроб поочередно поддерживали двенадцать ремесленников, двенадцать студентов и двенадцать крестьян. По обеим сторонам гроба несли горящие факелы.

На следующий день после похорон близкий друг Штура Ян Калинчак напишет письмо его брату Янику, который не успел приехать на похороны: *«Ночью пушистый белый снежок покрыл его могилу, а мать-земля приняла его в свое лоно материнское; мы же с грустью и болью думали о том, что, может, ему там лучше, чем нам на этом холодном, мучительном свете. И слезы имеют право на существование»...*

Перевод А. Машковой

Томаш Винклер (р. 1940) — историк литературы и литературный критик, автор двухтомной монографии «Матица словацкая в перид с 1919 по 1954 г.» (1971), совместной с П. Штрелигером книги автобиографических миниатюр о словацких писателях («Кто против судьбы. Биографические миниатюры» (1976, 1978, 2014), монографий о Й.М. Гурбане («Пером и мечом» (1982, 1977), Душане Маковицком («Трагические поиски жизни» (1991), биографического труда «Йозеф Шкультеты — свидетель времен минувших» (2003) и др.

Ян ЗАМБОР

ЛЮДОВИТ ШТУР. ИСТОРИЯ НАЦИИ, ИСТОРИЯ РЕЧИ

Сочными красками он рисовал
предков в далеком прошлом,
вклад земляков в события,
их скрытое могущество...

И видел он отчуждение, унижение, осквернение...

И видел он народ — несмышленного ребенка,
долгую дрему, немоту, бездействие, леность,
бесчувственные камни,
которых веками как будто не трогали ветры,

соплеменников, оставляющих память только водам рек,

прикованных к темному углу,
с редкими попытками взлететь,
с недоросшими крыльями,

позволявших себя отвергать,

разрешавших щеголеватым насмешникам топтать себя,
при этом их возвеличивая, есть у них из рук,
подобно пресмыкающимся, скоту, колоде бездуховной
и залежам,

бросавшихся в пыль перед ничтожеством,
а значит — достойных лишь быть попранными,
подобно пыли,

равнодушных к постыдному затмеванию гордыней,
черными душами,
а значит — недостойных человека, сотворенного
по Божьему образу,

и жизни,
допускающих собственную пустоту,
опустошение
и спуск,
опускавших самих себя —
худшее из допущений,

он видел их самоуничтожение у чужих ворот,
потерянность,
скованность,
перебежничество,
неродную жизнь,
зависимость от других,

разбросанность,
вечный плач слабых
вместо неустрашимого отстаивания основ
и стараний...

Его внимательный взгляд орла видел всю нищету,
завладели им страшные печали,
но из проломов темного дна
он снова поднимался к зорям дня,
из этих печалей — как свидетельствует Гурбан —
деянья его возникали.

В истории речи символами проявлялось
нитранское Глубокое,
где он с соратниками глубоко к сердцу принял
свое племя и его восхождение
и решился открыть путь,

Добра Вода — Голлого огорченное благословение,

дни приветствия
перед алтарем Криваня,
поднятая
дароносица
с сияющей сердцевиной,
источника
чистой
речи.

Она была ему спутницей,
до поры не открытой миру.

Действовать, и притом беречь,
подобно новому Константину,
взять в невесты себе
словацкую речь.
Сняли они одолженное одеяние.

Она была ему, как река Ваг,
свежим быстрым потоком,
гибкой,
певучей,
стремительной,
бьющей,
бушующей,
полнозвучной,
милой слуху,
шумящей,
приятно болтающей,
играющей,
идущей серьезно,
тихой
и ловящей тишину,
убаюкивающей...

Она была ему нашим
духом
(кремнистая),
душой,
глубочайшей глубиной,
бьющимся сердцем,
свободой,
ковчегом единства.

Словно волшебной палочки взмах,
из глухой скалы вырвался
поток, звенящий на камнях.

Недоброжелатели
мутили воду, просто ужас,
строили запруды.

Для одних это было
прискорбное заблуждение,
для брезгливых носов —
с душком дуновение.

Но жизнь
нельзя
задержать.

Спасибо тебе, Людовит,
за то, что дело твое чистотой звучит,
за безудержность и гордость твоего благородного
и доброжелательного духа,
за непреклонную решимость и выдержку,
за удел отшельника.

Они постоянно нас из праха поднимают
и пробуждают натуру.

Возблагодарим небо за Людовита Штура

Июль 2014 г.
Перевод Н. Шведовой

Из книги Ján Zambor. Dom plný neviditeľných, 2014

Ян Замбор (рожд. 1947) — известный словацкий поэт, переводчик, литературовед, педагог, автор многих поэтических сборников и научных трудов. Известностью пользуются его переводы русской поэзии (В. Хлебников, М. Лермонтов, М. Брюсов, А. Ахматова, М. Цветаева, Б. Пастернак, С. Есенин и др.), а также поэзии чешской, испанской, украинской. Преполагает в Университете Коменского в Братиславе.

Н.В. Шведова (р. 1959) — кандидат филологических наук, исследователь словацкой литературы XIX–XX вв., преимущественно поэтического творчества словацких писателей, переводчик. Автор многих научных работ, в том числе монографий «Философские мотивы в словацкой поэзии (конец XIX — первая половина XX века)» (2005), «“Чудесные искры”: поэзия словацкого надреализма (1930–1960-е гг.)» (2015).

Юрай САРВАШ

ОРЕЛ ТАТРАНСКИЙ

Драматическая композиция из жизни Людовита Штура*

Действующие лица:

Людовит Штур

Йозеф Милослав Гурбан

Доктор Майер

Мария Поспишилова

Граф Зай

Адела Остролицкая

Микулаш Остролицкий

Алжбета Остролицкая

Лайош Кошут

Весна

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На сцену с разных сторон медленно выходят все действующие лица. Все одеты в современные костюмы, и только на Гурбане и Штуре исторические рубахи и ментики. Штур сидит в большом кресле посреди комнаты, обставленной в духе того времени. Гурбан стоит на заднем плане на некотором возвышении, от которого идет уклон к центру сцены.

Все хором начинают петь песню «Боже, Боже, какими они были...». После первого куплета все медленно удаляются со сцены, и лишь Гурбан остается стоять на заднем плане в мягком освещении и небольшом клубе дыма. Штур в одиночестве проникновенно допевает последний куплет песни.

Гурбан: Людовит, значит, ты окончательно решил ехать учиться в Германию. С одной стороны я тебя понимаю, но с другой — мне тревожно за тебя. И за твое здоровье, и за то, как мы будем тут одни, без тебя. Наше Чешско-славянское общество под угрозой запрета, а ведь оно полностью держится на тебе. Если его закроют, то вся наша работа пойдет насмарку, вся наша борьба за национальные и социальные права. И давление на нас со стороны венгерского правительства усилится. Кто заменит тебя?

Штур: Йожко, не думай, что я уезжаю с радостью. Когда я ездил прощаться с родными в Угровец, мы поднялись на мою любимую гору — ты ее знаешь, ее называют Княжеский Стол, — так я думал, у меня сердце разорвется от горечи. Когда видишь чудесные родные края, своих дорогих друзей и заплаканную мать, разве можно удержаться, чтобы не проронить слезу и где-то в глубине души не подумать о том, что, возможно, видишь все это в последний раз.

Гурбан: Это-то меня и тревожит. Все же ты болен, Людовит. Эта болезнь мучила тебя два месяца, и если бы не наш дорогой друг доктор Майер, кто знает... Кто знает... Хотя... Господин доктор, как прошел ваш последний осмотр? Ему можно ехать?

Майер: Даже если бы я запретил ему, то насколько я его знаю, это никак не повлияло бы на его решение. Но, слава богу, все в порядке. Легкие чистые, и при соблюдении режима он быстро вернется в прежнюю форму.

Штур: Я буду благодарен Вам, доктор, до конца моих дней, что Вы вытащили меня из этой передраги. И если со мной что-нибудь случится, я всегда буду обращаться только к Вам. Но вы же знаете, как говорят в народе: сорняк ничем не уничтожить. И запомни, Йожко: герой должен погибнуть молодым, чтобы мир не увидел его немощи.

Гурбан: Ты хороший философ, Людко, но когда-нибудь ты так себе накаркаешь. Не кличь беду! Лучше подумай про дела нашего Общества, про положение в стране, которое чем дальше, тем все больше удручает. Ты уезжаешь и оставляешь нас тут на произвол судьбы.

Штур: Но я же вернусь. А вся эта ситуация мне хорошо знакома. Теперь я хочу изучить философию Гегеля, его твердую немецкую натуру. Последовательность и организованность. И великих Гете, Шиллера. Познакомиться с новыми людьми. Обрести друзей, которые могли бы помочь нам выбраться из этого национального и социального маразма. Ведь там обучаются русские, сербы, поляки. Я остановлюсь в Праге у наших родственников. Они помогут мне. И вернусь обратно, полный новой жизненной энергии.

Гурбан: Ну вот, ты опять фантазируешь. За это-то я тебя и люблю.

Штур: Без фантазии, без желания познать мир и хороших людей, без надежды на то, что это возможно, у тебя никогда ничего не получится, ты никогда не сможешь сделать ничего хорошего ни для себя, ни для народа. Что вы на это скажете, доктор?

Майер: Я не психолог, но из своего опыта могу сказать, что ты прав. Однако я здесь всего лишь для того, чтобы тебя лечить.

Штур: Тело и душа — это единое целое.

Майер: Это так. Если бы я не вылечил твое тело, то и душа твоя сгорела бы, и ты не смог бы поехать в Берлин.

* Перевод стихов Л. Штура — Н. Шведовой.

Штур: Хорошо, что Вы напомнили мне про Берлин, господин доктор. Мне даже пришлось обмануть полицию, но это была ложь во благо. Вы же знаете, мне выдали паспорт для поездки в берлинский университет, но учеба там стоит очень дорого, да и жизнь в самом Берлине тоже. У меня нет на это средств. Поэтому я еду в Галле. На это у меня денег хватит. И университет там отличный.

Гурбан: Но ведь если об этом станет известно властям, тебя тут же объявят предателем. Ты же для них как бельмо на глазу.

Штур: Поэтому будем надеяться, что они об этом не узнают. А вы должны всем говорить, что я в Берлине.

Гурбан: То есть ты якобы в Берлине, на самом деле в Галле, а мы тут будем трястись от страха, переживая, что будет с тобой и со всеми нами?

Штур: Вы справитесь! Ты, Годжа, Шкультети, Врховский, Червенак. Да и молодые уже хорошо себя показали — Сладкович, Борик, Матушка, Зох. Надо только сохранять и пополнять нашу библиотеку и вести как следует кассу. Держитесь вместе. Не давайте повода распустить Общество.

Гурбан: Но ведь ты не сможешь посылать нам письма из Галле. Иначе они тебя выдадут.

Штур: Это правда. Я буду отправлять их из Берлина или передавать через кого-нибудь.

Майер: Лично мне ничего об этом не известно.

Гурбан: А кстати, если бы Вас, как врача Штура, начали допрашивать, что бы Вы сказали?

Майер: Ну, я бы сказал, что у Штура было серьезное инфекционное заболевание легких и чтобы они оставили его в покое.

Штур: А что Вы мне скажете про берлинский медицинский университет?

Майер: Я, мои дорогие, учился в Пеште и могу сказать, что медицина там на высоком уровне.

Штур: А я вот уверен, что когда-нибудь и у нас, словаков, будет собственный университет.

Гурбан: Но нам нужно за это бороться (*Берет две сабли, одну бросает Штуру*). Ну же, сражайся. Я буду биться с тобой со стихами Голлого на устах:

Народ словацкий, у тебя детей не счесть.
Не счесть несчастий, что пришлось вам перенести.

Штур: Но ни монголы — вой звериный вместо речи,
меч немцев беспощадных и жестоких турок сечи
до сей поры перечеркнуть славян не в силах.

(*Фехтуют*).

Гурбан: Непокоренные, пойдут на поле брани
могучий чех, словак и мораванин,
еще с полей родных откликнутся поляки.

Штур: В другие части света я перенесусь —
цветет и крепнет без границ святая Русь.

(*Фехтуют*).

Гурбан: Народ любимый мой, ты славен, так вздымай
побегов молодежь, словно липа ширит май,
и заживляй след давних ран, погибелью грозивших.

(*Фехтуют. Штур поскальзывается и слегка ранит себе руку*).

Майер: Только не поубивайте тут друг друга. Хорошо еще, что я здесь.

Штур: Это ерунда. Чуть-чуть крови.

Майер: От таких небольших ран бывают большие несчастья. Если бы вы хоть за женщин сражались. И кто из вас победил?

Гурбан: Если бы речь шла о женщинах, тогда точно победителем был бы я. Людко бы не стал биться за женщин.

Штур: Родина тоже женского рода.

Майер: Но ее ты не сможешь взять в жены.

Штур: Но ты можешь прожить с ней счастливо всю жизнь, и она тебя не предаст.

Гурбан: Родина — нет. А вот люди, живущие тут, могут сильно тебе навредить. Любить одну лишь родину мог позволить себе только Бернолак, который был католическим священником.

Штур: Вот видишь, а сколько он смог сделать! Если бы он был женат, он никогда бы не совершил таких великих дел. Он был первым кодификатором словацкого языка. Я его бесконечно ценю.

Гурбан: И я. Но возьми, к примеру, нашего Юрковича. Какой он патриот! И его дочь Анечка тоже разделяет наши идеи.

Штур: Йожо, ведь ты дал клятву. Что мы обещали друг другу?

Гурбан: Но ведь есть даже пословица: сердцу не прикажешь.

Майер: Хорошая семья тоже может послужить народу.

Гурбан: Ты ведь знаком с Ярком Поспишилом из Праги и собирался его навестить. Вот тебе пример большой семьи, преданной чешской национальной идее. Ярko наверняка пригласит тебя к своим родителям, они живут в Градце Кралоу. Посмотришь, как они там живут, какая прекрасная у них дочь Мария. Стоит тебе ее увидеть, и я ручаюсь, ты забудешь о своей клятве. Красивая, умная, патриотка. Так что, Штур, будь осторожен, будь осторожен!

Штур: Тебе бы только поддеть меня, а сам-то небось женишься, не успею я вернуться.

Гурбан: Ну уж нет! Без тебя бы моя свадьба не состоялась.

Штур: Для меня это было бы равносильно поминкам.

Гурбан: Не бойся. Я буду сообщать тебе обо всем, что тут будет твориться. Да пребудет с тобой Бог!

Конец картины. Свет гаснет. На заднем плане появляется певица, она поет песню на стихи Л. Штура.

Из глубин печальных рощи
 смотрит домик опустелый,
 о былой он помнит мощи —
 нет уж славы и веселья.
 Твою сень покинут, милый,
 песен звуки угасают,
 голоса певцов — без силы,
 грустно девы умолкают.
 Грустен ты и сам: от дома
 уезжаешь в путь свой длинный,
 бросишь взгляд на лес знакомый —
 зазвучит он мандолиной.
 И в земле чужой и странной
 без друзей года продлятся,
 но поманит край желанный —
 мне в отчизну возвращаться.

КАРТИНА ВТОРАЯ

У Поспишилов.

На заднем плане, словно вила, появляется Мария Поспишилова. Под музыку она идет вперед и доходит почти до авансцены. В конце раздается звон дверного колокольчика. Мария останавливается, поворачивается спиной к публике. Музыкальный мотив обрывается. Штур выходит вперед по той же траектории, что и Мария. Останавливается перед ней. Мария подходит к нему ближе. Подает ему руку для поцелуя.

Мария: Людовит, как поживает мой брат Ярослав? Как вас встретила Прага?

Штур: Мария, Мария, как Вы узнали, что я...

Мария:

Мне приснился сон.
 Волшебный сон объял меня.
 Передо мной стояли мои дети.
 Прекрасный муж приблизился ко мне.
 Как ласково глядел он на меня!
 О, тот прекрасный сон!

(Смеется). Это из одного моего стихотворения, которое напечатали в «Цветах». А вы помните наизусть какое-нибудь свое стихотворение?

Штур: Мария, знаете, я... Ну, хорошо. Вы читали о весне, а я — об осени.

Дождь долину поливает,
 тучи в небе пролетают,
 ветер тучами играет
 и долину затемняет.
 К юноше слеза упала,
 никому не помешала,
 вместо уст разговорилась,
 мысль на ней остановилась:
 вот и осень, вёсен злато
 улетело прочь куда-то,
 жизнь уж к осени склонилась,
 с одиночеством сроднилась.
 Улетел уж час веселья,
 с ним — надежды, цвет весенний,
 он от нас ушел далече,
 и весной не будет встречи.

Мария: Грустные стихи. Но мы-то с вами точно встретимся.

Штур: Я не знаю...

Мария: Вы должны знать. Должны верить. Вся наша семья и друзья-литераторы очень ждут встречи с Вами. И мне тоже интересно узнать, как там у вас живут люди. Как живете Вы сами.

Штур: Наша словацкая жизнь очень нелегка.

Мария: Поэтому Ваши стихи такие грустные?

Штур: Трудно писать веселые стихи, когда весь народ вокруг страдает. Я понимаю, молодые люди должны были бы беседовать о красоте, о наслаждениях...

Мария: О любви.

Штур: И о любви тоже. Только вот наша действительность не располагает к беседам о любви, если только о любви к народу, к родине.

Мария: Все не так плохо, как нам кажется. Людевит, останьтесь у нас подольше. Будет праздник георгин, прекрасный праздник, мы на него пойдем, а потом будет мой день рождения, мне исполнится девятнадцать, к нам приедет много интересных гостей. Вам понравится. Мы будем веселиться, танцевать.

Штур: Мария, я не знаю, прилично ли это, вот так, ни с того ни с сего. Дома...

Мария: Я знаю, дома Вас очень ждут. Но ведь они могут потерпеть без Вас еще какое-то время. Милый мой, ну когда мы еще встретимся?..

Штур: Мария, я... Я... с удовольствием останусь.

Медленно гаснет свет, звучит классический вальс. В полутьме Мария и Людовит танцуют на авансцене, потом неожиданно останавливаются, музыка продолжает тихо звучать, они стоят друг против друга, как в начале картины, в луче света.

Штур: Мария, дорогая Мария. Я поклялся своим друзьям и, в первую очередь, самому себе, что не попадусь в любовную ловушку, чтобы все свои силы мы могли посвятить только нашей родине. Но признаюсь, в вашем доме я был сражен любовью. Однако дома меня ждут...

Мария: Знаю, но постичь мне трудно —
Любовь — тщета, шиповником цветет,
и лишь природа правит жизни ход.
И как же в мой весенний час
цветок твой пламенный угас.

На мой двадцатый день рождения Вы будете обязаны приехать. Я буду ждать Вас.

Музыка еще долго играет. Из репродукторов звучит признание Штура.

Штур: Забудь, дорогая, о юноше дальнем,
над кем грозовые тучи сгустились;
забудь, дорогая, о друге печальном,
что весточку шлет, с тем чтоб мы простились:
о всех уладах он в мире забудет,
но верен родине вечно пребудет!...
О, если б Ты видела мрачные тучи,
что нависают над нашим краем:
Твой взор замутился б слезой горючей!
Но мы на тучи смело взираем:
пусть буря грохочет; здесь земля-мать,
на ней мы в бурях будем стоять!

Певица запекает народную песню «Яник, Яник».

Конь стоит, стоит у клена,
белый двор, и нет заслона,
грустным этот двор остался,
Яник на войну собрался.
Яник, Яник, белый Яник,
что берешь с собою, странник?
Сабелька-то окровавит,
а конек тебя задавит.
Ах ты, лес мой, лес пространный,
сквозь тебя — на поле брани,
в лагерь дальний, что прекрасен,
яркой кровушкой окрашен.
Яник, Яник, белый Яник —
как тюльпанчик на поляне!
В лагере звонят печально,
сабель звон, потом — прощанье.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Штур, как и в начале, сидит в кресле. На заднем плане появляется граф Зай. Небольшое облако дыма. Зай быстро шагает вперед.

Зай: В Ваше отсутствие у нас тут почти не было никаких проблем со словаками, да и славянами вообще. Вы мечтаете, что после смерти профессора Палковича Вы станете его преемником в евангелистском лицее и расширите кафедру чехословацкого языка, чтобы так осуществлять антигосударственную деятельность, бороться с венграми и добиваться организации славянской кафедры. В этом Вы глубоко ошибаетесь. Такую кафедру власти вам никогда не разрешат, а мы, в свою очередь, будем делать все возможное для закрытия уже существующей кафедры.

Штур: Уважаемый граф, до сих пор никакого замысла основывать славянскую кафедру у меня не было. Эту клевету распространяют про меня именно затем, чтобы у властей был повод обвинить меня в противозаконной деятельности. Я хочу работать на кафедре в той же должности, которую занимал до моего отъезда в Германию, то есть в должности заместителя профессора Палковича. Открытие нашей кафедры было согласовано с властями. И Вам, граф, это прекрасно известно. Я хочу использовать знания, полученные в Германии, и работать на благо нашей общей родины. В лицее учится много славян, и всех их необходимо объединить вокруг нашей кафедры.

Зай: Чтобы таким образом создать панслависткое гнездо, которое будет уничтожать нашу святую родину. А Вы, уроженец Зай-Угровца, будете предводителем этой... этой... как бы сказать, этой варварской группировки, провозглашающей политический панславизм. Вы сами понимаете, к чему Вы идете?

Штур: Я рад, что Вы помните о том, что мы с Вами оба уроженцы нашей прекрасной угровецкой долины. Но я совсем не рад, что мы с Вами так разошлись во взглядах, хотя наша семья и семья Зай всегда были близки. Однако дороги порой расходятся, но они могут и снова сойтись, если взгляды поменяются.

Зай: Это вряд ли.

Штур: Например, Ваши взгляды по поводу панславизма. Да, мы искренне преданы идее паславизма, но панславизма исключительно литературного. Мы воспитаны на духовных плодах великих представителей славянских народов, таких как Трентовский, Мицкевич, Пушкин, Лермонтов, Палацкий. Но точно так же мы изучаем и великие произведения немцев, французов, англичан. О политическом же панславизме мы не думаем и против венгерского народа не выступаем. Лишь против дурных законов.

Зай: Запомните раз и навсегда: все законы, принимаемые нашим правительством, безупречны. И выступая против них, Вы призываете народ к мятежу. На этот случай у нас имеются законные средства, чтобы обезвредить подобных подстрекателей.

Штур: Но, граф, я никого никогда не призывал бунтовать. Однако эти законы и вправду нехороши. Я не могу уважать несправедливые законы, хотя остаюсь законопослушным гражданином и их соблюдаю. Например, такие законы, которые притесняют словаков. Словацкий народ терпит страдания в собственном отечестве. У него нет своих центров образования. Ученые словацкой национальности всячески преследуются. Словацкий язык не допускается в официальные учреждения и школы. И главное — наш народ все время вынужден бороться с голодом. Вы, как представитель церкви, не должны допускать этого. Мы хотим, чтобы эти законы были изменены легитимным образом. И это не мятеж, а вполне мирный путь. Пока.

Зай: Я уже говорил в своей приветственной речи, когда был избран генеральным инспектором евангелической церкви, но если Вы этого не слышали, готов повторить Вам это лично: мадьяризация страны и всяческое способствование этому процессу является святой обязанностью каждого порядочного гражданина, если он не хочет быть слепцом и подозреваться в антигосударственных помыслах. Поэтому и евангелические службы будут проходить на венгерском языке. Более того, на двух последних собраниях никто из ваших сторонников с этим не спорил и не противоречил. Лишь Вы один ведете себя как бунтарь.

Штур: Господин граф, это уже слишком. Вы же сами прекрасно знаете, что наши уважаемые коллеги суперинтенданты — выдающиеся люди Себерини и другие священники, писатели Карол Кузмани, Милослав Годжа, наш дорогой Ян Коллар открыто протестовали против этого, жаловались на несправедливости, которые постоянно совершаются против нас. И зная это, Вы не боитесь — мне даже трудно это произносить, но я должен — не боитесь вот так клеветать? Поэтому-то я хочу, чтобы в законодательство были внесены поправки. Тогда нам не придется вести таких разговоров. Скоро состоится краевой сейм, и там должны быть приняты новые законы.

Зай: А кто же выступит с законопроектом? Не дай бог, Вы сами претендуете на депутатское кресло?! Но кто Вас выберет? Было бы лучше, если бы Вы и все покинули страну.

В темноте певица повторяет два куплета песни «Яник, Яник».

Конь стоит, стоит у клена,
белый двор, и нет заслона,
грустным этот двор остался,
Яник на войну собрался.
Яник, Яник, белый Яник —
как тюльпанчик на поляне!
В лагере звонят печально,
сабель звон, потом — прощанье.
Как слетит головушка,
плачьте, отец, матушка,
помолись, душа родная,
о любви вспоминая.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Парк, скамейка, рядом небольшой столик. На скамейке сидят графиня Остролицкая, граф Остролицкий (зволеницкий поджупан), их дочь Адела. К ним подходит Штур.

Остролицкий: Господин редактор, эта история из вашей газеты про служанку из Радвани случилась на самом деле? Просто настоящий анекдот.

Остролицкая: А что за история?

Остролицкий: Расскажите им, господин редактор.

Штур: Автор утверждает, что это правдивый случай. Я же немного сомневаюсь, но в целом такое вполне возможно. Он всего лишь подтверждает тот факт, что наш народ трудолюбив и услужлив, хотя и довольно наивен.

Остролуцкий: И необразован.

Штур: Вот именно. Поэтому мы и хотим, чтобы у них были школы на родном языке.

Адела: Так расскажите же нам эту историю, Людовит.

Штур: Дорогая Адела, это не основная тема нашей газеты, а лишь небольшая развлекательная рубрика на последней странице, хотя, как видите, ее читают даже в высших кругах.

Остролуцкий: Не думайте, что я не читаю ваши основные статьи. Но будучи поджупаном, я обязан следить за тем, что пишут в газетах, а в данном случае в газете, не поддерживающей венгерское правительство.

Штур: Уважаемый граф, мы не против венгерской власти, мы против несправедливостей, учиняемых ею в отношении других народов.

Остролуцкий: Хорошо-хорошо, не будем сейчас об этом. Во многом Вы правы. Меня, кстати, заинтересовали Ваши взгляды на национальную экономику, на образование и просвещение, которые Вы высказываете в Вашей газете. Особенно меня привлекла идея об отмене городских сборов и расширении привилегий городов. Что Вы думаете по поводу общественных сберегательных касс, сколько их уже?

Штур: Общественные сберегательные кассы — это то, что поможет вызволить народ из нищеты. Если крестьянин будет откладывать в кассу хотя бы по чуть-чуть, он сможет что-нибудь накопить. Здесь нужна широкая пропаганда, а еще просто необходима борьба с пьянством, ведь наш народ лучше оставит свои гроши в корчме, чем отнесет в сберегательную кассу.

Остролуцкая: Это верно. Говорят, вы основываете общества трезвости. Получается?

Штур: Слава богу, да. Их по всей стране организуют, в основном, наши священники и учителя.

Остролуцкий: За это надо выпить. Или Вы не пьете, господин редактор?

Штур: Ну почему же. С удовольствием выпью хорошего вина в приятной компании. Но немного.

Адела: Девиз Людовита, который за ним уже повторяет наша молодежь: много творить и мало тратить.

Остролуцкий: С этим я соглашусь. Но сегодня особенный день. Благодаря тому, что господин Штур в Земьянском Подградье встретил наших дам, он заглянул в скромное поместье Остролуцких. За вашу газету!

Адела: Из-за ваших разговоров о политике мы вовсе забыли про историю, с которой начали, Людовит.

Остролуцкая: У Вас, наверное, не слишком большой опыт общения с женщинами, иначе бы Вы знали, что они любопытны и ничего не забывают.

Остролуцкий: Вот-вот, господин Штур. Вам ничего не остается, как только удовлетворить их любопытство. Этот смешной случай, утверждает автор, — правда. И тем он еще более интересен. Ну же, не ломайтесь. Никогда не знаете, чем сможете привлечь внимание женщин.

Штур: Ну, хорошо. Эта история произошла в Радвани. Одна богатая дама ждала портного, который должен был прийти за оплатой за сшитое платье. Денег же у дамы не было, и она приказала служанке, чтобы та, когда придет портной, сказала, что хозяйка уехала в Быстрицу к нотариусу. Так пишет автор статьи. «Хорошо», — ответила служанка. Портной явился. Служанка сразу заявила ему, что госпожи нет дома, поскольку она срочно отправилась в город к нотариусу. «Ой-ой-ой, — расстроился портной, — а ведь мне так нужны деньги. А когда она вернется?» «Этого я не знаю, — отвечала служанка, — но если Вы подождете, то я уточню». И прокричала: «Госпожа, портной спрашивает, когда Вы вернетесь от нотариуса из Быстрицы».

Остролуцкая: Забавная история. Такое и вправду могло случиться.

Адела: Да, милый анекдот, но я сомневаюсь, что это правда.

Остролуцкий: Правда-неправда, но я ценю вашу газету за то, что вы печатаете в ней такие разные материалы, новости со всей Европы и даже из Америки. И как я уже говорил, в ней встречаются отличные предложения по усовершенствованию наших законов.

Штур: Да. Среди нас есть и юристы. Например, Людо Гроссман, мой большой друг Сладкович, литератор Янко Краль, видный адвокат Марко Дакснер. Да и я сам, когда учился в Галле, познакомился с немецким правом. Только вот наши статьи, наши предложения и заявления растворяются в воздухе, не замеченные властью имущими.

Остролуцкий: Или же просто чиновниками. Мне это знакомо. Именно они, в основном, решают такие вопросы. В конце концов, все дела решаются так, как их душе угодно: захотят — согласятся, не захотят — выкинут в корзину. Но все равно нужно держаться своей линии.

Штур: Уважаемый господин поджупан, у нас остается лишь одна единственная возможность — заявить о своей позиции на сейме.

Остролуцкий: Отличная мысль. Я тоже сейчас об этом подумал. Скоро краевой сейм в Прешпорке, а город Зволень еще не выбрал своего делегата. Знаю, что есть три претендента: Павел Сумрак, Павел Сонтак и этот, третий, не могу вспомнить...

Штур: Йонаш Заборский.

Остролуцкий: Да, Заборский. Вижу, Вы в курсе дела.

Штур: Я обязан интересоваться тем, что происходит в стране.

Остролуцкий: Кажется, Вы — человек действия. Подайте скорее заявку в городское собрание Зволена. Я лично поговорю с мэром Стреженецким. Ведь мы не раз ему помогали, правда же, девочки? И тогда вполне возможно, что свои предложения Вы сможете озвучить на краевом сейме, который пройдет, если я не ошибаюсь, в ноябре.

Штур: Да, все верно. Я Вам буду очень обязан, господин граф.

Остролуцкий: Надеюсь, что замолвлю словечко за хорошего человека.

Адела: Конечно, папа. Людовит — хороший человек. У него есть свои принципы, которые он порой отстаивает слишком упрямо, но он твердо идет к намеченной цели. Жаль, что это лишь мое скромное женское мнение.

Остролуцкий: Вот видите, здесь у Вас уже появился свой ангел-хранитель. И, кажется, Вы обрели его с первой же минуты, когда встретились у моего брата Густава в Земьянском Подградье. Ведь после этого она даже отказала богатому барону Ротшцу, просившему ее руки.

Остролуцкая: Это было не из-за господина Штура. Барон хоть и богат, но довольно беден духом. Он не подходил нашей дочери.

Остролуцкий: Подходил — не подходил... Факт остается фактом: это случилось той же весной, как раз в мае, май — пора любви. Мы, мужчины, мамочка, понимаем в женских сердцах больше, чем вам кажется. Ротшц был очень опечален. Вот он бы не выбрал Вас депутатом сейма.

Остролуцкая: Но ведь ты же порекомендуешь господина Штура нашему мэру. За этой веселой беседой не забудь, господин поджупан, что должен прийти чиновник из управления и ты должен его встретить.

Остролуцкий: Вот видите, господин редактор, рабочие обязанности всегда мешают приятному времяпрепровождению. Подумайте по поводу участия в сейме. Ну, мы пойдем. А вы еще побудьте здесь. Преподайте урок словацкого языка нашей Аделе. Она делает большие успехи. Я не прощаюсь. Еще увидимся.

Уходят. Штур и Адела остаются наедине. Вечереет. Вдалеке раздается песня крестьянок, возвращающихся с поля. Смеркается. Штур и Адела гуляют по саду.

Адела: Невероятно, как иногда в жизни повторяются какие-то ситуации. Ровно год назад мы так же гуляли в парке, но не у Грона, а у Вага. При Вашей занятости Вы, вероятно, уже успели забыть об этом.

Штур: В жизни бывают моменты, о которых никогда не забудешь, и минуты, проведенные у Вашего дяди в Земьянском Подградье, останутся в моей памяти навеки.

Адела: Они должны были остаться в Вашем сердце, Людовит.

Штур: Возможно, и в сердце.

Адела: И снова лишь «возможно». То, что папа обещал поговорить о Вас с мэром, чтобы выдвинуть Вас депутатом в сейм от Зволена, это уж точно осталось и в Вашей памяти, и в сердце.

Штур: Да, это правда.

Адела: Я так и знала. В этом весь Вы. Одна политика.

Штур: Адела, это не политика. Это — как бы Вам сказать, чтобы это не казалось политикой — это просто святая обязанность каждого образованного словака — встать на защиту народа, который нищ. И не только духовно, но и вполне материально. Вы не можете себе представить, какие новости приходят мне от наших корреспондентов об этой нищете. Я даже не могу такое напечатать. На Ораве люди умирают с голоду. И на востоке страны то же самое. При этом наш народ способен на многое. Свидетельством тому народные песни, костюмы, обычаи. У нас прекрасная христианская история. Мы не можем позволить истребить себя, как это позволили немцам лужицкие сербы.

Адела: Людовит, я Вам верю. То, что Вы говорите, не может не тронуть любого, у кого есть сердце. И даже вызывает желание помогать настолько, насколько возможно. Я только беспокоюсь, чтобы Вы сами не сгорели молодым. Чтобы Вы хоть немного почувствовали красоту этого мира. И жизни вообще. Взгляните: на дворе май, чудесный месяц. Поэты воспевают его в стихах. И они правы. Вы были в Германии и, конечно, хорошо знаете поэзию Гете.

Но вы идите — смело в мир огромный.
В великолепье, в роскошь бытия!
Все познавайте — небо, земли, воды,
За слогом слог — до самых недр природы!*

Штур: Прекрасные стихи. Но ведь рядом с Гете жил Шиллер, и он в своей драме «Разбойники» твердо выступал против угнетения и тирании. В этом как раз и состоит наше призвание.

Адела: Ну, хорошо-хорошо. Но ведь ваш Сладкович пишет романтическую поэзию. Говорят, ваши сторонники даже осуждают его за поэму «Марина»?

Штур: Да, точно, за «Марину». Я невероятно рад, Адела, что Вы начинаете интересоваться нашей литературой.

Адела: Конечно, с таким замечательным строгим учителем. Да, я потихоньку знакомлюсь с вашими поэтами. И могу сказать, что они ничуть не хуже венгерских, немецких и французских, которых я хорошо знаю.

* Перевод В. Левика.

Штур: Некоторые их даже превосходят.

Адела: Ну, не будьте таким гордецом.

Штур: Да, скромность украшает. Но это не только мое мнение. Так же считают некоторые русские писатели, сербские, хорватские, а наши народные песни хвалил даже сам Гете.

Адела: Гете? Да откуда этот великий поэт вообще мог знать о словаках?

Штур: Вы удивлены? От нашего великого поэта Яна Коллара, который тоже учился в Германии.

Адела: А что-нибудь из Сладковича Вы случайно не знаете наизусть, раз уж Вы так его осуждаете?

Штур: Не я, а кое-кто из наших рьяных молодых сторонников. Но я рад, что они такие. Пусть лучше будут рьяные, чем апатичные.

Не унижайте мой народ! Он, дескать, беден,
живет в нужде, купается в отбросах,
ошибка это! Мир его волшебен,
там горы, реки, золотая россыпь!..
Ах, плохи времена! Со всех сторон
мир жертвы шлет тельцу златому.
Но мой народ не будет посрамлен,
народу поклоняюсь, я как святому!

Адела: Интересно. Но вы ушли от ответа про Сладковича.

Штур: Так ведь и это был Сладкович. Отрывок из его стихотворения «Не унижайте мой народ», которое было напечатано в приложении «Орел Татранский» к нашим «Народным новинам». Так что видите, мы со Сладковичем понимаем друг друга.

Адела: А «Марина»?

Штур: Чувствую, Вы действительно хотите ее услышать.

Адела: А разве по мне не видно, Людовит?

Штур: Какую строфу?

Адела: Выберите сами. Но не забудьте, что я женщина, а женщины любят все красивое... И... и... и хотят любить.

Штур: Моя Марина! Мира бурям
не испугать мой тихий дух. [...]
Покой мой жив в могильной тишине,
Но опрокинут мир мой целый
одного слова злые стрелы,
из уст твоих — лишь слова «нет!».

Бессердечный не заметит
Под своей пятой цветок,
Милосердие не светит
В души тех, кто так жесток.
Добрый взор твой, дорогая,
Разве б мог, не сострадая,
На несчастного взирать?
Разве мне для страшной муки
С ядом горестной разлуки
Ты б смогла бокал поднять?*

Могу от губ твоих я отказаться,
могу руки твоей не получить,
могу я бегством горестно спастись,
могу свой век в немилости влечить,
могу сожжен быть жаждою отныне,
могу один тянуть печали нить,
могу прожить отшельником в пустыне,
могу живым себя похоронить,
могу своей рукой себя сгубить —
но не могу тебя я не любить!

Адела:

Проходят времена. Картины жизни
исчезнут, словно тени на лазури,
то вихрь гибели и горечь тизны,
то солнце счастья глянет после бури.
Года несутся в звоне колоколен,
и тот, кто видом в зеркале доволен,
уж завтра падает без сил.
Ведь каждый час морщины множит вновь,
но тот, чье знамя — красота, любовь,
себе навечно юность заслужил.

Штур: Вы меня удивили, Адела.

Адела: А Вы меня растрогали.

Штур: Вот видите, и такие шедевры должны кануть в лету лишь потому, что они хотят запретить наш родной язык.

Адела: Людовит, как быстро Вы из мая снова вернулись в декабрь. Не бойтесь. Вы точно станете депутатом и сможете бесстрашно, насколько я Вас знаю, отстаивать народные права. А что касается «Марины», чистоту и красоту сердца никто не сможет похоронить. Мы с папой и мамой во время сейма,

* Перевод М. Зенкевича.

конечно, тоже будем в Прешпорке и, если Вам будет тяжело, вспомните этот май. И увидите, Вам станет легче. Я буду с Вами и в горе, и в радости.

Темнеет. Издали доносится та же песня, что в начале картины.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Сейм.

Штур выступает в парламенте. Напротив него — Кошут.

Штур: Уважаемые господа депутаты! В это бурное время, когда на наших глазах Венгрия возрождается и поднимается все выше, мы, словаки, тоже должны заявить уважаемому сейму свою волю. На самом первом месте для нас открытие школ, в которых обучение велось бы на нашем родном языке. Мы никоим образом не умаляем ценности венгерского языка, однако не можем допустить, чтобы он был единственным языком обучения в наших школах. Мы требуем, чтобы навсегда остались в прошлом все попытки насильственной мадьяризации словаков. Для каждого народа его родной язык является неотъемлемой частью культуры и главным выразителем его самобытности. Язык — это хранитель народного духа.

Кошут: Господин Штур, запомните: мы никогда не признаем в нашей стране никакого иного народа и никакого иного языка, кроме венгерского.

Штур: Уважаемый господин Кошут, но ведь это наше заявление — не какая-нибудь прихоть, оно продиктовано серьезными опасениями за то, что замечательный словацкий народ окажется обреченным на гибель. Мы считаем правильным, что живой венгерский язык заменил мертвую латынь в качестве языка дипломатии. Но, с другой стороны, просим об изменении действующего закона, чтобы в наших начальных школах стало возможным использование родного языка. Также мы требуем, чтобы в наших городах за счет государственных средств были построены реальные училища для словаков.

Кошут: Вы заходите слишком далеко, на это в государственной казне нет денег.

Штур: Но если лишить нас возможности обучаться в реальных училищах, то наш народ никогда не сможет работать в промышленности и торговле и будет осужден на вечное рабство.

Кошут: Ваш народ глуп, дремуч и совершенно раболепен по своей натуре. Он способен лишь на прислуживание. Этот народ сам довел себя до такой низости. И ему уже ничто не поможет. Он не стремится к образованию. Он сам выбрал своим призванием пьянство.

Штур: Да, мы тоже признаем, что наш народ опустился до предела, но я не согласен с Вами в том, что ему уже ничто не поможет. И требовать, чтобы наш убогий, унижаемый на каждом шагу, не знающий лучшей доли человек, который дома лишь мучается, а на службе кланяется и ползает на коленях, требовать, чтобы этот человек стремился к образованию, вспомнил о своей чести, — это смешно и преждевременно. Для этого нам и нужны начальные словацкие школы. Только так мы сможем выволить наш народ из убогости и угнетенности.

Кошут: Но ведь предназначение некоторых народов как раз в том, чтобы подчиняться. Это их естественная суть. И с этим ничего не поделаешь.

Штур: Я не вижу в этом ничего естественного, и не дай бог, чтобы такие народы существовали. Если бы это было так, то мы никогда не смогли бы улучшить положение людей в нашем обществе. Дело обстоит совсем иначе. Историю творит человеческая воля. Взгляните на мир вокруг нас. Ведь мы стоим на рубеже двух веков. Один, в котором права давались лишь отдельным людям и сословиям, заканчивается, и наступает другой, в котором их может получить каждый, даже несправедливо угнетенный человек. Поэтому сейчас пришло время разделить налоги и пошлины поровну на всех, принять закон об освобождении угнетенного народа из-под господского ярма и наконец отменить это бессмысленное рабство.

Кошут: Если речь о налогах, то и я всегда утверждал, что до тех пор, пока это бремя не несет дворянство, а лишь рабочий люд, Венгрия не сможет стать великой страной. Народ нужно освободить от рабства, и в этом я солидарен с господином Штуром.

Штур: Я очень рад этому. Я знал, что мы пойдем друг друга. Но освобождение от рабства напрямую связано с проблемой образования, о чем я уже сказал. И повторю еще раз: я требую от присутствующих здесь депутатов сейма, чтобы в законопроекте вместо фразы «венгерская речь является обязательным языком обучения» была фраза «в начальных школах обучение ведется на родном языке».

Кошут: Я уже говорил ранее, что в училищах и университетах венгерский язык будет обязательным языком обучения. Вопрос же о том, какой язык использовать в начальных школах, будет решаться на уровне местных органов власти. И этот пункт необходимо внести в конечную редакцию закона.

Свет гаснет. Звучит песня «Сокол молодой» на стихи Сладковича

Сокол молодой над Гроном, взмах крыла,
златоустая заря в горах его ждала.
Не вздыхал, не плакал, но душа всё вяла,

лишь одна слеза на Грона гладь упала.
 Говорит заря: ну что с тобой, соколик?
 Голод тебя мучит? Хищник не дал воли?
 Иль стрелял охотник — рана небольшая?
 Иль Господь летать тебе везде не разрешает?
 Ясна зоренька, мне голод не помеха,
 дробь проходит мимо, бой с орлом — потеха,
 я летаю вольно, вдаль ведут просторы,
 только лес зеленый мой срубили живодеры.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Набережная Дуная. Адела смотрит в сторону Дуная. Издалека навстречу к ней бежит Штур и останавливается.

Адела: *(протягивая вперед руки)* Людовит...

Штур: Адела. *(Целует ей руки, мгновение они стоят молча. Позади тихо начинается звучать песня «Еще раз оглянись»)*

Адела: Вы прямо из сейма? Вам бы не следовало ходить одному. Я слышала, около Вас сейчас много шума: якобы венгерские и провенгерски настроенные студенты хотят физически расправиться с Вами. Мне за Вас страшно.

Штур: Я уже привык к этому. Но мои друзья всегда ждут меня на выходе с сейма и провожают туда, куда мне нужно. На этот раз вот к Вам.

Адела: Папа спрашивал, выступали ли Вы уже с речью о возвращении малым королевским городам их политических прав.

Штур: Еще нет. Но я об этом помню. Проблем очень много, времени мало, а Кошшут все давит и давит.

Адела: Как давит?

Штур: Прерывает мои выступления, не соглашается с предложениями. Он против словацких школ. Но давайте не будем портить этот прекрасный вечер разговорами о Кошуте.

Адела: Да нет же, рассказывайте. Мне это сейчас очень любопытно. За последнее время я узнала столько интересного о стране, в которой вообще-то живу с самого рождения. Я учу словацкий язык. Знакомлюсь с прекрасными песнями, обычаями. Уже прочитала не только «Марину» Сладковича, но и его поэму «Детван». Я даже могу Вас проверить — вот послушайте и угадайте:

Род мой, полюби ты Детвана за смелость,
 в нем твоя душа навек запечатлелась,
 образом согрей ты то, что охладело.
 Благодатные в душе мужают всходы,
 пирамида там уже встает свободы,
 и душа как в зеркало в нее глядела.

Адела: Это какая строфа, господин учитель?

Штур: А если я угадаю, то что за это получу?

Адела: А что бы Вы хотели, молодой человек?

Штур: Что же еще, девушка? Ваш носовой платочек.

Адела: Я согласна, но ведь там вышита моя монограмма. Если Вы выиграете, это не будет компрометировать Вас?

Штур: Если только перед Лайошем Кошутом. Но скорее, это скомпрометирует Вас или Вашего отца: поджупан и его дочь дружат с обычным редактором «Словенских народных новин».

Адела: А еще с ученым, кодификатором словацкого языка, поэтом, преподавателем лица, депутатом и старым холостяком.

Штур: С холостяком да, но не старым, здесь я возражаю...

Адела: Вам уже давно пора жениться. Ведь ваши друзья Сладкович, Гурбан, Добшинский уже обзавелись детьми.

Штур: А Ботто, Гробонь, Яно Францисци еще нет.

Адела: Народу необходимы такие люди, как Вы. Кто будет продолжателем Вашего рода?

Штур: У моего брата Карола, который живет в Модре, семеро детей. Так что...

Адела: Но это не значит, что они такие же умные, как их дядя. Вы танцуете?

Штур: Да, Адела, танцую. А когда оказываюсь у моего друга Гурбана в местечке Глубокое, где он служит священником, мы с ним даже устраиваем скачки и фехтуем.

Адела: А теперь Вы фехтуете словами в сейме.

Штур: Это правда. На все остальное сейчас нет времени.

Адела: Обещайте мне, что приедете в Вену, мы поедем вместе на бал и там Вы будете танцевать со мной до самого утра.

Штур: Обещаю.

Адела: Я серьезно.

Штур: Я свое слово сдержу. Только вот надо подождать, когда утихнет буря.

Адела: Она утихнет, Людовит, утихнет. Мир не может существовать без удовольствий. Сейчас Вы идете по тернистому пути. Но среди терний найдутся и розы. Когда-нибудь дорога под Вашими ногами будет усыпана розами. Я в это верю. Я очень уважаю Вас, Людовит. Я... Я Вас люблю.

Штур: Адела, я всегда счастлив, когда мы вместе.

(Адела вручает ему платок).

Свет гаснет, раздаётся музыка и песня.

«Ой, нет, душенька! — ей сокол отвечает. —
На твой замок грозовые тучи напозаюют.
Ты слети за мной на склоны срубленного леса,
оживет от глаз твоих он золотого блеска».
На пятнистом горле сокола блистает,
славою венчанна, заря золотая,
отражаясь в соколином взоре сладко,
позлащая крыльев вольных перья без остатка.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

В коридорах сейма.

Кошут: Я вызвал Вас, господин Штур, сюда, за пределы зала заседаний, чтобы открыто с глазу на глаз поговорить с Вами.

Штур: Я очень этому рад. Надеюсь, мы поймем друг друга.

Кошут: Это зависит от Вас.

Штур: Это зависит от нас обоих.

Кошут: Вы человек широких взглядов и, конечно, знаете, что ситуация в Европе обостряется. Всюду волнения. Особенно во Франции и в Вене. Возможно, и наш сейм будет приостановлен из-за революционных событий. Мы, венгры, больше не желаем подчиняться Австрии. И нам бы хотелось, чтобы в этом вопросе Вы со своими товарищами примкнули к нам.

Штур: Я не исключаю этой возможности, но только в случае, если будут выполнены требования, о которых я говорил. И у меня имеются еще другие заявления, которые я хочу огласить сейму. Я обещал королевскому городу Зволену, который делегировал меня, сделать это. И хочу сдержать слово.

Кошут: О чем эти заявления?

Штур: Нужно вернуть политическую независимость не только крупным, но и малым городам, чтобы они могли самостоятельно решать вопросы, связанные с налогообложением, податями, судами и особенно образованием.

Кошут: Эти школы никак не дают Вам покоя.

Штур: Да, потому что школы — это основа существования народа.

Кошут: Народ, народ! Я уже однажды говорил Вам и не намерен, уважаемый коллега, повторять это вновь и вновь: здесь есть только один народ, и этот народ — венгры. И если Вам или Вашим товарищам это не ясно, то для этого есть наш закон и есть наш суд.

Штур: Господин Кошут, Вы, конечно, продолжите работать в будапештском правительстве, являясь одним из видных его членов, и будете продолжать наводить порядок в нашей стране. Поэтому Вы должны помнить, что существующие законы дурны. И наши суды тоже. Они находятся в запущенном состоянии. Невозможно добиться справедливости. Особенно если речь идет о национальном вопросе. И Вы как профессиональный юрист должны это знать. Нужно значительно дополнить и изменить уголовный кодекс. Судебные разбирательства чрезвычайно затягиваются. Множество правовых вопросов не прописано в законодательстве. Кроме того, одни законы противоречат другим. А ведь речь часто идет о чести, имуществе и даже о жизни граждан. Законы должны быть точными, ясными. У нас нет свободы мнений, свободы печати.

Кошут: Об этом мне не говорите. Я разрешил вам издавать «Народные новости», и, насколько мне известно, до сих пор вам ничего не запрещали там печатать.

Штур: Как раз наоборот. Многие статьи по воле цензоров запрещаются, а я постоянно оказываюсь меж двух огней: с одной стороны получаю удары от своих же товарищей за то, что не печатаю какой-то материал, а с другой стороны — от государства, если печатаю что-то, что ему не нравится.

Кошут: Но государственные власти должны заботиться о поддержании порядка в стране. Где бы мы все были, если бы каждый народ делал все, что хочет?

Штур: Но ведь никто из словаков, да и вообще славян, не выступал против государственной власти, не был обвинен в государственной измене. В сейме все свои предложения я делал на венгерском языке и смею заметить, мой язык во многом лучше, чем у других наших депутатов. Венгерским языком владеют все наши образованные люди. Но это не означает, что те, кто говорит по-венгерски, должны быть, как вы утверждаете, мадьяризованы.

Кошут: Мне кажется, уважаемый коллега, что Вы так хорошо выучили венгерский специально для того, чтобы свободно писать свои петиции и возражения.

Штур: Вот видите, а я об этом и не подумал. Но в любом случае в этом мое преимущество. И мы его используем. Но, кроме того, наши люди отлично владеют русским, французским языком, а многие и ивритом.

Кошут: Это пожалуйста, против иврита мы не возражаем.

Штур: А еще — латынью, немецким.

Кошут: Это поможет вам писать на нас жалобы в Вену.

Штур: Думаете, это понадобится?

Кошут: Наше твердое намерение — освободиться от влияния Габсбургов и создать собственное венгерское государство со столицей в Будапеште.

Штур: Я — не против. Но с одной стороны вы хотите свободы, а с другой — отказываете в ней другим народам.

Кошут: Но ведь Вы понимаете, что если нам нужна сильная страна, то, как я уже не раз говорил, править в ней должен народ, исторически для этого предназначенный. И история определила, что таким народом являются венгры.

Штур: Но история всего этого края доказывает совершенно обратное Вашим словам. И кроме того, история доказывает, что с помощью угнетения других народов, лишения их человеческих прав, еще никому не удалось удержать сильное государство. И ваше государство рано или поздно рассыплется, как картонный домик.

Кошут: Как вы сами, словаки, говорите: кто не слушает советов, тому нечем и помочь.

Штур: А другая пословица говорит: не руби сук, на котором сидишь. Вам наши пословицы должны быть известны еще с тех времен, когда Вы учились в Прешове, Блатном Потоке, а потом служили адвокатом в Земплине. Да и в Турец Вы частенько наведывались к своему дяде.

Кошут: Да, это так. А еще, кроме пословиц, мне известно то, что положение в тех краях ужасное: народ совершенно не понимает нашего государственного языка. Эту ситуацию нужно менять. В единой стране должен быть единый язык.

Штур: Вы сами убедились в том, что люди говорят на своем родном языке, и вы не можете насильно это изменить.

Кошут: Мы нет. Вы сами должны сделать так, чтобы на всей словацкой земле уже в начальной школе дети изучали венгерский язык, чтобы в церкви службы велись на венгерском, газеты выходили по-венгерски.

Штур: Вы не можете заставить нас сделать это. Невозможно лишить народ его народного духа, таланта. Фукидид и Еврипид смогли стать теми, кем они стали, только создавая свои произведения на греческом языке, Корнель и Расин —

на французском, Шиллер, Гете — на немецком, а Сладкович, Краль, Халупка, Ботто, Калинчак — только на словацком.

Кошут: Вы неуступчивы и упрямы.

Штур: Я верен своему народу.

Кошут: Вы не понимаете венгерского прогресса.

Штур: Но я понимаю прогресс европейский. Наша позиция самая прогрессивная, это голос грядущего столетия.

Кошут: Вижу, Вы и дальше намерены выступать против нашей идеи создания великого венгерского государства во главе с одним народом. В этом случае предупреждаю, что мы будем вынуждены жестко выступать против Вас.

Свет гаснет, высвечивается проекция ордера на арест Штура. Голос зачитывает его текст. Постепенно зажигается свет.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Дом Остролюцких в Вене. Адела и графиня Остролюцкая.

Адела: (читает «Марину»)

Остролюцкая: Что ты читаешь, моя дорогая?

Адела: «Марину».

Остролюцкая: Так ведь ты ее уже знаешь наизусть.

Адела: Да, мамочка, только вот некоторые строки навевают мне прекрасные воспоминания. Вот послушай:

Так будь здорова ты, гора моя золотая,
ведь ты — прекрасный пик моей души,
и память о тебе будет святая,
ее мне ход времен не сокрушит.
Свой взор я столько раз к тебе стремил —
всегда любая буря в жизни проходила,
увидев, как сильна в твоей ты вышине.
Когда я на твоей вершине оказалась,
мне о деяньях славных так легко мечталось!
Что ж, мое Ситно, доброй ночи в тишине!

Когда я читаю это место, то вспоминаю наше уютное гнездышко в Острой Луке. Там было прекрасно. Тот костел на горе. Из окна моей комнаты открывался восхитительный вид на весь наш прекрасный край. Вниз почти до самого Грона и вверх почти на Ситно.

Остролуцкая: Ну, насчет Ситна ты преувеличиваешь.

Адела: Лишь самую малость. Но Грон был виден очень хорошо.

Остролуцкая: Да, Грон — волшебная река. Пару раз мы даже ездили туда в коляске.

Адела: Мы с Людовитом не раз доходили до него пешком. Я этого никогда не забуду.

Остролуцкая: Там было прекрасно, но в то же время скучно. В Вене гораздо больше развлечений. Балы, театры, галереи.

Адела: Мама, я думаю, что и в таком большом городе человеку может быть грустно и одиноко. И наоборот — в небольшом, но романтическом месте душа может плясать от радости. Это как раз мой случай. Веселые простые люди, интересные знакомства. Хотела бы я туда вернуться.

Остролуцкая: Время изменилось. Наши революционные дни смели лучших людей. А наш Штур! Красивый, образованный, умный. Он мог бы сидеть в Пеште на самой высокой должности, а вместо этого сражается за какие-то там права человека.

Адела: Он был прекрасен. С твердым, неподкупным характером. Таких людей в нашем мире мало, мамочка. Кто знает, может, как раз о Людовите дядя Куз-мани писал свое стихотворение «Кто за правду горит...» Кстати, дядя ничего не сообщал о Людовите?

Остролуцкая: Он живет в Модре, заботится о детях своего брата, ведь его брат скорпостижно скончался. И за ним установлен полицейский надзор.

Адела: Так значит, он не может свободно передвигаться? Значит, он даже в Вену не может приехать? Это несправедливо.

Остролуцкая: Отец говорит, что может, но должен испрашивать разрешения. Должен получить паспорт.

Адела: Представляю, как это оскорбительно для него. Мама, пригласите его к нам. Пусть он приедет. Мы бы вспомнили с ним нашу первую встречу. Это тоже было весной семь лет назад у дяди Густава в Земьянском Подградье. Ту весну я не забуду никогда. Да, это прекрасный человек, и он сразу привлек меня своим духом. Пусть он приедет, чем раньше, тем лучше. Я чувствую, что это будет наша последняя встреча. Неужели я никогда больше не увижу его?

Остролуцкая: Увидишь, конечно, увидишь. Не волнуйся. Это тебе вредно.

Адела: Мне уже ничто не повредит. Но если бы он приехал, как бы я порадовалась! Ему нужно как-то помочь. Человек такого духа, таких знаний вынужден загнывать где-то там в глуши. Что это за государство, которое отвергает лучших своих людей? Ведь и Гурбан сейчас не в лучшем положении.

Остролуцкая: У того ситуация еще хуже: у него трое детей. Ему даже запретили служить священником. Людовит писал министерскому комиссару Генриху

Атемзу, чтобы он исправил эту несправедливость и снова позволил ему служить в костеле в Глубоком.

Адела: Вот видите, мамочка. Разве можно не любить человека, который, сам находясь в бедственном положении, еще беспокоится за своего друга?

Остролуцкая: Я чувствовала, что ты его любишь. Но ты никогда об этом открыто не говорила.

Адела: Сердце не говорит, не кричит, но от этого чувствует еще сильнее. Оно счастливо, когда любит.

Остролуцкая: А Людовит?

Адела: Я уверена, что он любил и продолжает любить меня по-прежнему. Но ты же знаешь, выше любви, выше личного счастья он ставит любовь к народу, и он принес себя в жертву ради блага людей. А теперь еще и воспитывает семерых детей своего покойного брата. И он совсем один. Сейчас, когда я больна, я чувствую, что была бы ему опорой. А он мне. Пусть он приедет как можно скорее и привезет мне ту свою книгу, которая уже должна была выйти, о славянских народных песнях и повестях, он мне ее обещал. Я ее очень жду. Только боюсь, мне ее уже не дожидаться.

Доходит до кресла, берет в руки поэму «Марина», садится, открывает ее, но руки ее медленно опускаются на колени. Постепенно гаснет свет, начинается звучать песня на стихи Людовита Штура на смерть Аделы.

Вдруг увял цветок прекрасный,
украшенья Грона,
радость, веру нам давала
дева Антигона.
Увядания не видали
здесь родные чащи,
благородное творенье
не обняли своей сенью,
когда пал, увядший.
В сердце том любовь горела
к ним, краям желанным,
и в родном очнулась лоне,
на живом, прекрасном Гроне,
будто скрыта манной.
Память о тебе не вянет,
наш цветок и лира.
Края вздохи пусть летают
там, где очи отдыхают,
где ушла от мира.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Штур сидит на своем прежнем месте. В руках у него книга «О народных легендах и песнях племен славянских». За его спиной стоит Гурбан.

Гурбан: Она ушла, и мы даже не смогли с ней проститься. Хорошо, что за нас там был Карол Кузмани. Он писал, что в последние дни в горячке она бредила на разных языках, но чаще всего по-словацки, вспоминала о парке, о родном доме, о храме. Несколько раз вспоминала Грон и называла твое имя. Такой прекрасный цветок и так быстро увял. А ведь как раз в такие тяжелые времена нам она была бы так необходима. Она умела и поднять дух, и замолвить за нас словечко у отца.

Штур: Боюсь, что все уже потеряно.

Гурбан: Не отчаивайся, Людко. Ты же сам учил меня, что без надежды жить нельзя.

Штур: Это правда, как бы там ни было, но наше восстание наконец дало народу то, чего у него давно уже не было, — историю. А если у народа есть история, надежда, то это лучшая гарантия его будущего. Наши ближайшие соратники покидают нас один за другим. Аделка своим уходом сильно ранила мое сердце, и так обливающееся кровью. Ушел мой дорогой брат, любимый отец и теперь это существо, какие редко рождаются на нашем свете. Больше дух, нежели тело. Необычайного ума и благородства и огромной любви к нам. Наши надежды умирают. Так что же! Мы решили служить духу, потому должны пройти этот тернистый жизненный путь. И наши верные товарищи с нами, Йожко. Где ее похоронят?

Гурбан: По ее просьбе тело погребут в Острой Луке в семейном склепе.

Штур: Она заслужила лежать в родной земле. А что нового у вас, Йожко? Ты пишешь?

Гурбан: Ох, моя лира теперь бедна. Я homo esopomus. Народ борется с голодом и на священниках экономит, как только возможно. Чтобы нам с детьми не умереть с голоду, я вынужден арендовать скотину и заниматься крестьянским трудом. А ведь ты знаешь, если с утра до вечера имеешь дело с навозом, тебе уже не до поэзии. Я пишу, но в основном жалобы в правительство на чиновников, мешающих жить народу. Вот, например, Меднянский: за то, что Лукач Ячков принес из господского леса одно полено, он присудил ему двадцать палок и штраф, а когда его жена возмутилась, приказал и ее арестовать. Вот я и строчу за всех жалобы, но они остаются без ответа. Да и я сам, как священник, страдаю от подобных несправедливостей. За что же мы боремся, если не соблюдаются даже основные права человека?

Штур: Местные мадьяроны во главе с бургомистром выдали меня жандармам, и те приходили выведывать, что я тут в Модре делаю, есть ли у меня разрешение

на пребывание здесь и даже есть ли разрешение на воспитание детей моего брата. А еще где я был летом, есть ли у меня паспорт, бывал ли здесь ты и не устраиваю ли я тут по вечерам собрания. С ума сойти. Так что я рассердился и отправился прямо в Прешпорк жаловаться. Можно ли так жить на своей же собственной родине? Но должен сказать, сейчас они от меня отстали. Так что, Йозеф, я решил снова вернуться на тот путь, по которому мы когда-то вместе шли. Нужно начать издавать политический журнал на родном языке, и главными принципами этого журнала станут те, за которые мы боролись.

Свет гаснет, звучит музыка и песня на стихи Л. Штура «Из долин»

Отведи меня, брат милый,
на вершину гор, что снилась,
я в дороге утомился,
чуть о скалы не разбился,
душно тут уже, в долине,
нет свободы и в помине.
Отведи меня, брат милый,
на вершину гор, что снилась,
здесь дорога тяжела мне,
там свободой дышат камни,
отпущу мой взгляд на волю,
вдаль и виришь летать позволю.
Бурелом тут и завалы,
там обширных стран немало,
нивы там у речки чистой,
и прозрачные ключи есть,
и сады в цвету встречают,
крепости холмы венчают.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Штур на своем обычном месте, в кресле. Одна нога его вытянута и лежит на приставном табурете. Рядом с ним стоит доктор Майер.

Штур: Доктор, вы помните, как 19 лет назад вы спасли меня от страшного воспаления легких? Тогда я сказал, что буду признателен вам до самой смерти. Лишь благодаря вам я смог в тот год отправиться учиться в Германию. Надеюсь, та моя фраза не была роковой, и я смогу повторить ее вновь. Я буду благодарен вам дважды.

Майер: Людовит, я делаю все, чтобы привести Вашу ногу в порядок. Но не все в наших руках.

Штур: Но если речь уже о руках божьих, то значит, дело серьезное. И судя по болям, это действительно так. Словно сам дьявол совершил этот выстрел.

Майер: Я тоже иногда хожу на охоту, но даже не представляю, как можно самому себя так подстрелить.

Штур: В том-то и дело, доктор. Я тоже нечасто хожу на охоту и даже нарочно не смог бы так сам в себя выстрелить. Все случилось в мгновение ока. Ружье висело у меня на плече дулом вверх, с закрытым затвором. А когда я стал перепрыгивать через овраг, поскользнулся и упал на спину. Тут ружье соскочило с плеча, запуталась у ног, курок ударился о лед или какой-то камень, и ружье выстрелило прямо в ногу. И вот теперь моя судьба зависит только от Вас.

Майер: Неделью назад положение казалось мне более обнадеживающим. А теперь началось какое-то непредвиденное воспаление. Нога чернеет и...

Штур: Что «и», господин доктор? Надеюсь, это не заражение, а то...

Майер: Вероятно, нам придется решать вопрос радикально. Мы хотим, чтобы Вы еще жили, творили. Жить можно и...

Штур: Вот уж это нет, господин доктор. Прошу Вас, только не это. Я пришел в этот мир с двумя ногами, с двумя и уйду. Мою душу ранили другие люди, тело я ранил сам, но всю свою жизнь я твердо стоял на двух ногах. Я никогда не хромал.

*Музыка. Все выходят на сцену и тихо поют «Боже, Боже, какими они были...»
Свет медленно гаснет.*

КОНЕЦ

Юрай Сарваш (рожд. 1931) — известный словацкий актер, сценарист, режиссер, педагог. Свою карьеру актера начал в Городском театральном коллективе г. Банска Быстрица (1949 г.), затем работал в драматическом театре г. Зволена. Был исполнителем множества ролей в спектаклях, поставленных на сюжеты словацкой и зарубежной драматургии. Кроме театральной карьеры известен как актер, снимавший во многих фильмах и телевизионных постановках. Премьера пьесы «Орел татранский» состоялась в Театре Йозефа Грегора Тайовского в Зволене в 2015 г. Преподает в академии искусств в г. Банска Быстрица.

«ОБЩЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА»

А. МАШКОВА

О СОЗДАНИИ «ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА»

Уважаемые коллеги!

Сегодня все мы — словакисты разных поколений, выпускники кафедры славянской филологии — собрались здесь для того, чтобы подтвердить свою желание и готовность сотрудничать на поприще словакистики. Всех нас объединяет одно и самое главное: любовь и интерес к Словакии, ее культуре и литературе. Сама идея объединения словакистов с целью сотрудничества, получения взаимной информации в области словакистики, уже давно назрела. Теперь, благодаря усилиям многих людей и структур, такая возможность представилась. Эта идея нашла своих сторонников, свое понимание и одобрение в Министерстве культу-

ры СР, а также у директора Словацкого института г-на Яна Шмигулы. На мой взгляд, создание объединения словакистов, людей которых связывает общность интересов, в наше сложное время, — это и попытка внести свою лепту в укрепление русско-словацких взаимных контактов и связей.

Как мне представляется, было бы правомерно назвать наше Общество именем выдающегося сына словацкого народа, человека, который боролся за свободу и права словаков, педагога, ученого, поэта, политика, кодификатора словацкого языка, Людовита Штура. С именем Штура связано начало истории новой словацкой литературы на кодифицированном им языке, а также создание программы

литературного творчества, которая была реализована его учениками и единомышленниками — писателями-«штуровцами». Продолжая традиции своих предшественников — поэта Яна Коллара и ученого Павола Йозефа Шафарика, — Штур большое внимание в своих трудах уделял проблеме славянства. Будучи сторонником идеи единения славянских народов, он испытывал большую симпатию к России. Что же касается России, то в нашей стране имя Штура было известно еще в середине 19 века. Со Штуром активно сотрудничал весь цвет российской славистической науки: он переписывался и обменивался литературой с О.М. Бодянским, И.И. Срезневским, М.Ф. Раевским, встречался с А.Л. Погодиным, И.И. Срезневским, Н.А. Ригельманом, о нем писали И.И. Срезневский, А.Н. Пытин и В.Д. Спасович, А.С. Будилович, Т.Д. Флоринский, В.П. Петров и т. п. В 1861 г. Журнал «Русская бесе-

да» опубликовал подробную биографию Штура. Особой популярностью в России пользовался его трактат «Славянство и мир будущего», рукопись которого автор передал своим русским друзьям. В.И. Ламанский, ознакомившись с рукописью, назвал произведение «исключительно выдающейся вещью», «завещанием славянскому миру». Аналогичной точки зрения придерживались все, кто тогда ознакомился с трактатом. Именно в России в 1867 г. вышло его первое издание. И только спустя почти 150 лет, в 1993 г., трактат был опубликован в Словакии, которая в этом году торжественно отмечает 200-летие со дня рождения своего выдающегося сына. Год 2015 был объявлен в Словакии Годом Людовита Штура. Вслед за Словакией ЮНЕСКО также объявило нынешний год Годом Людовита Штура. Полагаю, что наше общество может гордиться тем, что будет носить имя великого сына словацкого народа.

4 июня 2015 года

Алла Германовна Машкова — доктор филологических наук, профессор, славист, богемист, переводчик, автор и соавтор многочисленных статей, учебников, монографии «Словацкий натурализм» (2005), книги «Словацко-русские межлитературные связи: страницы истории». Преполагает в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

УСТАВ «ОБЩЕСТВА ЛЮДОВИТА ШТУРА»

НАЗВАНИЕ, ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И ПРАВОВАЯ ФОРМА, ЦЕЛЬ И ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Учреждаемое общественное объединение носит название «Общество Людовита Штура» и функционирует без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица («Федеральный закон об общественных объединениях» от 19.05.1995 №82-ФЗ). Целью Общества является изучение и популяризация словацкой культуры и литературы, творчества отдельных ее представителей, а также укрепление русско-словацких связей в области культуры и литературы.

СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

- проведение заседаний в соответствии с необходимостью, но не реже трех раз в год, организация конференций и круглых столов, посвященных проблемам словацкой культуры, на которых будут заслушаны доклады, сообщения, прочитаны новые переводы художественной и научной литературы;
- осуществление взаимной информации о событиях культурной жизни Словакии, презентация новых рукописей, книжных изданий, журнальных и газетных публикаций;
- организация встреч с творческими работниками, представителями словацкой культуры, писателями;
- сотрудничество с родственными организациями (Словацкий литературно-информационный центр в Братиславе, Музей Людовита Штура в Модре, Матица словацкая и др.);
- поддержка творческих поездок в Словакию;
- подготовка и издание ежегодного альманаха «Девин»

СТРУКТУРА, РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ, МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ, ЧЛЕНСТВО В ОБЩЕСТВЕ

- учредителями «Общества Людовита Штура» являются физические лица;
- членами Общества могут быть физические лица, граждане РФ, проявляющие интерес к культурной жизни Словакии, а также граждане Словацкой Республики, проживающие на территории РФ. Члены Общества имеют право голоса на всех отчетно-выборных собраниях. Членам Общества отдается предпочтение при публикациях в ежегодном альманахе «Девин». Члены Общества не платят членских взносов;

— высший орган Общества — собрание его членов, которое принимает решения при наличии кворума. Постоянно действующий коллегиальный орган — актив в составе трех человек (председатель, заместитель председателя, секретарь);

— местонахождение Общества — Словацкий институт при Посольстве Словацкой Республики в РФ (2-я Брестская ул. д. 27).

ИЗМЕНЕНИЕ УСТАВА. ЛИКВИДАЦИЯ ОБЩЕСТВА

— изменения и дополнения в Устав «Общества Людовита Штура» вносятся на собрании его членов большинством голосов присутствующих. Общество ликвидируется по решению общего собрания.

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

— вся деятельность Общества осуществляется безвозмездно. Общество не занимается коммерческой деятельностью, но принимает спонсорские вклады на издание ежегодного альманаха «Девин» и другие мероприятия.

Настоящий Устав вступает в силу с момента его принятия на собрании «Общества Людовита Штура» 4 июня 2015 года.

STANOVY SPOLOČNOSTI ĽUDOVÍTA ŠTÚRA

NÁZOV, ORGANIZAČNÁ A PRÁVNÁ FORMA, CIEĽ A POVAHA ČINNOSTI SPOLOČNOSTI

Zakladané združenie má názov «Spoločnosť Ľudovíta Štúra» a vykonáva svoju činnosť bez štátnej registrácie a nadobudnutia práv právnickej osoby (v zmysle Federálneho zákona Ruskej federácie o združovaní občanov č. 82-F3 zo dňa 19. 5. 1995). Cieľom Spoločnosti je výskum a popularizácia slovenskej kultúry a literatúry, tvorby jej jednotlivých predstaviteľov a tiež upevňovanie rusko-slovenských vzťahov v oblasti kultúry a literatúry.

OBLASŤ ČINNOSTI SPOLOČNOSTI

— uskutočňovanie zasadnutí podľa potreby, najmenej však trikrát do roka, usporadúvanie konferencií a okrúhlych stolov venovaných problémom slovenskej kultúry, na ktorých sa budú prednášať referáty a správy a tiež čítať nové preklady umeleckej a odbornej literatúry;

— výmena informácií o udalostiach v rámci kultúrneho života Slovenska, prezentácia nových rukopisov, knižných, časopiseckých a novinových publikácií;

— organizácia stretnutí s tvorivými pracovníkmi, predstaviteľmi slovenskej kultúry, spisovateľmi;

— spolupráca s organizáciami s obdobným zameraním (Literárno-informačné centrum v Bratislave, Múzeum Ľudovíta Štúra v Modre, Matica slovenská a iné);

— podpora tvorivých ciest na Slovensko;

— príprava a každoročné vydávanie almanachu Devín.

ŠTRUKTÚRA, RIADIACE ORGÁNY, SÍDLO, ČLENSTVO V SPOLOČNOSTI

— zakladateľmi Spoločnosti Ľudovíta Štúra sú fyzické osoby;

— členmi Spoločnosti sú fyzické osoby z radov občanov Ruskej federácie, SR a iných štátov, prejavujúcich záujem o kultúrny život na Slovensku. Členovia Spoločnosti majú právo hlasovať na všetkých výročných a volebných zhromaždeniach. Členovia Spoločnosti sa uprednostňujú pri výbere publikácií každoročne uverejňovaných v almanachu Devín. Členovia Spoločnosti neplatia členské príspevky;

— najvyšším orgánom Spoločnosti je členské zhromaždenie. Sústavne činným kolegiálnym orgánom Spoločnosti je aktív, ktorý sa skladá z troch osôb (predseda, podpredseda, tajomník);

— sídlom Spoločnosti je Slovenský inštitút pri Veľvyslanectve SR v Ruskej federácii (2-ja Brestskaja ulica, d. 27, Moskva).

ZMENY STANOV

— zmeny a doplnenia Stanov Spoločnosti Ľudovíta Štúra prijíma členské zhromaždenie nadpolovičnou väčšinou prítomných členov.

FINANCOVANIE

— všetka činnosť Spoločnosti sa vykonáva bezodplatne. Spoločnosť nevyvíja komerčnú činnosť, prijíma však sponzorské príspevky na každoročné vydávanie almanachu Devín a na iné podujatia.

Tieto Stanovy nadobúdajú účinnosť ich schválením na zakladajúcom zhromaždení 4. júna 2015.

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛЮДОВИТ ШТУР — ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ
СЛОВАЦКОЙ КУЛЬТУРЫ»
(200 лет со дня рождения)**

**Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова
22 мая 2015 года**

Ян ШМИГУЛА

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые дамы и господа, дорогие профессора и педагоги, дорогие студенты и друзья Словакии!

Как вам вероятно известно, этот год — год 2015 в Словакии проходит под знаком *Года Людовита Штура*. У каждой нации, общества или этноса есть личности, которые оставили заметный след в своей истории. У нас в Словакии неизменно к таким личностям относят Людовита Штура. В октябре, а именно — 28-го октября — исполнится двести лет со дня рождения лидера Словацкого Национального

Возрождения в XIX веке, политика, поэт, журналиста, философа, лингвиста, мыслителя, будителя словацкой нации и революционера. И я надеюсь, вы согласитесь со мной, внимание, которое уделяется этому великому человеку, действительно заслуженно. Ибо это был человек высоконравственный, неподкупный, остро чувствующий и социально активный, который смог «пробудить словацкий народ ото сна».

По всей Словакии в этом году проходит множество мероприятий, организованных по случаю 200-летия

ведущей фигуры Словацкого Национального Возрождения середины 19-го века. И это не только выставки и открытие новых экспозиций, но и торжественное заседание Национального Совета Словацкой Республики, посвященное наследию Штура, это традиционный журналистский конкурс «Перо Штура», литературный конкурс «За что я люблю словацкий язык» и также выпуск памятного значка и серебряной коллекционной монеты. Международное значение этому юбилею придаёт его включение в список памятных дат ЮНЕСКО за 2014–2015 год.

К мероприятиям, организованным в рамках *Года Людовита Штура*, относится и эта конференция в стенах Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старейшего и самого большого Российского Университета, который, кстати, в этом году тоже отмечает свой юбилей — 260 лет с момента образования. И, может быть, это не просто совпадение, что мы с вами встречаемся именно здесь. Почему? Потому, что, хотя Людовит Штур и не был лично знаком с Россией, тем не менее, он не скрывал своего теплого отношения и даже немного идеализированного представления о ней, он не скрывал своего восхищения и преклонения. Россия имела для него настолько большое значение, что в своём труде «Славянство и мир будущего», который можно считать его политическим завещанием, он предлагал славянским народам присоединиться к России, и в качестве литературного языка советовал использовать русский.

«Присоединение славян к России — это единственный правильный путь, у которого есть будущее» — написал

Штур в своём труде. Вместе с тем он признавал, что если России суждено сыграть такую большую роль в судьбе всех славянских народов, то она должна принципиально изменить не только свою внешнюю политику, но и свой социально-политический подход к внутренним вопросам. И это произведение Штура, и наше сегодняшнее мероприятие, так же, как и сама жизнь Людовита Штура, только подтверждает, что своей деятельностью, своими мыслями и поступками, Штур вышел за пределы, переступил границы родной страны.

Разрешите мне, в связи с этим, поблагодарить всех вас, филологический факультет МГУ за организацию этой конференции и, прежде всего, я хотел бы высказать благодарность профессору кафедры славянской филологии Алле Германовне Машковой. Я надеюсь, что на этой конференции прозвучит немало поучительного, нового и воодушевляющего.

Позвольте мне ещё до того, как прозвучат основные доклады, кратко представить пламенный, полный бескомпромиссной борьбы, жизненный путь одной из самых значительных фигур в современной истории словацкого народа.

Людовит Штур родился 28-го октября 1815 года в местечке Угровце. Интересно, что в этом самом доме, в здании местной школы, через 106 лет — в 1921 году родился другой выдающийся представитель словацкого народа — Александр Дубчек.

В семье Штура было 5 детей, Людовит Штур был вторым ребёнком. Его отец, Самуэль Штур, был сознательным человеком и учителем местной евангелической школы, именно у него

*Выступление лектора словацкого языка
Мартина Браксаториса*

Участники конференции

Фото Е.Б. Гурбана

Выступление директора Словацкого института
Яна ШмигулыСтуденты кафедры славянской филологии
читают стихи Людовита Штура

Людовит получил начальное образование. В 1827 году он продолжил обучение в низшей евангелической гимназии в Рабе, сегодняшнем Дьёре. Прилежание и сообразительность ученика заметил профессор Петц, который был известен, прежде всего, своим преклонением перед античным искусством и античной образованностью.

После двух лет учебы в Рабе, Штур поступил в евангелический лицей в Братиславе. Там с 1803 года существовала кафедра речи и литературы чехословацкой, которую возглавлял профессор Юрай Палкович. Евангелический лицей в Братиславе был единственным на тот момент высшим евангелическим учебным заведением во всей Венгрии, где была подобная кафедра. В 1829 году студенты этого лицея основывают «Чешско-славянское общество», к основным задачам которого относились изучение родной речи, упражнения в грамматике, написание литературных трудов и изучение истории славянских народов. После приезда в Братиславу Людовит Штур становится одним из его членов, а осенью 1835 года — заместителем председателя этого общества. В целях более глубокого развития национального самосознания члены общества организовывали различные праздники, встречи и мероприятия. Одним из наиболее важных мероприятий, состоявшихся благодаря усилиям некоторых членов Чехословацкого общества было торжество в Девине 24-го апреля 1836 года. На нём Штур добавил к своему имени второе, славянское имя — Велислав.

В 1838 году 23-летний Штур поступил в университет в Галле, который посещали многие представители еван-

гелической интеллигенции и где они изучали в основном теологию, философию, историю и лингвистику. Помимо латинского, Штур прекрасно владел венгерским, немецким, французским и греческим и, конечно же, многими славянскими языками — прежде всего польским, сербохорватским и русским. Он также изучал иврит и английский язык. Стремление Штура к изучению языков и его способности в этом плане были просто удивительны.

Через два года он вернулся в Венгрию. Его возвращение означало начало нового этапа борьбы за сохранение прав словацкого народа, так как радикальные действия венгерских чиновников и полицейских были направлены против попыток повышения культурного образования невенгерских народов. В начале 1843-го года Людовит Штур ознакомил своих друзей с идеей объединения словаков католического и евангелического вероисповедания на базе единого литературного языка. За основу он взял среднесловацкое наречие главным образом из-за его распространённости и степени доступности для всех говорящих на других наречиях. Объединение словаков должно было происходить при содействии всесловацкого объединения «Татрин». 11-го июля 1843-го года Штур, Гурбан и Годжа встретились у Гурбана в местечке Глоба, где обсудили конкретные шаги по осуществлению реформы словацкого литературного языка. В том же году усложнилась ситуация в лицее, где Штур преподавал, что привело к смещению его с должности заместителя профессора Палковича. Не смогли помочь ни студенческая петиция, ни защита некоторых профессоров еван-

гелического лица. В качестве протеста против ухода Штура с этого поста 22 студента покинули лицей.

Год спустя после многолетних усилий Штуру удалось получить разрешение на издание газеты «Словенские народне новины» с литературным приложением «Орол Татранский». Газета начала выходить 1-го августа 1845-го года. Она издавалась на штуровщине, литературном варианте словацкого языка, и в связи с этим, нашла себе как горячих сторонников, так и непримиримых противников.

В 1846-м Штур издал свои труды «*Наречие словацкое, или Потребность писать на этом наречии*» и «*Наука речи словацкой*», в которых он отстаивал необходимость использования нового литературного языка. На заседании общества Татрин в августе 1847-го в местечке Чахтице представители католиков и евангелистов окончательно договорились об использовании нового литературного языка.

Однако планы Штура выходили далеко за рамки научной и издательской деятельности. В 1847 году он в качестве депутата Венгерского сейма от свободного королевского города Зволена, который заседал в Братиславе, получил возможность более последовательно отстаивать свою национальную и социальную позицию. Однако работу Штура в Венгерском сейме прервали революционные события 1848 года. Благодаря революции народ получил больше свободы и социальных прав. Вместе с тем, чувствовалось, что уступки венгерского правительства Пешту приведут к тяжелым последствиям для словаков. Они грозили усилением мадьяризации. В связи с этим словаками была приня-

та петиция под названием «*Требования словацкого народа*», в которых были обозначены возможности решения словацко-венгерских отношений на основе принципов равноправия. В то же самое время Штур организовал Славянский съезд в Праге, на основании чего венгерское правительство приняло решение о его аресте. Несмотря на гонения, Штуру удалось принять участие в этом съезде. Туда приехали все основные представители славянских народов, живущих, главным образом, на территории Габсбургской монархии.

В сентябре того же года в Вене был создан Словацкий национальный совет, который провозгласил себя единственным представителем власти в Словакии и который отказался подчиняться венграм. В состав вошли Штур, Гурбан и Годжа. Этот Совет призвал словаков к вооруженному восстанию с целью обретения своих национальных и социальных прав.

После поражения революции и невыполнения обещания австрийскими властями, Штур оказался в очень сложной ситуации: его просьба о возобновлении издания словацкой политической газеты, а также деятельность общества «Татрин» не была удовлетворена. В это время он работал над своим трудом «*Славянство и мир будущего*» — одного из важнейших творений современной словацкой литературы. Этот трактат в словацком издании смог попасть в руки не только специалистов, но и обычных читателей, только в 1993 году, то есть через полтора века после своего возникновения. Впервые книга была официально опубликована в 1867 году в русском переводе.

1851 год стал трагическим для Людовита Штура. В январе умер его брат Карол, а спустя полгода — отец. После смерти своего старшего брата, Штур переселился в Модру, чтобы там под полицейским надзором заботиться о семерых детях погибшего брата. Но он продолжал оставаться творчески активным, хотя его жизнь и усложнялась вследствие постоянного присутствия полиции. В 1853 году в Вене умерла его близкая подруга Адела Остролюцка, а затем в Тренчине — его мать. Вскоре трагически завершился и жизненный путь самого Людовита Штура. В декабре 1855 года на охоте при попытке перескочить ручей недалеко от Модры он случайно ранил себя. Умер Штур 12 января 1856 года — после трехнедельных непрекращающихся страданий — в возрасте всего лишь сорока лет.

Несмотря на короткий жизненный путь Штур оставил неизгладимый след в истории словацкого народа. Мы высоко ценим его вклад в дело формирования национального самосознания нашего народа, в дело создания словацкого литературного языка. Именем Штура были названы многие улицы, город Штурово и даже небольшая планета Штур под номером 3393, блуждающая где-то во Вселенной.

Уважаемые дамы и господа, дорогие преподаватели и студенты, в заключение позвольте сказать следующее: Мне кажется, что, оценивая значимость Штура и его отношение к России, — было бы правомерным создание в России объединения под названием *Общество Людовита Штура*. Это Общество могло бы, например, оказывать поддержку деятельности российских педагогов, научных работников и переводчиков, популяризирующих словацкий язык и словацкую культуру. Пока же, как мне известно, им не хватает собственной организации для осуществления регулярных встреч, для обсуждения проблем словакистики, получения информации о новинках словацкой культуры и искусства в самом широком контексте. Я могу себе довольно хорошо представить, что такое объединение могло бы функционировать при Словацком институте в Москве. Я думаю, что проходящий сейчас Год Людовита Штура является хорошим импульсом в деле создания Общества Людовита Штура. Это может стать важным вкладом в дело популяризации наследия одной из самых выдающихся личностей в современной словацкой истории.

Благодарю за внимание!

Мартин БРАКСАТОРИС

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЛЮДОВИТА ШТУРА НА ОСИ ЗАПАД — СЛОВАКИЯ — ВОСТОК

Хотя тема настоящего доклада посвящена относительно хорошо исследованной проблематике, она до сих пор требует систематического изучения на материале всего творчества Людовита Штура.

Прежде всего определим наше понимание термина «национальная философия», употребляемого в работе. Мы присоединяемся к точке зрения словацкого историка философии Владимира Бакоша, который считает, что философия «является универсальной своим предметом, проблемами и методами, но при этом очевидно, что она специфически национальна не только формой языка и степенью разработанности собственно национальной научной терминологии, но и содержанием (оптикой тематизации и решения проблем относительно конкретного общественного или индивидуально человеческого расположения)». Бакош также констатирует, что «под национальной философией понимается, с одной стороны, развитие философии в национальном языке, а с другой — определенное историческое явление, в частности конкретные формы фило-

софии истории и нации, развивавшиеся в Словакии в XIX веке в период так называемого образования народа»¹.

Во избежание недоразумения следует также уточнить, что, говоря о Востоке и Западе, мы будем иметь в виду оппозицию Востока и Запада в рамках европейского культурного и геополитического контекста, а не оппозицию Европы и Азии.

ОСНОВНЫЕ ИДЕЙНЫЕ ИСТОЧНИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЛЮДОВИТА ШТУРА

Хорошо известно, что идейными источниками национальной философии Людовита Штура являются главным образом Георг Вильгельм Фридрих Гегель и Иоганн Готфрид Гердер. Как показал словацкий лингвист Славомир Ондрейович², в области философии языка и лингвистических исследований Штур опирался также на философию Вильгельма фон Гумбольдта. Из словацких идейных источников следует привести главным образом Яна Коллара и Павла Йозефа Шафарика.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Свое понимание истории Штур излагает в разных работах. По его мнению³, «вся история служит духу или, иными словами, духовные интересы, как то: Вера и Государство, искусство и наука, проявляют в ней свое действие и влияние. Они все более и более облагораживают человеческий род, освобождают его и приводят к самосознанию, приближая к идеалу человеческой жизни». В соответствии с тезисом, сформулированным в произведении «Жизнь народов», история идет в направлении развития и совершенствования человеческого духа⁴.

Такое понимание полностью соответствует точке зрения Гегеля⁵, в соответствии с которой история является сценой, собственностью и областью реализации духа. Исходной точкой философии истории Гегеля является идея о том, что история представляет собой развитие духа во времени, целью которого является его самоосознание, осуществляемое через осознание свободы отдельными народами.

По образцу Гегеля в произведении «Жизнь народов» (II, 12). Штур выделяет две формы жизни: естественную (питье, сон и др.) и духовную (религия, искусство, наука). Варварским народам свойственна главным образом естественная или физическая жизнь. Эти народы являются неисторическими. Все народы, включая неисторические, имеют религию. При этом исторические народы живут и другой духовной

жизнью (искусство, наука) (II, 13–14). Хотя и у неисторических народов есть такая жизнь, они лишь разводят заимствованное и не поднимают духовную деятельность на новый уровень (II, 18).

Как уже было сказано, с гегельянской точки зрения история представляет собой процесс осознания свободы. По мнению Гегеля, он начался уже в древнейших ориентальных деспотиях, но свобода в них распространялась лишь на привилегированные лица. Греки и римляне эту свободу расширили на более широкий круг людей. Только германские народы на основании христианского мировоззрения поняли, что человек является свободным как таковой и что свобода духа представляет собой часть его внутренней сущности⁶.

Вслед за Гегелем Штур в произведении «Жизнь народов» предлагает сходную концепцию истории, расширив ее ролью славян в историческом процессе. Он характеризует азиатский Восток посредством атрибута несвободы, греков и римлян посредством античной гармонии и тех же самых греков, а также романские и германские народы посредством христианского мировоззрения: лишь оно гарантирует настоящую свободу человека (II, 27). При этом свобода, по мнению Штура, играет ключевую роль в историческом процессе (II, 27) и, как он доказывает в произведении «В чем заключается наша беда» на примере словаков, подчиненность препятствует развитию духа (II, 104 и след.).

¹ *Bakoš Vladimír. Otázky nad dejinami slovenskej filozofie // Filozofia. Вып. 58. 2003. № 10. S. 673.*

² *Ondrejovič Slavomír. Zo slovensko-nemeckých vedecko-kultúrnych vzťahov. (Wilhelm von Humboldt a Ľudovít Štúr.) // Studia Academica Slovaca. 27. Prednášky XXXIV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Bratislava: Stimul — Centrum informatiky a vzdelávania FF UK 1998. S. 118–123.*

³ *Штур Людовит. Славянство и мир будущего: послание славянам с берегов Дуная. Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1867. С. 31–32.*

⁴ *Štúr Ľudovít. Dielo II. Bratislava: Tatran, 1986. S. 23. Далее будет цитироваться это издание с указанием номера тома и страниц в скобках. — Ред.*

⁵ *Hegel Georg Wilhelm Friedrich. Filozofia dejín. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo politickej literatúry, 1957. S. 60.*

⁶ *Hegel Georg Wilhelm Friedrich. Filozofia dejín. S. 25.*

В отличие от методологии, содержание философии истории Гегеля не могло удовлетворить представителей словацкой национальной жизни, так как Гегель считал славян неисторическим народом. Подходящий стимул для развития национальной философии Коллара, Шафарика и Штура дала философия Гердера, включающая следующие тезисы⁷:

- славяне представляют собой единый народ;
- они отличаются большим количеством и большой территорией;
- они владеют большим потенциалом духовных сил;
- они отличаются трудолюбием;
- им свойствен миролюбивый характер, доброжелательность, доброта, вежливость, гостеприимство, бескорыстность, терпение, послушность и т. п.

Гердер описывает историю как колесо, наверху которого раньше стояли римляне, после их падения туда поднимаются германцы и в будущем их заменят славяне⁸.

Вдохновленный философией Гердера, Штур включает славян в свою историческую концепцию, считая историческими народами индийцев, мидийцев и персов в Азии, египтян в Африке и кельтов, греков, римлян, германцев, литовцев и в будущем славян в Европе (II, 18); все упоминаемые им народы являются семитохамитскими или индоевропейскими (II, 21).

Вслед за Гегелем и Гердером Штур считал, что один из исторических народов всегда духовно ведет остальные

народы и что исторические народы в определенный момент передают ведущую роль своим преемникам (II, 21–22). Занимаясь историей исторических народов Европы, Штур признает, что по сравнению с греками, римлянами и германцами славяне пока не имеют больших заслуг в истории человечества. Действия славян, связанные главным образом с защитой христианского мира от атак варваров, составляют, по его мнению, пока всего лишь несколько важных страниц истории человечества (II, 23–24). Духовному развитию славян до сих пор препятствовало их географическое положение — отдаленность от древнейших центров науки и местонахождение в буферной зоне с территориями, подконтрольными нападавшим варварам, утверждает Штур в призыве к панславизму и нашей стране» (II, 152); христианство, по его мнению, также распространялось из Рима сначала на Запад (II, 157). Но, как он подчеркивает, вопреки всему этому славяне достигли значительных успехов в науке (II, 154).

В этом же произведении Штур интерпретирует панславизм как спонтанный путь к преодолению отставания славянства в духовной области и в области человеческой свободы (II, 157). Как он пишет в работе «Словацкое наречие, или необходимость писать на этом наречии», славяне занимают в истории особое положение и призваны к особой жизни, но им необходимо понять свое назначение, чтобы достигнуть ее⁹.

По мнению Штура, сформулированному в труде «Наука словацкого языка», народы отличаются разным духовным потенциалом и этим обусловлена их роль в истории. Славяне в большей степени духовно одарены вследствие своего племенного характера. И поэтому Штур предполагает, что после греков, римлян и германцев они совершат великие дела. В отличие от названных народов, неисторические народы, такие как монголы или турки, подобного не достигнут никогда (I, 315).

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СЛАВЯН

Племенной характер является особой идеей, присутствующей во всех национально-философских произведениях Штура, но в наибольшей степени в труде «Славянство и мире будущего». Подобно Гердеру, Коллару и Шафарiku, Штур считает славян единым народом, отличающимся племенным характером (I, 203). В «Словацком наречии...» Штур пишет, что славяне едины в многообразии (I, 288, 303). Каждое из племен придает славянскому целому иное качество. Племенной характер является источником духовной силы, жизни и бодрости славян (I, 222). В «Науке словацкого языка» Штур выражает мнение, что народ, содержащий множество племен и имеющий много наречий, должен быть духовно одаренным в большей степени, чем все другие народы, у которых нет племен или племена которых менее разнообразны (I, 315). Как констатирует Виктор Кохол, в основе такого взгляда лежит диалекти-

ческое понимание славянства как единого целого в смысле единства противоположностей, когда отдельные части не разрушают, а, наоборот, дополняют и оживляют целое¹⁰. Диалектически он понимает также споры о характере собственных племен и наречия, которые должны обеспечить прогресс и продвижение в соответствующей области («Голос против голосов») (I, 327).

Племенным характером отличался и древнегреческий народ, который состоял из трех племен. Этот факт был источником более высокой духовности, поэтичности, бодрости и живости греков (I, 222–223); у римлян не было племен, поэтому жизнь римского народа является холодной и прозаической (I, 224).

Убеждение, что славянский народ распадается на племена, Штур обосновывает между прочим и тем, что отличия между славянскими наречиями больше, чем между немецкими разноречиями. Поэтому в случае немецкого языка речь идет не о наречиях, а разноречиях. Немецкий народ не распадается на племена и весь манифестируется в одном литературном языке (I, 252). Подобным образом Штур далее аргументирует в пользу утверждения, что у других современных европейских народов нет племенного характера (I, 252 и след.).

В «Словацком наречии...» (I, 224–225) Штур разделяет славянские племена следующим образом:

- южные и восточные славяне: великороссы, малороссы, болгары, сербы, хорваты, словенцы;

⁷ Dupkala Rudolf. Herderova «filozofia humanity» a jej ohlas na Slovensku v tvorbe J. Kollára a P.J. Šafárika // Doctrina: medzinarodowy przegląd humanistyczny. 2005. № 2. S. 125.

⁸ Herder Johann Gottfried von. Vývoj lidskosti. Praha: Jan Laichter, 1941. S. 332.

⁹ Štúr Ľudovít. Dielo I. Bratislava: Tatran, 1986. S. 233. Далее будет цитироваться это издание с указанием номера тома и страниц в скобках. — *Ред.*

¹⁰ Kochol Viktor. Vývrcholenie obrodeneckej literatúry. (Štúrovský romantizmus) // Dejiny slovenskej literatúry. II. Literatúra národného obrodzenia. Bratislava: Slovenská akadémia vied 1960. S. 364.

- северозападные: поляки, чехи, нижние лужичане, верхние лужичане, словаки.

С сожалением он констатирует, что некоторые славянские племена не выжили и слились с другими народами, но актуальное количество племен свидетельствует о том, что дух славянского народа богат (I, 235).

Штур допускает отрицательные последствия распада славянского народа на племена и вытекающее из них терпение славян, которое связано с тем, что распад уменьшает их общую силу (I, 234). В то же время он подчеркивает положительные аспекты этого процесса; некоторые из них сформулированы в духе «нет худа без добра» (славяне спокойно переносят беды и солидарны со страждущими), некоторые в положительном духе (более развитые и сознательные племена способны помогать отстающим) (I, 235).

ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА

В соответствии с положениями немецкой идеалистической философии Штур в труде «Протесты и жалобы славян в Венгрии на противозаконные посягательства мадьяр» характеризует язык как продукт духа народа (I, 174) и как признак сущности и самобытности каждого народа (I, 174). Далее он называет его особым видом мировоззрения каждого народа — в этом плане Штур несомненно близок Гумбольдту, — причем чем народ совершеннее, тем совершеннее его мировоззрение, выраженное языком (I, 178–179). На примере замены латинского языка немецким в немецкой среде Штур демонстрирует важность приспособляемости языка к потребно-

стям духовной деятельности народа (I, 178). Использование отдельного языка как внешнего выражения духа народа определяет, сохранит ли народ свое положение в мире (I, 180).

В рамках решения упоминаемых проблем Штур опирается на ось племени — наречия — литература. Каждое способное племя (смотри ниже) должно пользоваться литературным наречием, соответствующим его духу, и на этом наречии создавать плоды своей духовной деятельности (I, 236). Подобно размышлениям о народах и племенах, в случае языка Штур также пишет, что чем разнообразнее язык народа, тем богаче его дух, тем он бодрее и живее (I, 222).

Штур не предлагает каждому племени использовать свое наречие в качестве литературного языка, однако он формулирует несколько условий этого:

- наречие должно быть чистым, незагрязненным;
- оно должно содержать что-нибудь особенное, вносящее вклад в славянский язык;
- племя должно быть способным духовно и материально сохранять и развивать свое наречие, создавать в нем плоды своего духа и ставить их перед лицом славянства.

Штур подчеркивает, что это требование — на пользу всему славянству. Только при его осуществлении жизнь славян будет иметь прочный фундамент, потому что «все, что должно было вырасти, не будет удушено и не засохнет». Но то, что «не способно расцвести, должно прирасти к соседней ветви, чтобы не высохнуть или не зачахнуть, прилагая напрасные усилия» (I, 225).

Подобное Штур пишет и в «Науке словацкого языка», полагая, что славянские племена, владеющие чистыми наречиями, способными к выражению идей, должны пользоваться собственным литературным наречием, руководствуясь внутренней потребностью выражения всего, что в них скрыто (I, 319).

Полемизируя с Колларом, предлагающим сохранить или уменьшить количество славянских литературных наречий (и соответственно литератур), которыми он считает русское, польское, чешское и иллирийское (I, 226, 228, 236 и др.), Штур называет это предложение насильственным уничтожением того, что само «хорошо выросло». Он доказывает, что это требование — в ущерб славянам как целому (I, 226 и др.).

В контексте поддержки разнообразия славянского языка интересным представляется факт, что в более позднем послесловии к «Словацкому наречию...» Штур выражает радость и поддерживает употребление собственного литературного языка даже теми племенами, которым он ранее отказывал в способности к сохранению и развитию литературного наречия (I, 303). Полемизируя с Шафариком, он ищет причины отсутствия единого литературного языка славян. Вопреки Шафарiku он констатирует, что причиной тому не является их принадлежность к западной и восточной церквям, так как и у православных славян нет единого литературного языка. Причину он видит в племенном характере славянского народа (I, 260). Православные славянские племена пользуются наречиями, довольно сильно отличающимися от церковнославянского (I, 261);

поэтому, по мнению Штура, использование собственных литературных языков (отличных от церковнославянского) представляет собой необходимое условие свободного духовного развития этих племен. Русские и сербы, по его мнению, действительно возвысились как нации только тогда, когда освободились от церковнославянского языка; подобно тому словаки поднялись как нация, только освободившись от употребления чешского языка (I, 262), — до тех же пор они духовно дремали (I, 265, 277).

СИТУАЦИЯ В ВЕНГРИИ

В «Голосе соотечественникам» Штур опирается на мнение Йозефа Добровского и Павла Йозефа Шафарика, утверждая, что словаки представляют собой самостоятельное племя славянского народа (I, 203). В «Протестах и жалобах славян...» он констатирует, что потеря собственного языка является признаком неспособности народа самостоятельно развиваться (I, 180). Штур говорит, что если один народ заставляет другой принять его язык, то он навязывает ему внешнюю форму, не соответствующую его духу, и чуждое мировоззрение, лишая его права на индивидуальность и духовное развитие в его собственном духе (I, 180–181). Он заявляет, что славяне способны развиваться самостоятельно и поэтому им не должен навязываться венгерский язык (I, 181). Усилие мадьяризировать славян является усилием навязать их духу чужой способности мышления, убедить их, что они не способны развивать свой дух и не достойны занимать место среди других народов (I, 181).

В статье «Языковая борьба в Венгрии» Штур опровергает представление об интеллектуальном превосходстве венгров над славянами (I, 166–167), а также об их большей способности к политике (I, 168). Он аргументирует это тем, что словаки не отстают от венгров в области духовной деятельности в качественном отношении; относительно количественного отставания он говорит, что оно вынужденное — вследствие действия объективных факторов, в том числе отсутствия средств и внешней поддержки (I, 167).

Национальная жизнь словаков и чехов, пишет Штур в статье «Взгляд на движение западных и южных славян», стала существовать благодаря литературе, которая, однако, сама по себе не достаточна как единственный движущий фактор (II, 180). Помимо всего прочего необходимо введение языка в школы и в общественную жизнь (II, 185).

В статье «Языковая борьба в Венгрии» Штур приветствует замену латинского языка венгерским в венгерской среде, но при этом подвергает критике игнорирование венгерских славян. Он аргументирует это тем, что их количество обосновывает потребность употребления их языка в качестве официального (I, 163), тем более что славянский язык является самым распространенным в Венгрии (I, 165).

Аналогично в статье «В чем заключается наша беда» он выражает удовлетворение от того, что венгерский язык вводится в школы, но одновременно с этим он хотел бы радоваться тому же в случае словацкого наречия (II, 123 и след.). В работе «Отзыв о Словацкой народной газете и Татранском

Орле» он поддерживает языковой и национальный прогресс всех народов Венгрии, но одновременно требует не подавлять развитие венгерских славян, которых называет верными сынами отечества (I, 392).

Заметим, что такая констатация, имеющая аналог также в «Протестах и жалобах славян...» (I, 182), вполне естественна не только по историческим причинам (нитранские, панонские и др. славяне принимали активное участие в политической и военной жизни Венгерского королевства с момента его создания, причем, как утверждает Штур, сила венгров носит бурный и неистовый характер, сила же славян оседлый и сдержанный; благодаря сочетанию этих двух сил Венгерское королевство смогло возникнуть и сохраниться), но также потому, что Штур в то время, вероятно, вообще не думал о политическом самоопределении славян, считая, что из их племенного характера вытекает и факт, что разные племена имеют разные правительства (I, 258). Заметим, что его убеждения значительно изменились после революции 1848–1849 гг. (причем уже непосредственно перед революцией и в ее течение «штуровцы» занимали автономистские позиции относительно положения славян в рамках Габсбургской монархии, а не в рамках Венгрии), что находит отражение и в книге «Славянство и мир будущего».

ВЗАИМОТНОШЕНИЕ НАРОДОВ И ЛИДЕРОВ

Интересными представляются убеждения Штура о взаимоотношении народа и его лидеров. В «Славянстве и мире будущего» он предлагает ди-

алектическое понимание отношения народа и правительства, утверждая, что «отделять народ от правительства — бессмысленно», и добавляет, что не только «правительства дурны, но и народы испорчены. Правительства суть только выражения их собственной нравственности»¹¹. Он также говорит, что «характер всех возмущений отпечатывается на их вождях: чем основательнее первые, тем замечательнее, тверже, пластичнее последние»¹². В этих мнениях выражается, с одной стороны, глубокая демократичность Штура, а с другой, возможно, гегельянское убеждение о первичности духа народа перед индивидами и о том, что дух манифестируется в индивиде¹³.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ШТУРА

Исходные положения национальной философии Штура имеют место и в его эстетической концепции. Она, однако, имеет свои особенности, так как возникала после революции 1848–1849 гг. В работе «О народных повестях и песнях племен славянских» Штур называет славян наиболее поющим народом (II, 301). Кроме атрибута «поющий» Штур характеризует славян атрибутом «словесный» (II, 302). Слово он воспринимает как самый совершенный способ передачи душевного содержания (II, 304). Несловесное искусство он описывает как изображение духа в предмете (II, 304), в то время как сим-

волическое стихосложение он считает превосходящим несловесное искусство, так как оно свободно от природной предметности (II, 323).

В основе этой концепции лежит, естественно, эстетическая концепция Гегеля. В рамках гегельянской эстетики искусство выражает идею наглядно; такая «природная красота», однако, является несовершенным видом искусства¹⁴; напротив, самым совершенным видом искусства является поэзия. В отличие от Гегеля Штур считает, что поэзия как самый совершенный вид искусства свойственна именно славянам.

Труд «О народных повестях и песнях племен славянских» был создан после революции, поэтому в нем проявляется ярко выраженное критическое отношение к Западу. Эстетическое сближение славянских племен с Западом ведет к эмансипации сладострастия и к потере славянской простоты и пылкости характера. Самыми простыми и пристойными являются сербские и русские песни. К ним относятся отчасти и русинские песни, которые, однако, загрязнены элементами польского влияния, что идет в ущерб славянской простоте и чеканности (II, 441). На примере отдельных славянских племен он показывает, что контакт с Западом ведет к утрате поэтической самостоятельности; одним из таких признаков он считает замену славянского обряда латинским (II, 517). В рецензии «Песни Бранко Радичеви-

¹¹ Штур Людевит. Славянство и мир будущего: послание славянам с берегов Дуная. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1867. С. 172–173.

¹² Штур Людевит. Славянство и мир будущего: послание славянам с берегов Дуная. С. 46.

¹³ Hegel Georg Wilhelm Friedrich. Filozofia dejín. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo politickej literatúry, 1957. S. 36.

¹⁴ Hegel Georg Wilhelm Friedrich. Estetika (výber z prvého zväzku) // Sošková Jana. Dejiny estetiky. Antológia. Prešov: FF UPJŠ, 1994. S. 81.

ча» Штур пишет о том, что славянские песни и стихотворения могут успешно развиваться главным образом в южнославянской и восточнославянской среде, тогда как в западнославянской их время уже ушло (II, 549).

ПУТЬ К СВОБОДЕ — ЗАПАД VERSUS ВОСТОК

Все творчество и политическая деятельность Штура были направлены на обретение свободы и независимости его народа, причем в разное время он видел различные пути ее достижения. По его дореволюционным и революционным произведениям очевидно, что ориентация на Вену была прагматически мотивирована и обусловлена политической необходимостью (см., напр.: I, 162). При этом отношение к России постепенно изменялось. В статье «Пограничные мыта» 1847 г. он обращает внимание на факт, что страны с более развитой промышленностью и торговлей отличаются более высокой мерой политических свобод, в то время как аграрные станы отличаются несвободой; к последним Штур относит и крепостную Россию (II, 79). В статье «Панславизм и наша страна» 1847 г. он косвенно касается вопроса о доминирующем положении России в панславистском движении, не polemизируя с ним (II, 150). В статье «Русские» 1848 г. он дает прогноз великого будущего России и подчеркивает великие дела, которые дали возможность сохранить русским самостоятельность единственным из славян (II, 193). При этом он говорит, что Россия совершит

великие и важные для славянства и серьезные и решительные для мира дела, когда славянский дух в ее рамках еще более распространится и появится дух свободы (II, 194). После революции 1848–1849 гг. можно наблюдать сдвиг не только в сторону ярко выраженной критики Запада, о которой уже шла речь, но и в сторону положительного отношения к России. В письме Срезневскому 1851 г. Штур пишет: «Кому Господь Бог, тому все святы, и нам кажется, что Бог — со святой Россией» (II, 219). По содержанию текста видно, что он считает православную церковь средством единения славян (II, 220).

Самый существенный сдвиг в эту сторону наблюдается в книге «Славянство и мир будущего». Многие в этой книге уже было сформулировано Штуром раньше. Например, преклонение перед творческой силой и способностью русского народа хранить все, что создал¹⁵, а также исключительной способностью отстаивать самостоятельность (167), присутствует уже в статье «Русские». Идея православия как средства соединения всех славян (188) содержится в письме Срезневскому 1851 г. В книге «Славянство и мир будущего» сохраняется и развивается гегельянское толкование истории как процесса эмансипации духа, гердеровское понимание роли славян как единого народа, призванного занять ведущее место в истории, а также гердеровское понимание релевантных характеристик славян (как, например, их количество (159), занимаемое пространство (168) и т. п.). Разумеется, сохраняется

и панславистское понимание единства славян и поиск пути к достижению их свободы. Значительно углубляется критика Запада и дополняется критикой его моральной и идейной порочности (57 и след.), а также секуляризма (44 и след.) и коммунизма (53 и след.). Несмотря на все сходства, в книге имеется множество новых, ранее не опубликованных и противоречащих содержанию ранее опубликованных работ взглядов. К гегельянским и гердеровским идейным источникам прибавляется идейный источник русского консервативного мышления, в частности — славянофильства. Штур не настаивает на своих прежних ожиданиях относительно политических свобод и индустриализации России; вместо этого он утверждает, что в России «литературные и научные журналы рассматривают соответствующие их тематике вопросы гораздо с большей свободой, чем это было возможно в Австрии при Меттернихе и, не побоимся добавить, даже теперь. В промышленном отношении успехи русских иногда превосходят всякое ожидание. Короли промышленности англичане знают это очень хорошо» (172). При этом Штур продолжает настаивать на необходимости отмены крепостного права в России (176), а также советует ей расформировать тайную полицию (182) и отказаться от политических союзов с неславянскими странами, «заключаемых единственно с целью сохранения разрушающихся или немощных династий и престолов» (174, 182). В «Славянстве и мире будущего» Штур отказывается главным образом от своих прежних взглядов на отдельное

политическое существование славянских племен (см.: I, 258) и на самостоятельное развитие славянских наречий при отсутствии единого литературного языка (см.: I, 261 и след.). В свете его аргументации в вопросе употребления наречий отдельных славянских племен в качестве литературных языков в полемике с Колларом и в связи с невозможностью адекватного выражения духовного содержания чужим, хотя и славянским наречием новую позицию можно считать фундаментально противоречащей его прежним взглядам. Штур практически отказывается от диалектического понимания славянского народа как единства противоположностей, в рамках которого отдельные части не разрушаются, а, напротив, дополняют друг друга и оживляют целое¹⁶. Вместо этого он считает количество и разнообразие славянских племен проблемой, обуславливающей необходимость введения самодержавия (180) при наличии самоуправления славянской общины (8, 178). По мнению Штура, русское государство представляет собой всеподчиняющую силу славян, объединяющую разрозненные части в одно великое целое (17). Он предлагает всем славянам принять православие (185 и след.), русский язык в качестве литературного (188–189) и политически присоединиться к России (176, 182). При этом в ряде вопросов он отказывается от абстрактного философского мышления в духе западного идеализма и в большей степени занимается решением конкретных идейных и политических задач со славянофильских позиций.

¹⁵ Штур Людевит. Славянство и мир будущего: послание славянам с берегов Дуная. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1867. С. 188. Далее будет цитироваться это издание с указанием номеров страниц в скобках. — *Ред.*

¹⁶ Ср.: Kochol Viktor. Vyvrcholenie obrodeneckej literatúry. (Štúrovský romantizmus) // Dejiny slovenskej literatúry. II. Literatúra národného obrodzenia. Bratislava: Slovenská akadémia vied, 1960. S. 364.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение вслед за Владимиром Бакошем констатируем, что «штуровцы» «осознавали значение абстрактной теории (являясь воспитанниками гегельянской идеалистической систематической философии), но всегда понимали ее как основу для создания философии истории собственного народа (славянского и словацкого) и как идейный базис для поиска ответов на актуальные проблемы национальной жизни с точки зрения современного состояния и координат будущего развития (...). Хотя такое общественное мышление было теоретически обосновано, абстрактно-теоретическая проблематика отодвигалась на задний план»¹⁷. Дополняя выводы Бакоша, отметим, что в свете выявленной им тенденции не удивительно, что после революции 1848–1849 гг. в национальной философии Штура отошел на задний план теоретический гегельянско-гердеровский аспект, который хотя в основных чертах и сохранился, но претерпел частичное видоизменение в результате нового подхода к вопросу возможных путей приобретения свободы словацким племенем и славянским народом в целом. Не должно удивлять то, что одновременно наблюдается существенный сдвиг в области духовных и — словами современной терминологии — геополитических симпатий на оси Запад — Восток в пользу последнего. При этом словацкие «племя» и «наречие» оставались в центре внимания и интереса Штура на протяжении всей его жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. BAKOŠ, Vladimír: *Otázničky nad dejinami slovenskej filozofie* // *Filozofia*, 58, 2003, № 10. S. 671–683
2. DUPKALA, Rudolf: *Herderova «filozofia humanity» a jej ohlas na Slovensku v tvorbe J. Kollára a P. J. Šafárika* // *Doctrina: medzinarodowy przegląd humanistyczny*. № 2, 2005. S. 329–336.
3. HEGEL, Georg Wilhelm Friedrich: *Filozofia dejín*. Bratislava: Slovenské vydavateľstvo politickej literatúry 1957. 478 s.
4. HEGEL, Georg Wilhelm Friedrich: *Estetika (výber z prvého zväzku)* // Sošková, Jana: *Dejiny estetiky. Antológia*. Prešov: FF UPJŠ 1994, s. 81. S. 81–95
5. HERDER, Johann Gottfried von: *Vývoj lidskosti*. Praha: Jan Laichter 1941. 469 s. KOCHOL, Viktor: *Vyvrcholenie obrodeneckej literatúry. (Štúrovský romantizmus.)* // *Dejiny slovenskej literatúry. II. Literatúra národného obrodzenia*. Bratislava: Slovenská akadémia vied 1960. S. 271–474.
6. ONDREJOVIČ, Slavomír: *Zo slovensko-nemeckých vedeckokultúrnych vzťahov. (Wilhelm von Humboldt a Ľudovít Štúr.)* // *Studia Academica Slovaca*. 27. Prednášky XXXIV. letného seminára slovenského jazyka a kultúry. Bratislava: Stimul — Centrum informatiky a vzdelávania FF UK 1998. S. 118–123.
7. ŠTÚR, Ľudovít: *Dielo I*. Bratislava: Tatran 1986. 600 s.
8. ŠTÚR, Ľudovít: *Dielo II*. Bratislava: Tatran 1986. 592 s.
9. ШТУР, Людевит: *Славянство и мир будущего: послание славянам с берегов Дуная*. Москва: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете 1867. 191 с.

«ЗАВЕЩАНИЕ» СЛАВЯНСКОМУ МИРУ: ТРАКТАТ ЛЮДОВИТА ШТУРА «СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО»

Как известно, духовная атмосфера в словацком обществе на рубеже XIX–XX вв., т. е. в эпоху Национального возрождения, сформировалась под сильным воздействием идеи единения славянских народов. Эта идея пронизывает творчество практически всех деятелей культуры того времени: Ю. Палковича, Б. Таблица, Я. Коллара, П.И. Шафарика, Л. Штура и др. На вопрос о том, почему именно в словацкой среде родилась и оформилась эта идея, впервые попытались ответить известные русские слависты А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович, которые в своем труде «История славянских литератур» (1881 г.) писали: «Словаки, с древнейших времен потерявшие политическую независимость, оставались однако в уединенном положении, при котором, особенно в горных краях, могло сохраниться много свойств характера и быта нетронутыми чужеплеменным влиянием, так сильно быющим в глаза особенно у Чехов... у них не было, как у других племен, прошлого, исторически памятного, которое они могли бы разумно надеяться восстановить, и весь пыл народного чувства, который у других шел именно на это, у них

обращался на патриотизм идеальный, на отечество всеславянское, на панславизм — в том или другом смысле и объеме...самые характерные панслависты явились именно у Словаков»¹.

Иными словами, по утверждению П.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича, многовековой национальной гнет, тяжелое положение словацкого народа породили в нем стремление к объединению с другими славянами, а особенности менталитета, во многом обусловленные географическим положением словацких земель, придали этому стремлению романтический характер. Полагая, что подобная точка зрения имеет право на существование.

Тем не менее, в самой трактовке идеи «славянской взаимности» (именно так обозначают идею единения славянских народов в Словакии и Чехии) различными представителями словацкой культуры существовали отличия. Что касается Штура, то он не принял предложенную Я. Колларом и П.И. Шафариком структуру славянства. Вместе с тем, именно их идеи оказали на него решающее воздействие. Восприняв их, он многое скорректировал и домыслил. Так, если Коллар и Шафарик

¹⁷ Bakoš Vladimír. Otázničky nad dejinami slovenskej filozofie // *Filozofia*. 58. 2003. № 10. S. 677.

¹ Пыпин А. Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. Т. II. СПб. 1881. С. 1025.

отстаивали единение славян прежде всего в плане культурном, то Л. Штур пошел значительно дальше: он говорил не только об общности культур, но и об объединении политическом, религиозном. Отличными были их позиции и по поводу взаимоотношений с чехами. В частности, Коллар и Шафарик считали, что словаки должны отказаться от своего литературного языка в пользу чешского. Это, по их мнению, соответствовало концепции «чехословацкого племени». В итоге, как это может показаться ни парадоксальным, по утверждению Пыпина и Спасовича, «...труды Шафарика и Коллара содействовали именно сепаратистским стремлениям словацких патриотов...», ибо «...и тому и другому словацкий народ казался только составной частью чешского...»².

Основные позиции концепции славянства обозначились уже в лекциях Штура, которые он читал студентам Братиславского лицея. Доминирующей идеей в этих лекциях стала идея органической связи словаков и славянства. Уже тогда Штур в противовес предложенному Колларом в трактате «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836) положению о сближении славянских народов посредством использования четырех основных языков (русский, польский, чехословацкий, иллирийский) заговорил о новом литературном словацком языке. Тем самым он как бы утвердил необходимость эмансипации словаков как нации. В своем труде «Наречие словацкое, или Потребность

писать на этом наречии» (1846) Штур подчеркивал: «Мы, Словаки, — племя, и как племя мы имеем собственное наречие, отличное от чешского»³. Эти мысли были развиты им в трактате «Славянство и мир будущего», написанном незадолго до кончины, в середине 1850-х годов.

Однако не только языковые проблемы побудили Штура написать трактат. Немалую роль в этом сыграла и политическая ситуация, сложившаяся в Словакии после революции 1848 г. А именно: его обида на австрийскую власть, разочарование, связанное с невозможностью сотрудничества с венграми, которого он добивался. С этой целью Штур даже участвовал в разработке целой серии документов, в том числе «Требований словацкого народа», которые так и не были удовлетворены венгерскими властями. Отойдя от политической жизни после поражения словаков в революционных событиях, Штур, по всей видимости, стремился повлиять на нее в теоретическом плане. Он стал искать выход из создавшегося положения в идее сплочения славянских народов вокруг России.

В самом начале своего трактата «Славянство и мир будущего» Штур пишет о том, что, несмотря на одинаковую судьбу, славянские народы «никогда не действовали сообща». Поэтому настало время, подчеркивает он, «со всей откровенностью», заключить «взаимное соглашение между всеми нами... (славянами — А.М.)». В этом видел он основную цель своего труда.

Далее автор излагает основные причины нынешнего трагического положения славян, страдающих как «от своих злосчастных разделений и раздоров», так и отсутствия «объединяющих и возвышающих идей», под которыми он подразумевает религиозную общность. Итогом этого стало, по мнению Штура, то, что славянский мир ныне представляет собой «по большей части одни руины», славянские народы «забыли о своем общем происхождении и тем самым погрузили в глубокую тьму забвения все узы родства и братского единения»⁴.

Славянскому миру Штур противопоставляет мир западный, анализирует его в историческом и философском планах. При этом в своем неприятии Запада Штур пошел значительно дальше Коллара. У Коллара его антизападные настроения носят скорее эмоциональный характер (например, его мечта видеть Европу падшей на колени перед славянским миром, о чем он пишет в «Дочери Славы», или неприятие байронического романтизма и т. д.). В отличие от него Штур, подробно излагая политическую ситуацию, сложившуюся в странах западной Европы, и отношение их представителей к славянским народам, делает вывод о неизбежной гибели западного мира. Он пишет:

«В политическом отношении Запад бросается из самодержавных Монархий в конституционные, из них снова в политические и, наконец, в социальные и коммунистические Республики, где все оканчивается разложением челове-

чества и уничтожением всякой человечности. Это бросание имеет в себе то роковое значение, что, однажды увлеченный в этом потоке движения, не может уже в нем остановиться. Тут нет остановки и покоя, здесь все хочет вперед, все стремится, все рвется, все видит конечное, желанное счастье — в разрушении!.. Пусть мчится колесница вперед — ее колесо не обратит назад: пусть мчится она с народами Запада, пока могучая рука не удержит ее на краю пропасти!»⁵.

Штур активно не приемлет революции, которые рождаются, как он утверждает, именно на Западе и которые влекут за собой хаос, способствуя распространению коммунистических идей. Порочность этих идей он видит в том, что «каждый Коммунизм призывает грубую, чувственную, себялюбивую толпу к владычеству... Как бы ни старался Коммунизм представить себя защитником прав человеческих, но сам он не знает вовсе человечества, жалким образом унижает его...»⁶. Именно подобные высказывания Штура, по всей вероятности, послужили причинами того, что его труд не был издан ни в СССР, ни в ЧССР.

Тем не менее, объективности ради, необходимо отметить, что отношение Штура к Западу не было однозначным. Наряду с критикой он призывал «многому, очень многому, учиться от Запада, но не с того должны мы начинать, от чего он сам погибнет, но с того, чем он стал велик и могуществен»⁷. А именно, пояснял он, учиться

² Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. II. СПб. 1881. С. 1026.

³ Štúr L. Nárečie slovenské alebo potreba písania v tomto nárečí // Štúr L. Hlas k rodákovi. S. 98. Bratislava. 1971.

⁴ Штур Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людовита Штура. 2-е издание. СПб. 1909. С. 3

⁵ Ibid. S. 108.

⁶ Ibid. S. 55.

⁷ Ibid. S. 158–159.

у Запада построению государственной жизни, искусству создания прекрасного и т. п.

Отвергая Запад, Штур обращает свой взор на Восток, к России, восприятие которой не лишено романтизма. Именно Россия, с его точки зрения, и станет объединяющим началом всех славян. Он пишет:

«Неодолимо влечет к себе Россия Славян... Русские — единственные Славяне, сохранившие свою самостоятельность, и тем спасшие честь славянского имени...»

Россия, конечно, есть величайшая первостепенная Держава, ибо какое иное государство повелевает такими неизмеримыми силами и средствами, какими обладает Россия?..... Иностранцы, впрочем, постоянно утверждают, что Россия не может удержаться при такой величине и должна распасться. Распасться — страшное слово, но возможно ли это? Когда чего желают, то верят в его исполнение. Но, слава Богу, о распадении России не может быть и речи...» И далее: *«Опирается на все Славянство — вот единственно природная и сообразная России политика. Славянские племена, ныне находящиеся вне пределов Русской Государственности, однажды соединившись с Россией в одно целое... Итак, терпенье, Славяне! День наш взойдет и забрезжит на Юго-Востоке...пора, в высшей степени пора, России сознать свое призвание и приняться за Славянскую идею; долгое промедление может, по нашему мнению, иметь дурные последствия»⁸.*

Таким образом, для того, чтобы преодолеть разобщенность и отсталость славяне должны, по мнению Штура, не просто объединиться, но объединиться вокруг России. Иначе говоря, он вкладывал в понятие «единение», «взаимность» совсем иной смысл, чем Коллар, который под объединением понимал прежде всего духовное единение народов, единение в области культуры и литературы, а не политики, ибо он был весьма лоялен в отношении существующего режима и вовсе не думал о разрушении политических границ и ликвидации правительств. В отличие от Коллара Штур выдвинул идею политического объединения славян во главе с Россией.

В качестве основных условий объединения он выдвигал принятие всеми славянами православия, ибо *«Никогда не уживалось славянство с римским католичеством, а Восточная церковь была некогда общая всем нашим племенам и есть их общее достояние»⁹*. Вторым условием было принятие русского языка в качестве общеславянского. Остальные славянские языки, согласно штуровской теории, должны использоваться в качестве наречий. Он подчеркивал:

«....Славяне должны подготавливаться к единству литературного языка, ибо кто не видит, что множество литератур препятствует взаимному пониманию, развитию духа и общей согласованной деятельности?» И далее: *«...при вопросе об общеславянском литературном языке может быть выбор только между ДревнеСлавянским и Русским языком. Но ДревнеСлавянский язык уже вышел из общежития, почти*

мертвый, лишен гибкости и увлекательности живого языка, а мы нуждаемся в живом слове. Итак, остается только Русский язык, как исключительно на то способный, ибо этот язык величайшего, единственно самобытного и на обширном пространстве земли господствующего Славянского племени, которому уже и без того по праву принадлежит главенство в нашей народной семье. Сверх того, из всех языков Славянских, этот самый богатый, сильный и полновзвучный, запечатленный могуществом...»¹⁰.

Таким образом, у Штура был свой ответ на поставленный им вопрос о том, каким образом возможно возрождение славянских народов, их спасение от гибели и ассимиляции.

Трактат должен был стать программным документом Славянского съезда в Москве (1867). Его рукопись, написанная на немецком языке («Das Slawenthum und die Welt der Zukunft»), была передана Штуром одному из его русских друзей. Ознакомившись с ней, русский славист В.И. Ламанский в одном из писем очень высоко оценил сочинение, назвав его *«завещанием славянскому миру»* (выделено А.М.). Он писал, что это *«Исключительно выдающаяся вещь...Здесь много глубоких мыслей о всеобщей славянской истории и роли России, о характере православия»¹¹*. Трактат был переведен на русский язык в 1867 г. и издан Императорским Обществом истории и древностей российских при Московском университете под названием *«Славянство и мир будущего. Послание славянам*

с берегов Дуная Людовита Штура». Относительно перевода В.И. Ламанский констатировал: *«Большая часть перевода сделана мною, остальная же мною лишь исправлена, а переведена некоторыми из моих слушателей, которым я приношу мою чувствительную благодарность»¹²*. В 1909 г. было осуществлено второе издание трактата с предисловием К.Я. Грота и вступительной статьей и комментариями Т. Д. Флоринского. В эту же книгу было включено Предисловие В.И. Ламанского к первому изданию трактата.

К моменту издания рукописи на русском языке имя его создателя было уже хорошо известно в России. Еще при жизни Штур поддерживал активные отношения с русскими славистами, с некоторыми из них он встречался (М. П. Погодин, И. И. Срезневский, Н. А. Ригельман, Ф. В. Чижов), со многими переписывался, обменивался литературой (О. М. Бодянский, И. И. Срезневский, М.Ф. Раевский). О нем писали В. И. Ламанский, И. И. Срезневский, А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович, А. С. Будилович, Т. Д. Флоринский, В. П. Петров и др. В 1861 г. журнал «Русская беседа» опубликовал подробную биографию Штура неизвестного автора.

В свое время трактат Штура пользовался в России большой популярностью. Его цитировали, на него опирались в своих суждениях многие русские ученые. Так, Ламанский в статье *«Из записок о славянских землях»* использует отдельные положения трактата, в частности, касающиеся русско-

⁸ Штур Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людовита Штура. 2-е издание. СПб. 1909. С. 108.

⁹ Ibid. С. 168.

¹⁰ Ibid. С. 171.

¹¹ Ламанский В. И. Из записок о славянских землях // «Отечественные записки». 1864. № 5. С. 265.

¹² Ibid. С. I, II.

го языка в качестве общеславянского. Он отмечал, что «...лучшие люди между словаками и прежде и яснее других славян сознали необходимость одного общего литературного языка для всех славян. Незабвенный Л. Штур, в одном неизданном еще сочинении, так писал об этом, незадолго до своей смерти...». И далее: «Идеи Штура оживляют всех современных славянских деятелей, и нет сомнения, что недалеко то время, когда словаки, не переставая влиять на южных славян, явятся самостоятельными деятелями и в русской литературе и в образованности»¹³.

Спустя почти столетия, о непреходящем значении трактата Штура и его актуальности в начале XX в., когда над славянским миром «сгустились тучи», напишет и Флоринский в своей вступительной статье ко второму изданию. Данный труд, как он отмечал, «...занимает выдающееся место в публицистической литературе о славянстве и славянском вопросе и в отношении основных своих положений вполне сохраняет свое значение и в настоящее время...Основные его мысли, в силу их искренности и внутренней правдивости, и теперь сохранили свое значение, свою жизненность, находят себе подтверждение в многочисленных явлениях современной славянской жизни, и потому заслуживают всякого уважения, внимания и изучения»¹⁴.

И хотя будущая судьба славянства, с точки зрения русского ученого, виделась Штуру как «возвышенный и чистый идеал», тем не менее, он не мог не

согласиться с мнением Штура по поводу использования русского языка как общеславянского, что подтверждается самой жизнью: «...сознание важности для славянских народов пользования во взаимных отношениях, науке и литературе одним общим языком все более крепнет во всех концах славянского мира. При этом решение вопроса об общеславянском языке самую жизнь дает именно то, за которое ратовал Л. Штур. Повсюду в западно-славянских землях теперь усердно изучается русский книжный язык, и вместе с тем ширится знакомство с русской литературой и, таким образом, подготавливается и осуществляется безмолвное признание русского языка общеславянским»¹⁵.

Флоринский усматривал развитие штуровских идей в трудах А. О. Гильфердинга, В. И. Ламанского, А. С. Будиловича и других славяноведов. Поэтому он считал, что переиздание рукописи — «особенно своевременно и уместно».

Дальнейшая судьба рукописи такова: в 1931 г. она была издана в Братиславе на языке оригинала, т. е. на немецком. На словацком языке попытки издать отрывки из нее предпринимались неоднократно, в частности, они были включены в книгу избранных произведений Л. Штура под названием «Голос, обращенный к соотечественникам» (1971). В 1993 г. в Словакии впервые увидел свет полный вариант трактата на словацком языке в переводе А. Бжохы.

Начавшееся еще в XIX в. обсуждение значимости фигуры и трудов Штура для словацкой истории и науки было продолжено в последующие периоды. При этом мнения различных ученых разделились. Как отмечает современный исследователь И. Каменец, «речь шла отнюдь не о научных и академических вопросах, а о весьма прозаических, прагматичных властно-политических интересах...Личность Штура все явственнее становилась инструментом в происходящей идеологической борьбе между центристским, автономистским и левым крылом тогдашней политики. Публицисты и политики, принадлежащие к автономистскому крылу, стремились приписать национально-эмансипированным устремлениям Штура античешский, отчасти античехословацкий характер, считали их сознательным отказом от сотрудничества с Чехами, от чешско-словацкого политического и культурного контекста вообще»¹⁶. В частности, в период существования Чехословацкой республики (1918) сторонники «чехословакизма», в том числе президент Т. Г. Масарик, известный чешский литературный критик А. Пражак, словаки В. Шробар, Л. Новак и др., считали Штура «основателем современного словацкого национализма». Вслед за Колларом, они упрекали не только его, но и всю «штуровскую школу» в превратном понимании проблемы чехословакизма в языковой сфере, что, с их точки зрения, содействовало «чехословацкому расколу». Понятие «национализм» определенная часть словацкого общества порой ис-

пользовала и в ином смысле: как знамя в период фашизации Словакии, борьбы за ее автономию, а само имя Штура воспринималось, по выражению тогдашнего президента Словацкой республики Й. Тисо, как «символ словацкого национализма».

Искажался смысл и значение деятельности Штура, в том числе его трактата «Славянство и мир будущего», и в более поздние периоды словацкой истории. Как пишет словацкий историк И. Каменец: «Отдельные режимы, которые на словах выступали за Штура, всегда обнаруживали в его творчестве какие-то «неподходящие» пассажи (то слишком прословацкие, прославянские, прорусские, то проавстрийские, пронемецкие, прокоммунистические и т. д.), не отвечающие существующей в данный момент политической системе и ее официальной идеологии»¹⁷. На это обращает внимание и словацкий литературовед, писательница М. Баторова, которая в своем выступлении на состоявшейся в мае этого года конференции, посвященной юбилею Штура, сказала, что его «упрекают в языковом разрыве с чехами, в бессмысленном национализме и т. д. Именно в этом плане в начале 90-х годов на основе его трактата «Славянство и мир будущего», написанном в послереволюционном отчаянии, по-немецки, и впервые переведенном на словацкий язык, его пытались «развенчать» представители молодого и не очень молодого поколений словаков. Отчасти эти критики были правы, ибо в своей очарованности тем, что через сто лет Томаш Г. Масарик назвал «воображаемой Россией», Штур

¹³ Ламанский В. И. Из записок о славянских землях // «Отечественные записки». С. 265.

¹⁴ Флоринский Т. Д. Людовит Штур и его сочинение «Славянство и мир будущего» // Людовит Штур. Славянство и мир будущего. С. XXXV–XXXVI.

¹⁵ Ibid. С. XXXIX–XL.

¹⁶ Kamenec I. Bitka o buditeľa // Ľudovít Štúr mŕtvý alebo živý. Bratislava. 2007/01. S. 51–52.

¹⁷ Ibid. S. 48–49.

ошибался... Штур ошибался, когда при отсутствии иной возможности и безысходности восхвалял и призывал нас (словаков — А.М.) к русской общности, идеалы и практика которой не существовали ни в России, ни где-либо еще. Его принципиальным вкладом была просветительская вера в эмансипацию человеческого и общественного духа, в создание нового возрожденного общества».¹⁸

Тем не менее, что бы ни писали о Штуре представители разных политических групп и поколений, его трактат «Славянство и мир будущего», как и трактат Коллара «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими», преодолев грани-

цы национальной культуры, получил широкую известность в славянском мире. «Пророческая» сила этого произведения состоит в том, что его создатель, отказавшись от националистических платформ отдельных славянских народов, призывает взглянуть на Славянство как на единую европейскую силу. Именно поэтому весьма актуально звучат слова современного словацкого философа Т. Пихлера о том, что произведение Штура надо читать, изучать, «продираясь сквозь чащу предложений и мыслей, сформулированных по нынешним меркам с необычайным пафосом и одновременно реализмом... Ибо ничто не может заменить опыт собственного прочтения».¹⁹

КОДИФИКАЦИЯ Л. ШТУРА В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Традиционно развитие языка словацкой письменности рассматривается как конкуренция двух взаимоисключающих тенденций: тенденции сохранения чешского языка в качестве литературного языка словаков и тенденции его словакизации. Первая тенденция связывается главным образом с деятельностью словацких евангеликов, а вторая — католиков. Такое рассмотрение истории языка словацкой письменности в целом соответствует действительности и представляет собой генеральную линию истории. В соответствии с ней кодификация словацкого литературного языка, осуществленная евангеликом Л. Штуром в 40-е гг. XIX в., предстает как неожиданный и нелогичный факт, поскольку Л. Штур одновременно радикально порывает и с традицией использования чешского языка словаками, и с традицией использования идиома, сформировавшегося в результате взаимодействия чешского языка с западнословацким диалектом и использовавшимся во всех сферах письменности католиками, в том числе и в форме бернолаковского литературного языка, и в «низших» жанрах письменности евангеликами, которые эти жанры не считали сферой функционирования литературного языка.

В истории языка словацкой письменности, однако, имеют место факты, которые свидетельствуют о том, что выбор Л. Штуром северных среднесловацких говоров в качестве диалектной базы нового литературного языка был не случаен. Напротив, он естественным образом вытекает из процессов, зародившихся и получивших дальнейшее развитие в языке евангелической письменности.

Первым фактом, который не вписывается в генеральную линию развития языка словацкой письменности и коррелирует с последующей кодификацией Л. Штура, является специфика языка «Катехизиса» М. Лютера 1634 г., изданного в восточнословацком городе Левоча евангелическим священником в Спишском Грове Даниэлем Прибишем (около 1580 г. — 1645 г.).

«Катехизис» состоит из двух частей, принципиально отличающихся в языковом отношении. Первую часть составляет собственно катехизис, причем, как указано на титульном листе, он является переизданием катехизиса 1612 г., переведенного по решению Жилинского синода евангелической церкви тремя суперинтендентами, причем наиболее важная часть работы приписывается одному из крупнейших

¹⁸ Batorová M. Štúr a my // <http://docviewer.zandex.ru>

¹⁹ Pichler T. Poznať seba samých // Ľudovít Štúr mŕtvý alebo živý. S. 85.

поэтов периода барокко Э. Лани¹. Переводчики собственно катехизиса стремились строго следовать нормам чешского языка, хотя единичные слова проникают в него. Вторую часть данного издания составляет введение, а также объемное приложение к катехизису, включающее в себя три «книжечки»: «Rosarium Animae», «О способе моления» и «Духовные песни». Литературоведы (Й. Дюрович², С. Шматлак³, Й. Минарик⁴ и др.) давно обратили внимание на «Духовные песни», включенные в данный катехизис, поскольку этот текст представлял собой первую попытку создания канционала — сборника многоголосых песнопений евангелической церкви, предназначенных для совместного исполнения церковным хором и общиной. Целый ряд песен из данного катехизиса был включен в сборник «Цитра святых» (Cithara sanctorum) Ю. Трановского. «Цитра святых» стала важнейшей книгой духовной жизни словацких евангеликов на долгие годы. С языковой же точки зрения наибольший интерес представляют две другие книги «Розарий души» (Rosarium Animae) и сборник молитв «О способе моления», поскольку они представляют собой однородные в языковом отношении тексты, автором и/или переводчиком которых был непосредственно Д. Прибиш.

Спецификой языка Д. Прибиша является полное отсутствие в нем элементов западнословацкого происхождения, что, как правило, характеризовало словацкие письменные тексты независимо от места их происхождения⁵, наличие нетипичных богемизмов, например практически последовательное употребление форм с перегласованными гласными или чрезвычайно частотное, хотя часто неверное, обозначение звука ř при одновременном обилии среднесловацких элементов, например дифтонгов или смягчения согласных п, t, d в позиции перед е исконным и е < ѣ, характерной для среднесловацкого диалекта. Приведем примеры указанных словакизмов:

a) Skrze skrussenost srdce do srdce Clowěka zasyaty bywa; kdo sebe samého nezna / ten swoge hřjchij nikdy oplakáwati a želeti / mnohem meneg wiznawáti bude *tuocy*; paklij *nie/slyš* Sententiu hřoznú Pána Boha twého na tělo y Dussi; toliko mi před časem powez žeť budu *wedjeť* poradit y pomůc; A ne čekag aby ty Pán Krystus *naliawal* / zako Geruzalemskijm / kdy nad gegich zatwrdlosti plakal; Dněs dněs když biste vsslysselij hlás geho / ně zatwruzgě *Srdcia* wassé; kterými gsy pohlěděl na Swate[h]o Petra w sieni; Očem na *hřjadce* Druheg vsslyssýš; Nebo y Swaty Pawel *niekdy* zarmutil Korintské swé; slysseswse tu Nowinnu že *se nawraci*aknému; a že takowij Boha *widiety* budu; A o swátem Petrowj y ginych wčedlnjcech práwj Krystus Pán / že gijch žadal *diábel osiewati*yako pssenicu na *rječyci*;

b) aby wečné w Smrti *nězostaly*; A *gindě* *Okustě* yak Sladky gest Pán;

A kčemu dal nám Pán Bůh zrcadlo Zákona / a *Děsatero* Božjch přikázanj; *plačtě* na hůre mé Swatě /zarmucenij *budtě* wssyckni Obywatelě zemsstj; žebi se po čtyricat (не читается) *dňech*propadnutí meli pro swe weliké hřjchi; toliko mi před časem powez žeť budu *wedjeť* poradit y pomůc; Dněs dněs když biste vsslysselij hlás geho; Ano geděn *děň* wicegi nežli tisycokrát ga sem v padla / a Pána Boha bližnjho mého hněwala; Ya gsem ten *Něsprawedliwý*Ssefar / který gsem marfál Statek Pána swého / a dlužen gsém gěmu *děset* tijsyce hřiweň (E); Kdež ya giž *nal ezněm* žywůt?; *Rekně*meli že hřjchu *němáme* / samij sobě sklamámě / a prawdý *nebudě* w nás; Wikupenj *gstě* / *Něporussytedlnými* w, Strybrém a nebo zlátem: Ale predrahú krwj Beránka *něposskwrněného* Gežisse Krysta.

Вероятно, в данном случае следует говорить не о специфике языка Д. Прибиша, а о зарождении боковой ветви в развитии языка словацкой письменности, представленной в духовной литературе в среде евангеликов и характеризующейся взаимодействием чешского языка непосредственно со среднесловацким диалектом, причем именно эта ветвь коррелирует с кодификацией Л. Штура. Эту традицию продолжили «неизвестный издатель канционала 1653 г., Даниэль Горчица, Тобиаш Масник и аналогично неизвестный издатель канционала 1696 г.»⁶ (Моско 1909). И только суперинтендент и известный писатель и переводчик Даниэль Крман осуждает эту тенденцию. Данный вопрос, однако, нуждается в изучении.

Другой этап в развитии языка словацкой письменности, непосредственно предшествующий кодификации

Л. Штура, начинается в конце XVIII в. К этому времени в северном среднесловацком регионе на базе местных говоров, прежде всего липтовских, сформировалось фольклорное койне (зафиксировано в чистом виде С. Б. Гробонем в сборнике песен, записанных в селе Сиелница). Фольклорное койне проявляло тенденцию к экспансии в южные регионы Средней Словакии, а также в Западную Словакию. Первоначально оно проникало в народные песни, что зафиксировано в частности в «Национальных песнях» Я. Коллара. К началу XIX в. наблюдается процесс его проникновения в популярную поэзию уже всех областей Словакии, включая Восточную, причем первоначально в стилизации народных песен, а затем и в другие ее жанры. При этом сначала оно принимает форму инфильтрации отдельных языковых элементов и употребляется в популярной поэзии независимо от конфессиональной принадлежности авторов. В 30-е гг. XIX в. среднесловацкое фольклорное койне, модифицируясь в койне поэтическое, внедряется и в высокую поэзию словацких евангеликов, приобретая форму тотального вытеснения из этой сферы письменности предшествующей языковой системы, т. е. чешского языка⁷, причем также первоначально в стилизации народных песен (например стихотворения С. Халупки и С. Б. Гробоня), а в начале 40-х гг. XIX в. — и в другие жанры поэзии. Наличие же орфографических богемизмов в записях этих стихотворений

¹ Žibritová G. Žilinská synoda a Katechizmus z roku 1612. Vydavateľsko- tlačiarenské aspekty // Pramene k duchovným dejinám Slovenska: zborník štúdií a dokumentov k problematike vydávania edície Pramene k duchovným dejinám Slovenska. Ed. Miloš Kovačka. Martin 2011: [http://www.snk.sk/?CF2\[доступ\]13.06.2013](http://www.snk.sk/?CF2[доступ]13.06.2013).

² Durovič J. Duchovná poézia slovenská pred Tranovským (Pribišova sbierka piesní). Liptovský Mikuláš 1939.

³ Šmatlák S. Dejiny slovenskej literatúry I. 9. — 18. storočie. Bratislava 2002. S. 249–251.

⁴ Mindrik J. Dejiny slovenskej literatúry. Zv. 1. Staršia slovenská literatúra (800–1780). Bratislava 1985. S. 166.

⁵ Lifanov K. Hierarchia kultúrnych jazykov v slovenských písomnostiach predkodifikačného obdobia // Slovenská reč 67, 2002, č. 1. S. 19–29.

⁶ Mosko J. Historia posvätnéj piesne slovenskej a historia kancionálu. Liptovský Mikuláš 1909. Zlatý fond denníka SME 2013. Dostupné na webovskej stránke (world wide web): http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1812/Mosko_Historia-posvatnej-piesne-slovenskej-a-historia-kancionalu [доступ 29. 4. 2015].

⁷ Лифанов К.В. Формы проникновения среднесловацкого фольклорного койне в сферу авторской поэзии (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Wiener Slavistisches Jahrbuch, Band 44, 1998. S. 99–113.

свидетельствует лишь о стремлении евангеликов скрыть их истинный, среднесловацкий характер, как бы помещая язык в чешскую оболочку, однако сходство этих стихотворений с произведениями чешских авторов (и словацких евангелистов, продолжающих писать по-чешски) лишь визуальное.

В качестве примера двух типов проникновения фольклорного койне в авторскую поэзию приведем стихотворение неизвестного автора из сборника М.М. Крижана 1835 г. (инфильтрация отдельных элементов койне) и стихотворение Шумьяцкого (вероятно, псевдоним), опубликованное в 1843 г. в «Новом и старом патриотическом календаре» Г. Фейерпатаки-Белопотоцкого (тотальное вытеснение предшествующей языковой системы).

Сборник М.М. Крижана (1839 г., Тренчинский комитат)⁸.

Prechodj sa milá smutně po hagičku
Padagu geg slzy po geg *bgélém* ljčku
Tak *prehorce* plače, zalamuge *ruce*
Nemože potešiť swoge *smutne* srdce
Cjm som sa tešila to som sy stratila
Čo som sy *ve svēte* za Poklad wážila
Stratila som Poklad od srdečka *meho*
Či mi už nebudē v Svetē podobného
čo by sa zobrali za Sveta Pisaři
Nevipysali mi *mého* srdca žali
Neni toho Pera ani ten atrament
Čo by vypýsali *mjch žalow* fundament.
Láska dictuvala a Malár maluwaw
A to šetko preto že som ta myluwaw
Ach Bože pre Bože věd ge to *žál* velky
Ked sa už odbera mily od milenky
Keby sa odobraw na Rok lebo na dwa
Ale sa odbera že neprjdē ňikda.

4. Шумьяцкий, 1843.

1.Šuhagu w cudzině 5. Keby každá hwiezda
Mutný garčok plynie; Sto ručičok mala;
To moge diewčatko Tú mogu ťažkotu
W žialu za mňou hynie. By newypjsala.
2.Pod mogjm obluočkom 6. S bučka na buk lietá
Bystrie wlnky skáču; Sjkorka a zpiewa,
Wěru moge oči Teg twogeg ťažkotē
Za tēbou neplaču. Milá sa wysmiewá.
3. W březině počugem 7. Tašly lastowičky
Smutný hlas ptáčka; S nimi twoga wiera;
Nad zlomenau wierou A šuhag sa wěrný
Milý twog narieká. Do zemi uberá.
4.Wysoko mesiačok 8. Sláwik za samičkou
Na něbe přibitý; W úboči bēduge;
Kragšj ge teragšj Umierag šuhagku,
Milý muog, gako ty. Mňa druhý miluge!

Данный процесс имел принципиальное значение для развития словацкого литературного языка, поскольку он свидетельствует об использовании словацкого языка в его среднесловацком варианте, что ранее было невозможно. Данное явление отражает изменение языковой ситуации в Словакии.

И наконец чрезвычайно важным фактом, свидетельствующим о назревшей необходимости кодификации словацкого литературного языка на среднесловацкой базе, представляет собой публикация двух первых выпусков альманаха «Зора», вышедшего в Буде в 1835–36 гг. под редакцией Михала Годры, поэта и лингвиста евангелического вероисповедания. Важность альманаха «Зора» заключается в том, что в нем впервые в истории одновременно публикуются статьи как на чешском литературном языке, так и на бернолаковщине, что было невозможно ранее, т. к. данные идиомы функциони-

ровали в отношениях дополнительной дистрибуции, что является еще одним доказательством изменения языковой ситуации в среде евангеликов. Более того, М. Годра сознательно редактирует тексты, опубликованные в альманахе, и даже приводит список вносимых изменений с комментариями. Его изменения затрагивают не только орфографию, но и фонетику и грамматику, в связи с чем данное действие М. Годры принимает характер частичной «рекодификации». При этом он пишет следующее: «Я никого не призываю следовать за мной, но я убежден, что многие признают предложенные изменения»⁹. Важно то, что эти изменения имеют общесловацкий или среднесловацкий характер и совпадают с последующими положениями кодификации Л. Штура. К первым относятся, например, упразднение перегласованных флексий в грамматических формах им. ед. *moja duša, naša práca, vaša bohyňa*; вин. ед. *našu prácu, tvoju bohyňu*. Ко вторым — формы твор. пад. ед. числа у всех имен женского рода с окончанием -ou: *našou prácou, útlou radostou*; в твор. падеже ед. ч. существительных м. р. — флексия -om, в том числе и у существительных на -a (*patriarchom*), а в род. ед. ч. у этих существительных формы с флексией -u: (*patriarchu*). Кроме того, он заменяет чешские монофтонги словацкими дифтонгами: *tohonárada, odnarozenja, zaživobitja... vidja, činja, letja; volavší, šjá, šjé*“ (Интересно, что после согласного *c* М. Годра предлагает употреблять формы с дол-

гими монофтонгами, а не дифтонгами, напр. *volající, cá, cé*, что совпадает с кодификацией Штура, который считал этот согласный, а также согласный *dz* не твердыми и не мягкими согласными, а средними (Štúr 1957, 179), после которых дифтонгизация происходит факультативно.

М. Годра вносит изменения не только в чешские, но и в бернолаковские тексты, в результате чего сближает их. Это проявляется особенно наглядно в том случае, если сопоставлять тексты из двух первых выпусков альманаха «Зора» не с кодификацией А. Бернолака, а с реально функционировавшей бернолаковщиной¹⁰. В частности, например, в них фиксируются дифтонги, рефлекс *o* на месте бывшего *ř*, изменение сочетания *ort* при циркумфлексной интонации в *rat* и т. д. Внесение среднесловацких особенностей как в чешские тексты, так и в тексты, написанные на бернолаковщине, существенно их сближает и показывает путь, каким образом в скором времени католики и евангелики объединятся в языковом отношении. Ср. примеры текстов, опубликованных в альманахе «Зора» на бернолаковщине и чешском языке:

Dr. Ottmayer (бернолаковщина).¹¹

Z radostním Sňiwáním tímto celá Noc
prešla, a Ondreg, kteří pred krátkím Časom gešte
w Paláci prebiwal, widel sa prebudení w swogég
chudobnég Chiži — w swogég chaternég
Posteli. Zdichnul ku Ňebesám, a poňewáč
widel že guš Zora nastáwá, zapomenul na
wšecké radostné, a uťešené Sni, — Trúbu

⁹ Godra M. Osvědčení // Zora. Almanach. V Budině 1835. S. 282–284.

¹⁰ Лифанов К.В. Метаморфозы кодификации А. Бернолака // Zeitschrift für Slavische Philologie, Band 69, Heft 2, 2012–2013. S. 247–280.

¹¹ В текстах Оттмайера и Палуцкого курсивом выделены примеры явлений, отсутствующих в бернолаковщине и чешском языке.

⁸ Курсивом выделены словоформы и лексемы, имеющие чешское или западнословацкое происхождение, что при наличии в тексте среднесловацких элементов демонстрирует гибридный характер его языка.

pastírsku do Ruki wezmúc, tak wesele, tak spokojně, gak do Wčilegška, zhromáždiť Stado swoge sa usilował, s kterím tento *Deň* na nagdálších dēdinských *Pasiénkoch* sa usadil. Po Polédni, kdiž Stado swoge *preziéral*, a fagčil, naráz skrz gedného pocestného Pána, ku Koču, na hradskú Cestu zawolán gest, ktorí, poňewáč Kresiwo swé strátil, a podobně fagčiti žadal, od weseleho Ondrega Ohňa wiprositi si *umiénil*. Običagné Otázki *zdegšich* Pastírow sú: odkád, a *kde* Pocestníka Cesta *wede*? podobně i Ondreg Otázku túto Pánowi, kterému Oheň do Fagki wdačne podal, predložil.

A. Palucký (чешский язык).

Zelená hora strmým břehem se vyzdvihuje nad Vislou: její večerní tvůha padá na vlny této polské řeky. Okolní obyvatelé ju Přískounazívají: neb když její chochol v tmavú mhlú se obaluje, jistým jest blízkého deště znakem. U hory této v příjemném okolí malávesnica. Skrovný prameň šeptavě se pomezy roztrúšená bndoviska (!) točí a vesnicu mezy dva šlachťice dělí. Napravě straně staré, pevné stavení oznamuje starý, někdy mohutný svého vládatelů rod. Dvor, zahrada a celé stavisko obehnané múrem, přes který

se tu i tam zelenec s břechťanem převínuje. U prostřed prostranného dvora stojí lipa, věrná rodu od století: žádná ještě haluz jej nechýbí. Ratolesti její listnaté u spodu rozšířené, klenú se zhůru vždy menším a menším okolkem, čím výše, tím méně se od pně oddalujíce, až se u vrchu v příjemně okružlú formu skončujú. Pod ňou malý stolík: okolo něho z bjělé březý lavice.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют о том, что кодификация Л. Штура была подготовлена всем развитием языка словацкой письменности, отражавшим изменение языковой ситуации в Словакии. Заслуга же Л. Штура в развитии словацкого литературного языка состоит в том, что он осознал эти изменения и, обладая исчерпывающими знаниями в области среднесловацкого диалекта и языка фольклора и имея прекрасную лингвистическую подготовку, блестяще реализовал эти изменения в кодификации словацкого литературного языка.

ПЕРЕПИСКА ЛЮДОВИТА ШТУРА С РОССИЙСКИМИ СЛАВИСТАМИ

Людовит Велислав Штур — словацкий филолог, общественный и политический деятель, журналист, философ, лингвист на протяжении всей жизни активно взаимодействовал с русскими славистами, многих из них знал лично, часто с ними переписывался. Все это подтверждает обширная корреспонденция Л. Штура, которая была издана в четырех томах под названием «Письма Людовита Штура»¹. Первые три тома составил и прокомментировал Йозеф Амбруш, четвертый том опубликован с комментариями Карола Матулы. В своем сообщении мы с помощью некоторых примеров из этой корреспонденции попытаемся представить картину общественно-политической жизни Словакии середины XIX века глазами Л. Штура и его русских друзей.

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880), русский филолог, этнограф, был особенно близок Л. Штуру. Обоих их увлекала славянская идея. Сведения об их знакомстве существенно разнятся. По одним данным Штур познакомился со Срезневским в 1839 г. у лужицких сербов, по другим, по всей вероятности, они встретились в Галле в феврале 1840 года. Об этой встре-

че Срезневский вспоминает в своем произведении «Путевые письма Срезневского из славянских земель» (СПБ, 1895)». Заметим, что по словацкой земле он путешествовал в марте-июле 1842 года.

В общей сложности Й. Амбруш опубликовал 8 писем Штура, адресованных Срезневскому. В первом дошедшем до нас письме Штур пишет: «*Ваши письма я прекрасно понял, будьте так добры, и впредь пишите мне по-русски!*» Через некоторое время Штур и Срезневский должны были встретиться в Праге, однако эта встреча не состоялась, так как русский славист выбрал для путешествия иной маршрут. В это время Штур вспоминает о своей встрече с русским славистом П.И. Прейсом, посетившим Словакию. В обширном письме, датированном 1843 годом, Штур напоминает Срезневскому о поездке русского слависта по Словакии и восхождении на Кривань. Он пишет: «*Татры в отличие от немецких Альп не такие мрачные, замшелые, они светлые, гостеприимные; вероятно, Ты с любовью вспоминаешь о них, потому что Тебе они понравились*».

В книге «Народные прогулки по Кривани» (2494м) исследователь Голуек пишет: «16 июня 1842 г. в сопро-

¹ ПЛШ* Listy Ludovíta Štúra.

вождении нескольких словацких патриотов был на Кривани Измаил И. Срезневский, профессор славянской филологии из петербургского университета, который в это самое время работал над своими статьями в *Словакии*. Один из ее участников — Бо-

гуслав Носак-Незабудов, подающий надежды поэт-штуровец, в то время евангелический священник в Липтовском Св. Микулаше, — написал тогда упомянутому славному славянскому ученому стихотворение «Незабудки криваньские».

NEZÁBUDKY KRIVÁŇSKE

Slovutnému mužovi, profesorovi
Izmaelovi Sreznevskému
Od Šajavského

Brat moj, na snežnom Kriváni my stáli,
smutno sme vo hmle šedivěj seděli,
naším sa spevom balvany ozvali,
my květné kraje pod sebou viděli.
A keď sa tichých pohli vetrov vania,
spievali sme im pieseň zmŕtvychvstania.
My tu v nadšení ako bratia stáli.
ó, by sme večne i bratmi zostali.

Brat moj, po skalinách Kriváňa mochnatých
my s jeho vetrami dolu sme letěli,
chodiac kolo plesov po stranách květnatých,
o vlasti Slovanov oba sme mysleli.

(*Úryvok. Almanach Nitra, 1842, s. 182–184*)

*Bohuslav Nosák-Šajavský (1818–1877)

(= Bohuslav Nosák-Nezabudov)

**Текст в первоначальной орфографии

В одном из своих писем Штур с возмущением описывает политические события 1843 года, в частности, игнорирование властями требования словаков относительно разрешения на издание газеты «Словенске новины», которое было предложено королевскому совету 16.8.1843 года. В заключение письма Штур сообщает, что второй номер альманаха «Нитра» также был запрещен цензурой. (Срезневский был

НЕЗАБУДКИ КРИВАНЬСКИЕ

Знаменитому мужу, профессору
Измаилу Срезневскому
от Шаявского

Брат, мы на снежном Криване стояли,
Вяло грустью во мгле серебристой,
Скалы, как идола, мрачно молчали,
Помыслы были прекрасны и чисты.
Ветер подул, и зажглась наша песня,
Родина милая, вспомни, воскресни.
Связаны верой, мечтой и любовью,
Братьями вечно пребудем с тобою.

Брат, мы по склонам отвесным летели,
Дали отвагу и силу ветра нам.
В дальних скитаньях мы оба хотели,
Чтобы свобода сияла Славянам.

(*Отрывок. Альманах Нитра, 1842, s. 182–184*)

*Богуслав Носак Щаявски (1818–1877)

(= Богуслав Носак Незабудов)

**Перевод: Д. Ващенко (7. апр. 2012)

в числе подписчиков этого номера.) Кроме того, Штур делится со Срезневским своим горем по поводу кончины своего старшего брата Карола в 1851 году. Он пишет: «Ты, побывавший когда-то на берегах Дуная, мило провел праздники Воскресения у брата моего и обнял его как брата и друга» (1851).

После смерти брата Карола семь детей остались в местечке Модра сиротами, и Штур взял на себя заботу

об их воспитании. В то время он был очень разочарован невыполнением политических обещаний, касающихся равноправия народов в Австрийской империи. В следующем письме от 1844 года Штур описывает уход словацких учащихся из братиславского лицея в Левочу, вызванный запретом ему на преподавательскую деятельность. Он пишет: «Молодежь наша, которая, преодолевая льды и снега, добиралась до Левочи, была принята там с уважением и восхищением...» Именно во время этого путешествия студентов впервые прозвучала песня Янко Матушки «Над Татрами сверкает...», которая и сегодня является гимном словаков. В коротком письме Срезневскому (1853 год) Штур упоминает о своем труде «О народных песнях и повестях племен славянских», которые он послал через М.Ф. Раевского на адрес Срезневского. И, наконец, в последнем письме (1855 год) он благодарит за книги, которые русские слависты ему посылали. В заключение этого письма Штур пишет о прощании с поэтом Яном Голлы, с которым Срезневским был также лично знаком. Он пишет:

«Драгоценный друг мой! Хоть ты и не ответил посланием на мои письма, отправленные тебе несколько лет назад, но ты не забыл обо мне, приятнейшим свидетельством чего являются «Известия» Вашей императорской Академии наук, которые я получаю уже длительное время и за которые, я знаю, должен благодарить дружеское расположение и доброту твою. Чрезвычайно дорог мне этот дар, благодаря которому я могу изыскивать многочисленные

материалы для моих работ и одновременно быть постоянно информированным о деятельности Вашей» (ПЛШ IV, 6. 6. 1855, с. 309).

В изученном нами материале есть одно, довольно большое письмо Срезневского, адресованное Штуру (1842 г.). Русский славист написал его на пароме по пути в Эстергом после трогательного прощания в Братиславе. Письмо было не окончено и по всей вероятности не отослано. Оно хранится в литературном архиве в Москве. До Эстергома Срезневского провожал единомышленник и друг М. Годжа, потом вместе они продолжали свой путь в Пешт к Яну Коллару с целью обсудить некоторые вопросы по поводу труда Л. Штура, касающегося национальных требований словаков, адресованных королю Фердинанду V². Русский славист вспоминает посещение Банской Штявницы (18. 05. 1842 год), размышляет по поводу неясной этимологии названия вершины Ситно (от словацкого «сито», или Ад, или же «пропасть» от старонемецкого «Saut»), на которую он взобрался 16 мая. 17 мая он посетил шахту, город Кремницы с монетным двором, град Шашов и Банску Быстрицу.

В своих отзывах, которые были опубликованы в научных изданиях, Срезневский высоко оценивал труды словацких ученых, выступал в поддержку языковой реформы Л. Штура. Что касается позиции Срезневского по проблемам словацкого языка, то он, еще будучи молодым, во время своего пребывания в Словакии однозначно симпатизировал словакам. Но, к сожа-

² Slovenský prestolný prosbopis 1842. (publikovaný v diele: ORMIS, J. V.: O reči a národe. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1973, s. 549–555. <http://www.stur.sk/spisy/spisy.htm>

лению, «на склоне жизни, в силу разных обстоятельств, Срезневский отказался от прежних воззрений и стал рассматривать словацкий язык как наречие чешского языка» (Досталь, 2007, с. 17) в духе сторонников словакизированной формы чешского языка во главе с Яном Колларом (по: Кубишова, 2012, с. 65). Интересно, что в письме к Срезневскому от 1842 года Штур, живя на берегах Дуная, по примеру своих русских друзей подписался с отчеством: Людовит Самуэлович Штур.

Бодянский, Осип Максимович (1808–1877), русский славист украинского происхождения, археограф, в 1837 защитил магистерский труд на тему «О народной поэзии славянских племен», в том же году он был командирован на пять лет в славянские земли для прохождения стажировки и получения звания профессора, работал он и в Праге под руководством П. Й. Шафарика.³

Л. Штур познакомился с Бодянским во время своего пребывания в Праге (22.9–17.10.1838) и с тех пор поддерживал с ним тесные и плодотворные научные связи. Бодянский однозначно одобрял штуровскую реформу и издание штуровского трактата «Славянство и мир будущего» (1867) в престижном научном издательстве «Чтения Московского общества истории и древностей российских», где он был редактором. Оригиналы писем (7, 8, 21, 29, 40) хранятся в особом фонде Бодянского в отделе рукописей Т. Г. Шевченко в Киеве. Все письма Бодянскому опубликованы в ПЛШ IV (см. сноску: Matula, с. 267).

³ Кондрашов Н. А.: О. М. Бодянский. М., 1956

В первом письме от 1843 года Штур выражает свое разочарование по поводу того, что Осип Максимович во время своего путешествия не смог посетить Словакию. Он пишет: «...наша надежда порадоваться вместе с вами в Татрах наших, многоуважаемый Славянин, осталась не осуществленной...» Далее следует анализ национальных проблем и сообщается о том, что уже вышли в свет долгожданные путешествия Коллара, а также второй номер альманаха «Нитра» на новом, кодифицированном Штуром словацком языке. В следующем письме от 18 апреля 1844 года Штур сообщает о литературном размежевании в Словакии «Евангелической и католической партий», что является для нас, особенно в нынешние бурные времена, большим несчастьем». Он описывает погром в братиславском лицее, уход из него в знак протеста революционно настроенной молодежи в Левочу 5–6 марта 1844 года.

Позже, спустя 2 года, после поражения революции 1848 года, Штур выразил глубокое разочарование словаков следующим образом: «...подобно союзническим войскам австрийским мы держали наготове мечи почти год и сражались в количестве 20 000 человек... за это австрийское правительство обещало нам равноправие с другими народами, но не сдержало своего обещания. — Немцы!» (15. 12. 1850, s. 38–40). И, наконец, последнее письмо, написанное латиницей на русском языке, воссоздает печальную картину литературной ситуации в Словакии того времени: «Поздно пишу я, но я не виноват. Если бы было, о чем писать, я не про-

пустил бы ничего, но, к сожалению, ничего нет. Наша литературная жизнь опустела, наши старики умерли, молодые наши все в делах, и от них едва ли можно чего-нибудь ожидать, осталось лишь нас несколько, мы трудимся все на национальной ниве и готовим что-то, но нами всеми какая-то странная тревога и печаль овладела». (ПЛШ IV, 13. 6. 1855, s. 55). В заключение этого письма Штур называет около десятка русских исторических и литературных публикаций, которые нужны ему для его научной работы, и просит прислать их.

Раевский Михаил Федорович (1811–1884) — религиозный деятель, писатель, был священником, с 1842 г. настоятелем русской посольской церкви при русской церкви в Вене, где и прожил 42 года — до своей смерти. Взгляд его на положение славянства в Австрии, и в частности, русских в Галиции, выражен им в статье «О национальном и религиозном движении русского народа в Галичине» («Христианское чтение», 1862).⁴

Штур познакомился в Раевском скорее всего в Вене в конце 1844 года, когда посетил министерство с целью получения разрешения на издание своей газеты и создание общества «Татрин». (С 1845 по 1848 год издавалась «Словацкая народная газета» (*Slovenské národné Noviny*) с литературным приложением «Татранский Орёл» (*Orol Tatranski*). Он поддерживал активную переписку с Раевским до конца жизни. Их переписка содержит 14 писем (в настоящее время все находятся в ЛЛШ IV). Изначально они сохранились в архиве Раевского, затем оказались у рус-

⁴ Биографический словарь. 2000.

ского коллекционера Щукина, а в 1905 году были переданы им Русскому историческому музею в Москве. Письма написаны в значительной степени словакизированным русским языком на латинице (некоторые письма были написаны частично по-сербски). И только письмо 14 написано кириллицей.

В первом из них (09.12.1844) Штур выражает большое восхищение русским славянофилом: «Не могу вам передать, — пишет он, — какое впечатление Вы, Ваша великая любовь к делам нашим произвели на меня». Нередко письма носят информативный характер, например, в одном из них (13.02.1853, с. 43) он пишет о публикации Матицей чешской своего труда, написанного на чешском языке под названием «О народных песнях и повестях племен славянских». Большая часть писем содержит прагматичные заметки, адресованные Раевскому, который обеспечивал воспитание сербского юноши под руководством Штура в Модре; Константин (Костя) Костич был в то время юнкером в Санкт-Петербурге и намеревался продолжить образование в славянском духе.

Штур регулярно информировал Раевского о пребывании студента в Модре, а также о необходимых расходах. Во многих письмах он сообщает о контактах с другими славянскими деятелями, об их посещениях и произведениях, которыми они обменивались. Он просит Раевского (30.6.1854), чтобы тот послал ему историю рода Романовых, произведения Котляревского о Малороссии. И Раевский в скором времени их ему послал. Уже через пару месяцев (5.10.1854) Штур с благодарностью от-

вечает ему: «За книги благодарю Вас самым сердечным образом...» Нередко обмен осуществлялся с помощью словацкого патриота писателя Карола Кузmani, который позже стал председателем Матицы словацкой. Иногда Штур ожидал почту месяцами, например, он пишет Раевскому: «Поздно я получил Ваше письмо, отосланное 21 января. Только вчера, вместе с письмом получил и деньги, и «Известия» (16.04.1855, с. 54–55). Это письмо было отправлено через родственника Диониза Штура: «Мой родной, Диониз Штур, член геологического общества в Вене, образованный и почтенный молодой человек, принесет Вам это письмо. И я очень рад буду поговорить с Вами, но это для меня трудно. И я боюсь, как и Вы, возможно беспричинно, но боюсь»⁵. Одно из последних писем Штура является доказательством того, что Раевский обеспечивал передачу писем другим русским славистам: «Я переслал Вам несколько писем, одно из них — для Ивана Ивановича, другое — для Бодянского и для Костица, вы их получили? Известите меня об этом через моего знакомого, который мне часто пишет» (30.06.1855). И, наконец, последнее письмо (14.10.1855, с. 58) написанное уже кириллицей: в соответствии с личной договоренностью в мае 1855 г. в Братиславе Раевский принял по рекомендации Штура братьев Мудронёвых в университете в Вене. В заключение звучит послереволюционная безнадежность: «Мы несчастны и нет нам утешения».

Единственное письмо Раевского имеет информативный характер, кро-

ме сообщения о посылке газет в нем речь идет о приеме сербского студента Костица: «С вашими условиями мы согласны и с благодарностью просим принять Костица на воспитание». Оно содержит также предложение о встрече в Вене или в Братиславе (ПЛШ IV, с. 139).

Алексей Степанович Хомяков (1804 –1860) русский поэт, философ, основоположник раннего славянофильства был для Штура вдохновляющим примером. В архивах (СНБ) Slovenskej národnej knižnice в Мартине хранится редкая копия стихотворения Хомякова «Не гордись перед Белградом». Стихотворение было написано в Праге 20 июня 1847 года, за год до Славянского съезда в Праге, который состоялся 12 июня 1848 года). Оно сохранилось в архивах чешского поэта и филолога Вацлава Ганки, через него Штур и получил его. Восхищенный всеславянской идеей, прозвучавшей в этом стихотворении, Штур собственноручно переписал его латиницей.

Не гордись перед Белградом,
Прага, чешских стран глава!
Не гордись пред Вышеградом,
Златоверхая Москва!

Вспомним: мы родные братья,
Дети матери одной,
Братьям братские объятья,
К груди грудь, рука с рукой!

Не гордись силой длани
Тот, кто в битве устоял;
Не скорби, кто в долгой брани
Под грозой судьбины пал.

В общей сложности издание «Письма Людовита Штура» содержит 5 писем Бодянскому, 8 писем Срезневскому и 14 писем Раевскому. Из ответов Л. Штуру опубликованы всего два письма, одно — от Срезневского, другое — от Раевского. Письма Штура являются убедительным доказательством плодотворного сотру-

ничества словацких и русских славянофилов. Штур с болью и одновременно с национальной гордостью пишет в них о сложной ситуации в Словакии: «Жили мы здесь в период ужасных бурь, в которых и Словак, спустя тысячелетия, восстал на борьбу за жизнь свою...» (ПЛШ IV, Бодянскому, 15.12.1850).

⁵ (ПЛШ IV, Matula, с. 194). — Эти опасения Штура касались поражения России в Крымской войне и его последствий.

Л. ШИРОКОВА

ОБРАЗ ЛЮДОВИТА ШТУРА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Из чего складывается «образ», наше представление о Людовите Велиславе Штуре? Источников несколько: это, прежде всего, его канонический визуальный образ — портрет кисти Йозефа Божетеха Клеменса, написанный в 1872 г., наши общие знания о деятельности Штура как организатора национального движения, политика и журналиста, кодификатора литературного языка. Углубляет и, возможно, корректирует эти представления изучение его собственных произведений, выступлений, статей, опубликованных и снабженных научными комментариями писем. Важен и взгляд со стороны его ближайших соратников, воспоминания современников — прежде всего, Йозефа Милослава Гурбана. Вместе с тем, выдающаяся и неординарная личность Штура привлекает и писателей более позднего времени, становясь художественным образом, литературным героем. В создании такого образа, наряду с упомянутыми стереотипами, авторы часто используют и документальные источники, встраивая их в ткань художественного произведения.

Приведем в качестве примера три воплощения образа Штура в произведениях писателей разного времени, разных идейных позиций и художественного стиля: это близкий к романтическому типу героя по своей

исключительности, самоотверженности, драматизму, почти идеальности Штур у Гурбана («Людовит Штур», 1881–1884), беллетристический образ, созданный в русле психологического реализма автором исторических романов Людо Зубеком («Весна Адели Остролицкой», 1957) и, наконец, постмодернистское изображение фигуры национального гения, представленной к тому же в феминистском ключе в пьесе Яны Юраневой «Блюдца серебряные, посуды отменные» (1997).

Образ Штура представляется в литературе, как правило, многопланово: обрисовывается его незаурядный внешний облик, выделяются — в зависимости от замысла и трактовки автора — особые стороны его личности, воссоздается через высказывания и поступки его характер (в шкале от идеального у Гурбана до почти пародийного у Юраневой), его принципы, отношение к окружающим: к ученикам, соратникам, к идейным врагам. Особое место занимает тема его отношения к женщинам (его «искушения» любовью сначала к Марии Поспишиловой, а позднее к Аделе Остролицкой), к браку (порицание друзей за «предательство» интересов общего дела ради личного счастья).

Внешность Штура описывается, как правило, в соответствии с извест-

ным живописным портретом и свидетельствами современников. Автор канонического словесного портрета, Й.М. Гурбан, подробно и эмоционально пишет о красоте и почти гипнотической притягательности Штура: «Красивый, прямой как струна, стройный, высокий юноша словацкий с черными, словно сыплющими согревающий огонь очами, с густыми темно-каштановыми волосами; весь его облик был для каждого настолько гармоничным, ладным и привлекательным, неодолимо электризирующим, что ему невозможно было противиться. [...] Лицо имел овальное, но не худое, а от здорового воздуха цветущее, грехами не изрытое и не помятое. [...] Обаяние его было так велико, что даже враги самые заклятые и отчаянные не могли ему противостать»¹. Лучшим изображением Штура, передающим не только его внешность, но и характер, Гурбан считал литографию 1861 г., основой для которой послужил его единственный сохранившийся дагерротипный портрет, сделанный около 1849 г.

Воспоминания Гурбана, первоначально публиковавшиеся в журнале «Словенские погляды» в 1881–1886 гг., состоят из четырех книг, где автор прослеживает, как это принято в классической биографии, жизнь своего героя с рождения и детских лет до его зрелости; подробно описаны события и факты, связанные с активной и многогранной деятельностью Штура вплоть до начала революции 1848–1849 гг.; последний этап жизни Л. Штура, его безвременная кончина в 1856 г. остались уже вне рассмотрения.

Гурбан представил в своей книге, разумеется, более или менее субъек-

тивный взгляд на Штура, своего близкого друга с юных лет и многолетнего соратника по борьбе за словацкую идею. Он подробно, с документальными ссылками, описывает облик, характер, поступки Штура, его роль в жизни сначала кружка молодых словацких интеллектуалов, а затем и всего общества, воспроизводит эпизоды и моменты его личной жизни. В целом Гурбан создает образ идеального героя, близкого к романтическому, «вечного юноши», горячего словацкого патриота, фактического создателя нации в ее основах — от литературного языка до развернутой политической программы. Гурбан не раз подчеркивает самоотречение Штура во всем, что касалось его лично, его очень скромный достаток, сознательную сдержанность в отношениях с женщинами, отказ от брака, мешающего борьбе на благо народа. В своей книге Гурбан широко использует цитаты — письма Штура, его статьи, тексты его выступлений как депутата от города Зволена в венгерском сейме, его стихи.

Подробно и живо описан эпизод исторической вылазки Штура и его молодых соратников, «узкого круга друзей народа» в предместье Братиславы, к историческим руинам крепости Девин, где они читали стихи, пели народные песни, произносили пламенные патриотические речи и приносили клятву служения народу. Гурбан дословно воспроизводит обращение Штура к собравшимся с призывом «избрать себе девиз всей жизни и прибавить второе, славянское имя к своему, данному при крещении [...] Людовит первым заявил, что хочет

¹ Hurban J.M. Ľudovít Štúr. Rozpomienky. Bratislava, 1959. S. 51.

носить еще одно имя, народное — Велислав»².

Пафос этих сцен несколько смягчил сам Гурбан, описав обильное застолье, которое устроила затем словацкая молодежь в местном трактире, не вполне рассчитав свои финансовые возможности. «При виде поданной нам индейки, — пишет он, — начались тосты, весело разговаривали даже Людовит и другие старшие. Однако после тайных переговоров выяснилось, что у нас нет при себе достаточно наличных, чтобы смело в глаза хозяину глядеть; и заключили тогда наши предводители послать двоих [...] в Братиславу за деньгами»³, чтобы не уронить честное имя патриотов перед злоречивыми недоброжелателями. «А насмешки не мог Штур вынести»⁴, — замечает мемуарист.

Встречаются в книге и беллетризованные главы, где Штур действует как литературный персонаж, ведет диалог с собеседником, а автор-повествователь излагает и комментирует его мысли, действия и реакции. Так, Гурбан образно и в лицах описывает эпизод, когда Штур в мае 1848 г., спасаясь от преследования венгерских властей, некоторое время скрывается в горах у лесничего Галбавого. Передавая мысли своего героя, автор использует даже прием внутреннего монолога: «“Туда ты пойдешь, туда сквозь ночь прорвешься, там и отдохнешь, олень, охотниками гонимый ... Дальнейший путь укажет Господь, если будет воля его”, — с такими раздумьями миновал Людовит виноградники и к ночи до-

брался до самых гор. “Но что же я делаю? Надо ли было так спешно мчаться сквозь тьму? Что плохого мы совершили?..” Так говорил сам себе Людовит»⁵. Далее следует сцена встречи в горах, диалог с лесничим и проч. В конце этого эпизода Гурбан как верный биограф указывает на некоторый документальный источник: «Галбавый свои краткие заметки передал мне...», добавив, правда, не вполне «оправдывающее» его проникновение в сознание героя замечание: «Читатели наши знают ход мыслей Штура»⁶.

Представляя Штура как человека высоких устремлений, готового к самопожертвованию, Гурбан упоминает и эпизоды его личной жизни, прежде всего — юношескую любовь к Марии Поспишиловой, сестре его товарища, идеальной «славянской девы», вершиной достоинств которой, как подчеркивал Гурбан, было «горячее чувство национальное». Но Штур, убежденный борец за словацкую идею, по образному выражению биографа, «огонь первой любви на ключ закрыл и на семь замков от самого себя в глубинах собственного сердца запер»⁷.

Но все же основное внимание Гурбан уделяет политической деятельности Штура, которой было подчинено многое в его жизни — и педагогическая работа со словацкой молодежью, и редакционно-издательские дела в созданной им газете «Словенские народные новости», и даже работа по кодификации словацкого литературного языка. «Не грамматика нам нужна, а жизнь!» — цитирует Гурбан его слова⁸.

Повествуя о непродолжительном, но насыщенном событиями периоде работы Штура в качестве депутата венгерского сейма, биограф не только подробно излагает его выступления, проникнутые национально-освободительным духом, но и говорит о живом эмоциональном поведении оратора: «Штур прыгнул как отважный витязь в гущу неприятеля и, уже не оглядываясь ни вперед, ни назад на врагов свободы, всю власть в свои руки забравших, заговорил с воодушевлением: “Мы хотим свободы! Это наша цель и святое упование наше!”»⁹. Своим красноречием и ораторским талантом он покоряет слушателей и во время Пражского славянского съезда накануне восстания, когда молодежь буквально носила его на руках. «Штур был оратором широкого масштаба, — отмечает Гурбан, — все в нем выражало солидность, логику, неизменную последовательность суждений. Но когда он воспламенялся огнем, им же самим в собравшихся разожженном, чувства уносили его на самый предел ораторского экстаза. Глаза его сыпали искры, и мысли били ключом»¹⁰.

Как зрелый политик и настоящий лидер проявил себя Штур и во время революционных событий, заменив собой многих соратников. «Штур был в эти дни душой всего восстания. ... Он был повсюду, раскрылся его талант организатора и вдохновителя бесконечно пламенного, вливающего силы в ряды бойцов», — пишет Гурбан в конце книги, завершая свою многолетнюю работу по созданию, бесспорно, самого подробного и во многом непревзой-

денного биографического труда, посвященного Людовиту Штуру.

Совсем иной характер имеют беллетристические произведения, в которых одним из центральных персонажей выступает Штур.

Сюжет романа Л. Зубека «Весна Аделы Остролицкой» и действие пьесы Я. Юраневой «Блюда серебряные, посуды отменные», несмотря на их полную противоположность в трактовке темы и образа, представляют собой художественную реконструкцию предполагаемых событий, которая основана на отрывочных сведениях, но прежде всего — на одном из писем Штура, адресованном Й.М. Гурбану. В нем он сообщает другу о безвременной кончине своей духовной соратницы, молодой аристократки Аделы Остролицкой. «Это было особое существо, — пишет Штур, — более дух, нежели тело, образованности и благородства преисполненное необычайных, и любви к нам, как это видно из ее записок, самой горячей. Такое существо редко рождается и еще реже воспитывается в предназначении скорее Богу, чем миру. [...] Да, сколь незначительна наша земная частица, чтобы пытаться построить на ней хоть самую малость. [...] Мы посвятили себя духовному служению, а потому должны пройти наш путь столь тернистый»¹¹. На смерть Аделы Остролицкой Штур написал стихотворение «А.О.» («Увял ты слишком рано, прекрасный Грона цвет...») (1853), где мы видим те же слова и сравнения, что и в письме Гурбану («существо благородное», «в сердце любовь горела к тем краям», «казалось, это только дух» и проч.)¹².

² Hurban J.M. Ľudovít Štúr. Rozpomienky. Bratislava, 1959. S. 93.

³ Ibid. S. 98.

⁴ Ibid. S. 100.

⁵ Ibid. S. 591.

⁶ Ibid. S. 595.

⁷ Ibid. S. 192.

⁸ Ibid. S. 391.

⁹ Ibid. S. 527.

¹⁰ Ibid. S. 618.

¹¹ www.stur.sk.

¹² http://zlatyfond.sme.sk/dielo/37/Stur_Basne/2

В романе Л. Зубека этот сюжет стал историей любви и самопожертвования двух незаурядных людей, а в пьесе Я. Юр-
невой — это показанная с позиций феми-
низма история погибшей от эмоциональ-
ной «чахотки» в отсутствии любви Адели.

Книга Л. Зубека (1957) — типичный исторический роман-биография, с сильным центральным персонажем, любовной интригой и реалиями описываемого времени. Фабула романа не усложнена авторскими отступлениями, она развивается линейно, в хронологической последовательности, начиная со знакомства рассказчицы, дочери сельского учителя Эвы Йонашовой с молодой аристократкой Аделой Остролицкой и заканчивая смертью Аделы, а потом и Штура. Женский взгляд на историческое лицо (и на исторические обстоятельства), избранный писателем, определяет и тематический крут, и шкалу оценок и характеристик этого лица. Так, в описании внешности Штура — через восприятие рассказчицы — большое место уделяется его элегантности и изысканности в одежде. Говоря о первом впечатлении при встрече с ним Эва подробно перечисляет детали: «На нем был хорошо сшитый голубой фрак и узкие прилегающие серые брюки. В руке он держал высокую шляпу, так называемый цилиндр, того же оттенка, что и брюки. Вокруг шеи был повязан шелковый платок голубинового цвета, скрепленный под подбородком красивой заколкой»¹³.

Завязкой основного действия становится встреча двух подруг с редактором Людовитом, знаменитым братом местного капеллана Самуэля Штура.

Для Эвы Штур еще до личного знакомства с ним был одним из великих словачков, наряду с Яном Голлым и Яном Колларом, «воплощением совершенства, без малейшего изъяна или признака слабости. [...] Это было восхищение, восторг, которым горели тогда все молодые сердца словацкие»¹⁴. Адела, для которой еще чуждо национальное словацкое самосознание, попадает под обаяние Штура — красавца с хорошими манерами, интересного собеседника, хотя и видит явное неравенство между собой и простым неродовитым словаком. Она решает покорить его, «мстя» попутно за Марию Поспишиллову, любовь к которой Штур принес в жертву отечеству. Несколько раз, становясь неким лейтмотивом, цитируется в романе стихотворение Штура «Прощание», адресованное Марии:

Забудь, дорогая, о юноше дальнем,
Над кем грозовые тучи спустились,
Забудь, дорогая, о друге печальном,
Что восточку шлет с тем,
 чтоб мы простились
О всех уладах он в мире забудет,
Но верен родине вечно пребудет! ¹⁵
(пер. Н. Шведовой)

Ее «мечь» со временем переходит в истинное сильное и взаимное чувство, однако и эта любовь терпит крах, поскольку Штур не может изменить своим убеждениям и безраздельно посвящает себя борьбе. «Я навсегда останусь верен народу, к которому принадлежу, и всю жизнь буду сражаться за его интересы»¹⁶, — заявляет он Аделе в ходе одной из их дискуссий.

Зубек, придерживаясь, в основном, исторической канвы и достоверности в передаче облика и характера Штура, делает, разумеется, ряд художественных допущений при построении любовной линии, поскольку практически никаких свидетельств об этих отношениях не сохранилось, кроме упомянутого письма Гурбану. Да и здесь Штур, сообщив другу о печальном событии, тут же переходит на другую тему — сбора средств на Братиславский лицей: «Мертвое тело перевезут в Острую Луку в семейный склеп. Отрадно, что она будет лежать среди близких. А в Прешпорке вокруг лица дела иначе пошли. Им дали разрешение собирать средства на лицей по всей стране...»¹⁷.

Л. Зубек старается придать большую жизненность хрестоматийному образу национального подвижника, включая в роман эпизоды дружеского общения Штура с местными крестьянами, его рассказы о впечатлениях детских лет, о студенческих забавах во время учебы в лицее и проч. Однако даже в бытовых сценах Штур у него излишне пафосен и велеречив, за его монологами часто просматриваются тексты его статей и писем. При всех художественных ограничениях, обусловленных и жанром, и временем написания, роман Зубека все же пользовался большим успехом у читателя и был многократно переиздан.

Яна Юрарева в пьесе «Блюда серебряные, посуды отменные» (1997) поднимает главную в ее творчестве тему — достойного места женщины, самоценной, эмоционально богатой личности в жестком, часто неблаго-

дарном мире мужчин. Здесь она пре-
ломляется через отношения обыч-
ных, чувствующих словацких женщин
с «великими» — с их прославленными
мужьями и возлюбленными. Женские
фигуры в пьесе представлены в виде
живых действующих лиц: это Адел-
ка Остролицкая, Аничка Гурбанова
(жена Й.М. Гурбана), Марина Пишло-
ва-Гержова (прототип главной героини
поэмы А. Сладковича «Марина»), Ан-
тония Браксаторисова (жена А. Слад-
ковича). Женщины пытаются погово-
рить о своих эмоциональных привя-
занностях, о том, что они любили —
о детях, цветах, о близких мужчинах,
пожаловаться друг другу на непонима-
ние, на трудности быта. Живая беседа
позволяет им на время забыть, что они
давно мертвы, что они — всего лишь
тени себя прежних. Мужчины же, клас-
сики словацкой культуры, представле-
ны в виде условных образов — кукол,
бюстов, фотографий: это Л. Штур,
Й.М. Гурбан и А. Сладкович. Они вре-
мя от времени, словно реагируя на сло-
ва женщин, произносят искусственные
реплики, цитируя собственные произ-
ведения. Исключение из этого мужско-
го коллектива представляет единствен-
ный из «великих» — живой и галант-
ный Ян Калинчак, который утешает
дам и порой кружит их в вальсе.

Основной лейтмотив в репликах Аделки Остролицкой — обида на Штура за свою напрасно погубленную молодость и любовь, а кроме того и ревность к мужской «дружине», его друзьям и последователям: «Знаете, что обо мне написал Штур после моей смерти? Что я была существо. Не женщина, не человек, не создание, не

¹³ Zúbek E. Jar Adely Ostrolúckej. Bratislava, 1973. S. 61.

¹⁴ Ibid. S. 55.

¹⁵ Голоса столетий. Антология словацкой поэзии. М.: Издательство Московского университета, 2002. С. 89.

¹⁶ Zúbek L. S. 85.

¹⁷ www.stur.sk.

личность — существо! Мол, “это было особое существо, более дух, нежели тело, образованности и благородства преисполненное необычайных, и любви к нам, как это видно из ее записок, самой горячей. Такое существо редко рождается...”. И это слова мужчины, которого я любила. [...] Каким совершенным существом я была, особенно уже после того, как умерла. Это он Гурбану написал!»¹⁸. На что сразу же следует реакция портрета Штура, который произносит гневную тираду из статьи 1846 г. «Отгоняя оводов»: «Коли пришла вам охота осуждать меня, так судите по тому, что я в публичной сфере делаю, а частную жизнь мою оставьте в покое, до нее никому нет дела! Однако же вы до одной лишь потаенной приватности добываетесь и оттуда клеветы на мою особу насылаете!»¹⁹.

В обиде на Штура и Аничка Гурбанова, за женитьбу на которой тот резко осудил ближайшего друга: «Когда мой Йозеф Милослав на мне женился, Людовит такое написал в газете, что я думала — помру. Публично его осрамил, перед всем народом. Приятелям написал, что у Милослава, то есть — у моего мужа, на похоронах был! А раньше, когда приехал дня за три перед свадьбой, пытался еще отговорить его, чтобы не женился на мне, а народу верен остался. Ну, что вы на это скажете?!».

В финале пьесы звучат пессимистические реплики Аделки в ответ на слова Анички Гурбановой о вечности жизни, о любви и сокровищах духа:

Аничка: Это не может иметь конца. Жизнь продолжается, в детях, жизнь идет дальше.

Аделка: Жизнь закончилась, а моя тоска не имеет конца.

Аничка: Ну, зачем вы все портите, Аделка? Мы так много сказали друг другу...

Аделка: А это уже за концом.

Пьеса, написанная в характерной для Юраневой иронической манере, не раз с успехом ставилась на сцене, в том числе и в юбилейном 2015 г., когда в Словакии широко праздновалось 200-летие Л. Штура. Своеобразный, в своей основе феминистский, а отчасти — и постмодернистский взгляд на личность и наследие Штура, свидетельствует о неизменном интересе к этой одной из крупнейших фигур словацкой истории и культуры.

Иллюстрации, как, собственно, и три рассмотренные литературные произведения, представляют собой своего рода палимпсесты. Мы имеем дело с наложением на исходный материал, будь то реальная биография Штура или его оригинальный дагерротипный портрет, привнесенных извне, идеологических, субъективных и др. черт или толкований.

ШТУРОВСКАЯ ТЕМА В СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАЦКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Образ Людовита Велислава Штура (1815–1856), выдающегося политика и общественного деятеля, поэта и идеолога, кодификатора словацкого литературного языка — словом, одной из ярчайших личностей в истории словацкого народа, неизменно притягивает к себе внимание писателей и художников Словакии. Совсем недолгая, но насыщенная событиями жизнь Л. Штура, его сочинения на самые разнообразные темы, записи публичных выступлений по-прежнему являются источниками вдохновения для создания литературных сочинений, театральных постановок, кино- и телефильмов, картин и даже коллажей в постмодернистском духе. И ни в одном из этих художественных произведений Людовит Штур не кажется героем ушедшей эпохи, чьи мысли и идеалы остались в далеком прошлом, утратив свою актуальность для сегодняшнего дня. Наоборот — все чаще и чаще перед нами предстает совершенно живой, неординарный, современный герой, смело и остро мыслящий и действующий.

Если рассматривать понятие современной словацкой драматургии достаточно широко — как драматургию, создававшуюся в Словакии в эпоху существования профессионального театра, т. е. после открытия в 1920 году в Братиславе Словацкого Националь-

ного Театра, — то обзор драматургических произведений, посвященных фигуре Людовита Штура, можно начать еще с межвоенного периода. Так, в 1926 году вышла в печати пьеса Владимира Гурбана Владимировича (издававшегося под псевдонимом В.Г.В. (V.H.V.)) «Людовит Штур» (*Ludovít Štúr*). Как известно, В.Г.В. был внучатым племянником Л. Штура (его мать — Аугуста Штурова была дочерью младшего брата Штура Яна) и внуком соратника Штура Йозефа Милослава Гурбана. И возможно, обращение писателя к образу Штура было своеобразной данью памяти великим предкам. Однако, к сожалению, пьеса «Людовит Штур» (как, впрочем, и большинство произведений В.Г.В. на историческую тематику) по своему художественному уровню уступает самым известным его произведениям, таким как «Земля» (*Zem*), «Номо sapiens», «S.O.S.» и др. Вероятно, в случае с «Людовитом Штуром» виной тому чрезмерное увлечение автора патетикой, возвеличиванием фигуры главного героя, его гражданских качеств, в ущерб жизненности характеров и сюжета. Пьеса так и не получила сценического воплощения и даже не всегда упоминается среди произведений Владимира Гурбана Владимировича.

В 1934 году писатель Людо Зубек обратился к образу Штура, создав ра-

¹⁸ http://archiv.aspekt.sk/aspekt_in.php?content=clanok&rubrika=2&IDclanok=96

¹⁹ Ibid.

диопьесу «Людовит Штур», из которой впоследствии вырос целый роман «Весна Аделы Остролицкой» (*Jar Adely Ostrolúckej*, 1957). Характерно, что Л. Зубек в обоих произведениях рисует образ Штура без налета утрированной легендарности. Главный герой изображается им не столько как героическая фигура словацкой истории, сколько как, безусловно, выдающийся, но все же обычный человек, со всеми присущими людям недостатками и заблуждениями. Пьеса Л. Зубека стала первой словацкой радиопьесой на эту тему. Но следует отметить, что жанр радиопьесы оказался довольно популярным в Чехословакии и вплоть до 2010-х годов «Словацким Радио» и другими радиостанциями был записан целый ряд радиопьес (или, как иногда их именуют авторы, драматических композиций), в которых центральная роль отводится фигуре Л. Штура. К примеру, небольшая драматическая композиция (длительностью около 30 мин.) Йозефа Шайгалы «Людовит Штур» (1972) воссоздает события последних дней жизни выдающегося словацкого исторического деятеля. Штур здесь изображен в тяжелом состоянии духа: перед смертью все его мысли заняты воспоминаниями о прожитом, о победах и неудачах, о незавершенных планах, что время от времени повергает его в сомнения и депрессию. В последние минуты жизни Штур впадает в забытие и в своих предсмертных видениях вновь ведет друзей и соратников к победе, выкрикивая: «За мной, друзья! Вперед! Не бойтесь!» В 1991 году на словацкие телеэкраны выходит пятисерийный телевизионный сериал под названием «Штуровцы» (*Štúrovci*), снятый режиссером Пе-

тером Микуликом по сценарию Йозефа Боба и Йозефа Фило. Годом позже на той же литературной основе Йозефа Боба «Словацкое Радио» записало радиопостановку в пяти частях под тем же названием «Штуровцы» (1992). Это довольно масштабное повествование, охватывающее длительный период жизни Штура — с 1840 года, когда тот вернулся из Германии, до его смерти в 1856 году. Довольно подробно, в хронологической последовательности в радиопьесе описываются важнейшие события жизни Штура и его соратников, также частично затрагивается тема его взаимоотношений с Марией Поспишиловой и Аделой Остролицкой. Наконец, совсем недавно, в 2011 году специально для словацкой радиостанции «Лумен» (*Lumen*) была написана и поставлена радиопьеса Алоиза Чобея «Большие надежды» (*Veľké nádeje*) с подзаголовком: «Драматический фрагмент из жизни Людовита Штура». Основными действующими лицами пьесы стали сам Штур, Адела Остролицка и ее семья. А. Чобей описывает события 1848–53 годов, редкие встречи Людовита с Аделой, острые дискуссии между Штуром и ее родителями о его общественно-политической деятельности, о его *больших надеждах*. В одном из последних разговоров с Аделой Штур признается, что вынужден сделать выбор в пользу своих принципов и своих идеалов в ущерб чувствам, которые он к ней испытывает. Потеряв последнюю надежду на личное счастье с Людовитом, Адела заболевает и вскоре трагически умирает. Одна из ключевых фраз пьесы звучит в заключительной сцене из уст Штура: «Пока в нас горит надежда, нам есть ради чего жить».

В последние два десятилетия на словацкой сцене появился целый ряд драматических произведений, в которых центральное место отводится фигуре Людовита Штура и его соратников. Многие из этих постановок вызвали бурный отклик зрителей и многочисленные отзывы в прессе из-за неординарной трактовки образов штуровцев и оригинального сценического решения. Одним из таких громких театральных событий стала пьеса Карола Горакка «...Да приидет царствие Твое...» (Жизнь, деяния и смерть пророка Людовита Штура) («...*Príď kráľovstvo Tvoje...*» (*Život, skutky a smrť proroka Ľudovíta Štúra*)), которую в 1996 году на сцене мартинского Театра СНВ (*Divadlo SNP*) поставил режиссер Роман Поллак. По признанию драматурга, его целью было не написание традиционной исторической пьесы, а создание «современного динамичного театрального эссе, в котором художественный вымысел и исторические факты взаимно дополняли бы друг друга, что могло бы вызвать полемику по поводу не только исторических, но и современных событий»¹. Здесь Штур представлен не только как политик и общественный деятель: большое внимание уделяется его личной жизни — отношениям с женщинами, друзьями, соперниками. Пьеса демонстрирует довольно ироничный взгляд на историю, на признанных национальных героев, непрерываемых нравственных авторитетов, она предлагает задуматься над их ошибками и промахами, словом — пытается развенчать миф о непогрешимости давно «канонизированных» исторических

личностей. При этом произведение К. Горакка проникнуто духом постмодернизма: в текст произведения вплетаются цитаты из сочинений Штура, его стихи, которые в постановке мартинского театра декламировались со сцены с преувеличенным романтическим пафосом, добавлявшим происходящему еще больший иронический подтекст. Критика рассматривала спектакль как попытку произвести переоценку художественного наследия Штура, продемонстрировать какой-то иной, отличный от школьных учебников, взгляд на вещи. Правда, следует отметить, не всегда эта ирония, порой доходящая до сарказма, была уместна, не всегда рождала положительную реакцию и одобрение зрителей, поскольку нередко воспринималась зрителями как глумление над признанными фактами национальной истории.

В пьесе Яны Юранёвой «Блюда серебряные, посуды отменные» (*Misky strieborné, nádoby výborné*), написанной в 1997 году, в центр действия помещены женщины штуровцев: Адела Остролицка (подруга Л. Штура), Аничка Юрковичова-Гурбанова (жена Йозефа Милослава Гурбана), Марина Пишлова-Гержова (та самая Марина, ставшая прототипом героини поэмы Андрея Сладковича «Марина»), Антония Юлия Сековичова-Бракаторисова (супруга А. Сладковича), а также единственный мужской персонаж на сцене Ян Калинчак. Эти действующие лица были обозначены автором пьесы как «живые артисты». Остальные герои, присутствующие на сцене в виде «кукол, бюстов или групповых фото-

¹ <http://www.sme.sk/c/2102226/v-martinskom-divadle-snp-pripravili-hru-o-ludovitovi-sturovi-v-rezii-romana-polaka.html> Дата обращения: 23.03.2015

графий», — собственно шутовцы: Л. Штур, Й. М. Гурбан, А. Сладкович и другие. Во вступительной авторской ремарке сказано: «Сцена разделена на две половины, которые не общаются между собой и даже не знают друг о друге. Иногда они могут случайно пересекаться, но это, скорее, исключение. На одной половине — живые артисты, на другой — все прочие персонажи (или в виде бюстов, или их групповая фотография, возможна также комбинация различных техник). Артисты на первой половине общаются между собой, хотя иногда их речь напоминает разговор самих с собой. На другой половине, в «зале славы» (или же литературном кабинете), персонажи не общаются ни между собой, ни с актерами на другой половине, ни со зрителями. Иногда монологи на одной и другой половине сцены могут произноситься параллельно.»²

Как и в упоминавшейся выше пьесе Карола Горака, Я. Юранёва предлагает несколько иначе, под другим углом взглянуть на вещи, о которых, казалось бы, все уже известно, и на исторических деятелей, давно вошедших во все учебники по словацкой истории и литературе. Автор смещает основной акцент на женщин (жен и подруг) шутовцев, которые по сюжету пьесы встречаются через много-много лет после смерти и вспоминают события своей жизни, любимых мужчин, их дела и т. д. В очень интимных диалогах героинь супер-положительные герои-шутровцы вдруг раскрываются как люди довольно противоречивые, их образы снижаются до образов обычных людей,

которым были свойственны промахи, ошибки и заблуждения. В первую очередь, снижению подвергается образ самого Л. Штура. Так, многократно обсуждается его письмо Й.М. Гурбану, где он называет Аделу Остролицкую «особенным существом». Само это слово «существо» безмерно оскорбляет Аделу, которая бы предпочла, чтобы Штур назвал ее женщиной, или человеком, или личностью, но уж точно не каким-то бесполом существом. Еще один пример снижения образа национального героя Штура в пьесе, — это описываемый Юранёвой эпизод его приезда на свадьбу Й.М. Гурбана и А. Юрковичовой, где он пытался отговорить своего товарища от женитьбы, полагая, что это нанесет ущерб их общему делу борьбы за национальные права словаков. И подобных эпизодов в пьесе немало, причем касаются они не только Штура.

Автор проявляет ироничное отношение и к высокой любовной лирике шутовцев, к примеру, к поэме А. Сладковича «Марина». Одна из героинь пьесы Я. Юранёвой Марина Гержова, которой и была посвящена знаменитая поэма, оказывается женой обычного пряничника, вполне заурядной женщиной. По ходу действия Марина Гержова признается, что сама не очень понимает, что особенного нашел в ней поэт, и не находит большого сходства между собой и героиней поэмы. Более того, поэма, прославившая ее в веках, в жизни доставила ей немало проблем из-за того, что муж сильно ревновал ее. Также героиня неоднократно иронизирует, что у нее две могилы: первая —

могила Марины Гержовой и ее мужа Гержо, а вторая — пустая могила некой поэтической Марины.

В конце концов, все женщины шутовцев в пьесе сходятся во мнении, что они сами были влюблены, тогда как их мужчины вполне могли обходиться и без них. Смысл названия раскрывается по ходу пьесы: мужчины призваны творить, а женщины — это те их идеи, которые они создают и чеканят, как серебряные блюдца, чтобы положить на них золотые яблочки. С одной стороны, автор задается вопросом, кем были бы эти женщины, если бы рядом с ними не было этих мужчин? Но с другой — вся пьеса посвящена как раз тому, легко ли быть таким дорогим серебряным блюдцем, насколько непросто жить рядом с выдающимся человеком, быть безропотно «летающей за ним повсюду тенью»³.

Первая постановка пьесы «Блюдца серебряные, посуды отменные» состоялась еще в 1997 году в братиславском театре «Стока» (*Stoka*), где она была представлена в сокращенном варианте в формате сценического чтения. В марте 2015 года состоялась премьера спектакля по пьесе Юранёвой в «Студии 12» (*Štúdio 12*) Театрального института в Братиславе. Режиссером постановки выступила Алена Лелкова.

В 2003 году Театр Й.Г. Тайовского в Зволене (*Divadlo J.G. Tajovského vo Zvolene*) представил публике драматическую композицию Юрая Сарваша «Депутат зволениский» (*Vyslanec zvolenský*). Свою небольшую пьесу автор, известный словацкий актер и театральный педагог, много лет занимающийся

изучением биографии и творческого наследия Штура, посвятил тому этапу его жизни, когда он представлял город Зволень в Венгерском сейме. Не обходит стороной Сарваш и тему взаимоотношений Людовита Штура и Аделы Остролицкой. Одним из заметных сценикографических решений зволениской постановки 2003 года стала видеопроекция: действие на сцене разворачивалось на фоне исторических видов замка Остролицких, оригинальных фотографий заседаний Венгерского сейма и т. п.

Необычное представление на шутовскую тему разыграла в 2006 году труппа Словацкого камерного театра в Мартине (*Slovenské komorné divadlo v Martine*). Это была музыкальная постановка драматурга Роберта Манковецкого и режиссера Додо Гомбара под названием «Шутовцы (отмененный концерт)» (*Štúrovci (koncert zrušený)*). Изначально перед авторами стояла задача придумать некий рок-концерт для открытия театрального фестиваля «Прикосновения и связи» (*Dotyky a spojenia*), правда, на вполне заданную тему — что-нибудь из национальной истории, конкретно связанное с кем-то из выдающихся литературных или исторических деятелей-мартинцев. Очень быстро у авторов возникла идея обратиться к образам шутовцев. Они исходили из того, что об эпохе Национального Возрождения в сознании современных словаков остались лишь какие-то обрывочные сведения из школьной программы: названия нескольких стихотворений, пара дат, отдельные факты из

² http://archiv.aspekt.sk/aspekt_in.php?content=clanok&rubiika=2&IDclanok=96 Дата обращения: 19.02.2015

³ http://archiv.aspekt.sk/aspekt_in.php?content=clanok&rubiika=2&IDclanok=97 Дата обращения: 19.02.2015

биографий штуровцев и т. п. Форма же музыкального представления, концерта, к которой обратились Р. Манковецкий и Д. Гомбар, показалась им очень доступной для восприятия зрителей. Авторы выбрали четверых самых ярких, на их взгляд, и при этом очень разных героев-штуровцев (Людовита Штура, Янко Краля, Андрея Сладковича, Само Халупку) и задумались на том, что было бы, если бы они все жили сегодня? Как бы они могли объединить свои усилия? Одним из вариантов ответа на этот вопрос стало то, что они, возможно, основали бы свою музыкальную группу. Эта гипотеза и была взята за основу для постановки. Поэзия штуровцев была положена на музыку самых разных жанров: от тяжелого рока, техно, хип-хопа до блюза и джаза (авторами музыки стали Р. Манковецкий и Милослав Краль). Кроме того, в ходе представления исполнялись стихи режиссера постановки Д. Гомбара. По сюжету герои представления, молодые музыканты, называющие друг друга Людо, Яно, Ондро и Само, устраивают генеральную репетицию перед своим первым концертом. В репетиции также участвуют молодые вокалистки Марина и Адела и «старик» Тоно Бернолак. Реакция публики на впервые исполненный на городской площади Мартина концерт о штуровцах была очень бурной: зрителей удивило, что поэзия 19 века может быть настолько современной и актуальной, и после концерта они не раз переспрашивали у актеров и постановщиков, действительно ли это стихи тех самых штуровцев, не изменили ли в них что-нибудь. При этом среди отобранных авторами текстов большин-

ство было на гражданскую тему, и после премьеры в прессе отмечалось, что в контексте сегодняшнего восприятия эти произведения штуровцев настолько радикальны, что вполне могут рассматриваться как националистические призывы. На это авторы вынуждены были парировать, что, возможно, неплохо было бы словакам и в 21 веке задуматься над вопросом собственного суверенитета, несмотря на то, что это не очень модно.

Представление «Штуровцы (отмененный концерт)» настолько понравилось публике, что было решено перенести его на сцену Словацкого камерного театра в Мартине, и в конечном итоге постановка продержалась в репертуаре театра целых 5 сезонов, до 2010 года. За этот спектакль Р. Манковецкий в 2006 году был награжден премией министра культуры Словацкой Республики, который отметил его заслугу в приближении штуровского поколения сегодняшней словацкой молодежи с помощью оригинальной формы драматического представления. Также Р. Манковецкий и его соавтор М. Краль по итогам театрального сезона 2006–2007 удостоились премии «Доски» (*Dosky*) за лучшую музыку к спектаклю.

Еще одна музыкальная постановка, точнее сказать, опера в одном действии о Людовите Штуре под названием «... Твой Людевит» („... Tvoj Ludevít“) появилась в репертуаре братиславского театра «Людус» (*Divadlo Ludus*) в 2012 году. Драматургическую основу оперы написал Миро Дахо, музыку — Матуш Углиарик, режиссером выступил Камил Жишка. Спектакль, который авторы также именуют музыкальной

ораторией, отражает важнейшие этапы жизни Людовита Штура: его детство в Угровце, годы учебы, дискуссии о языке и собственной словацкой газете, любовь к Марии Поспишиловой, годы материальной нужды и проблемы со здоровьем, трагедии, связанные со смертью близких и т. д. В основе либретто — личная корреспонденция Штура и его биография, написанная Й.М. Гурбаном. В опере звучит не только словацкий язык, но и немецкий, старочешский, старословацкий. На сцене Л. Штур дирижирует небольшим необычным оркестром, состоящим из кларнета, гобоя и арфы, а роль рассказчика принадлежит небольшому трио из трех баритонов.

Наконец, юбилейный 2015 год, в который отмечается 200-летие со дня рождения Л. Штура, уже принес несколько премьер театральных постановок на штуровскую тему. Кроме премьеры спектакля по пьесе Я. Юранёвой, о котором шла речь выше, новую поэтично-драматическую композицию под названием «Орел Татранский» (*Orol Tatranský*, 2015) написал и поставил для того же зволениского Театра Й.Г. Тайовского Юрай Сарваш. В пьесе отражаются самые значительные, этапные события в жизни Штура: отъезд на обучение в университет в Галле, возвращение из Германии и посещение на обратном пути в Градце Краловом семьи Поспишиловых, знакомство с семьей Остролюцких, получение депутатского мандата и участие в венгерском сейме, болезнь и смерть Адель Остролюцкой, ранение и смерть самого Штура. В ткань произведения органично вписывается положенная на

музыку поэзия Штура, а также народные песни, цитаты из стихотворений А. Сладковича и его поэм «Марина» и «Детван».

Спустя 19 лет вновь обратился к штуровской теме и Карол Горак, специально для Словацкого Национального Театра в Братиславе подготовивший новую пьесу под названием «Пророк Штур и его тени, или Пришествие, жертва и вознесение пророка Людовита и его учеников» (*Prorok Štúr a jeho tiene alebo Zjavenie, obeť a nanebovstúpenie proroča Ľudovíta a jeho učeníkov*, 2015). Героями произведения стали «народные будители» Л. Штур, Й.М. Гурбан, М.М. Годжа, Я. Краль, Й. Заборский, С.Б. Гробонь, которые изображаются как в своей революционной борьбе, конфронтации с Лайошем Кошутом, так и в своей личной и семейной жизни. Здесь К. Горак продолжает линию, заданную Я. Юранёвой в пьесе «Блюдца серебряные, посуды отменные», и делает героинями сценического действия женщин штуровцев: Аделу Остролюцку, Марию Поспишилову, Аничку Юрковичову и Корнелию Келнерову-Годжову. Таким образом, перед зрителем предстают два мира, в которых существуют герои: первый — мир, в котором они с оружием в руках борются за свободу своего народа, а второй — тот, в котором они оказываются уже после революции, и в этом тихом семейном мире их ждет изоляция, одиночество, болезнь и т. п. Основной драматический конфликт в пьесе возникает между двумя политическими концепциями эпохи словацкого романтизма, отличными по своей идейной и духовной основе, которые демонстрируют два разных

взгляда на то, что лежит в основе государства: сильные идеи или же сильные прагматичные вожди.

Как мы видим, сценические произведения на шутовскую тему появлялись в последнее время в Словакии довольно активно, и не только в годы юбилеев, получая при этом активный и позитивный отклик читателей и зрителей. Фигуры шутовцев по-прежнему

привлекают внимание драматургов и режиссеров, причем не только старшего, но и молодого поколения. Все это, бесспорно, свидетельствует о том, что тяга к переосмыслению словаками своего прошлого, ключевых событий национальной истории еще жива, а шутовские идеи и в наши дни актуальны и вызывают неизменный интерес.

ШУТОВСКАЯ ТЕМА В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

ПРОЗА

- LACKOVÁ-ZORA, Anna: Anička Jurkovičová. 1948.
ZÚBEK, Ludo: Posledný zápas v zbierke Skrytý prameň. 1956.
ZÚBEK, Ludo: Jar Adely Ostrolúckej. 1957.
CHMELOVÁ, Elena: Prešporskí kumpáni. Bratislava 1958.
LACKOVÁ-ZORA, Anna: Z čírej lásky. 1958.
REZNÍK, Jaroslav: Štúr a mladosť. Martin 1968.
JURÍČEK, Ján: Ľudovít Štúr. Bratislava 1971.
BOB, Jozef: Ľúbostné siluety. Triptych zo života Jána Kollára,
Andreja Sládkoviča a Ľudovíta Štúra. Bratislava 1980.
BOB, Jozef: Štúrovci. Bratislava 1992.

ФИЛЬМЫ, СПЕКТАКЛИ, ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ПОСТАНОВКИ

- Kde leží naša bieda. Scenár: Ján Solovič, réžia: Ivan Teren, 1965.
Niet inej cesty. Scenár: Juraj Špitzer, réžia: Jozef Zachar, 1968.
Orol a lastovička. Scenár: Jozef Bob, réžia: Pavol Haspra, 1977.
Anička Jurkovičová 1–3. Réžia: Ján Lacko, 1983.
Štúrovci, 1–5, scenár: Jozef Bob, Jozef Filo, réžia: Peter Mikulík, 1991.
Misky strieborné, nádoby vyborné, scenár: Jána Juraňová, 2005.
Orol tatranský, scenár: Juraj Sarvaš, 2015.

Материалы сайта: www.litcentrum.sk

ТВОРЧЕСТВО ЛЮДОВИТА ШТУРА

В.И. ЛАМАНСКИЙ

**ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРАКТАТУ ЛЮДОВИТА ШТУРА
«СЛАВЯНСТВО И МИР БУДУЩЕГО.
ПОСЛАНИЕ СЛАВЯНАМ С БЕРЕГОВ ДУНАЯ».**

Москва, 1867

Подлинник предлагаемого сочинения словака Людовита Штура, написанного им незадолго до его смерти на немецком языке, был подарен мне друзьями покойного, в бытность мою в Угорщине в 1862 г. Вскоре потом я узнал, что есть исправленный сочинителем и начисто переписанный экземпляр. Владелец его, наш соотечественник, один из близких друзей Штура и лучших у нас знатоков современного Славянства, получил этот список от самого сочинителя. Этот друг покойного посылал рукопись в Россию для напечатания, кажется, в конце 50-х годов, но получил ее обратно. Обменявшись с другом сочинителя нашими руко-

писями, я из Австрии, еще в 1863 г., отправил этот список к одному редактору. Но и на этот раз рукопись пролежала около двух лет в редакции не просмотренною, пугая своим объемом, мелким почерком и неприятным готическим письмом.

Благодаря редакции «Чтений» теперь есть возможность русским читателям ознакомиться с предсмертным произведением одного из благороднейших и даровитейших славянских деятелей новейшего времени. Сочинение это с необычайною ясностью ставит и разбирает самые коренные и жгучие вопросы относительно всех славянских племен без изъятия. В исто-

рии так называемого Панславизма оно займет, по своему содержанию и изложению, гораздо более почетное место, чем наделавшая в свое время столько шуму в Средней Европе знаменитая брошюра родоначальника новейшего Панславизма, словака же, Я. Коллара «О литературной взаимности славян и пр.»: “Ueber die literarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation. Von Johann Kollar. Pesth. 1837”. Переведена была в Отеч. Зап. 1839.

Сочинение Штура «Славянство и мир будущего», хотя и писанное 11–12 лет тому назад, является ныне как нельзя более кстати. В России, с подъемом народного самосознания, все более и более выясняется обществу и его передовым людям великое призвание русского народа в мире славянском, все полнее и полнее обличается высокое значение славянской идеи. Две же дряхлые империи, Турецкая и Австрийская, эти темницы южных и западных Славян, по выражению Штура, с каждым годом обнаруживают несомненные признаки совершенного истощения и упадка. В то же время объединение Италии и Германии, введение системы двоеправления (дуализма) в Австрии или, что то же, заключение мадыро-немецкого союза против славян, мужественная борьба критян, глухое волнение всех турецких христиан, военные приготовления Княжества Сербского, возбуждение русского духа в Галиции, постепенное уразумление в России истинных к нам отношений русских и германских немцев, наконец, возбуждение сильного соперничества между Германиею и Франциею, кото-

рая должна же наконец сознать, какую великую и неожиданную помощь могла бы она получить от Славянства в предстоящей борьбе ее с его исконными врагами и угнетателями: все эти современные явления указывают славянам на новые и великие, предстоящие Европе перемены и только ускоряют недавно начатую, усиленную работу славянского самосознания. Нечего пламенные ревнители сильной, единой, федеративной Австрии постепенно теряют веру в пользу и необходимость Габсбургской империи для славянских народностей, справедливо замечая: «Мы были до Австрии, будем и после Австрии», и тем удачно исправляя свое прежнее изречение: «Если бы не было Австрии, славяне должны бы были ее создать». Прежние безусловные приверженцы самостоятельности не только в отношении к политике, но даже и языку, мало-помалу приходят, наконец, к сознанию слабосилия отдельно взятых славянских народностей и решительной для них невозможности уберечь и обеспечить свою народную самобытность от посягательств и захватов сильных иноплеменников, без некоторого сближения и известных союзов или договоров с Россией, без принятия русского языка за общеславянский дипломатический язык.

Мысль о нынешнем сближении славянских племен с Россией и об общеславянском значении русского языка была основным убеждением Л. Штура. Ею проникнуто все его сочинение. Добросовестный читатель, даже не согласный с его направлением, признает в сочинителе редкие дарования, высокий ум, честное, ненавидящее неправду сердце, горячую любовь к свободе,

Славянству и человечеству. Во всяком случае, каждый мыслящий человек прочтет это блестящее произведение новейшего Панславизма с самым живым любопытством. Это сочинение особенно будет дорого всем истинно русским людям, не привыкшим и у своих отечественных писателей часто встречать такую горячую, искреннюю любовь к России, такое гениальное предчувствие ее незримых, сокровенных сил и столь смелое прозрение в ее славное будущее. Еще недавно даровитый и любимый русский художник, в своем добровольном отчуждении от России, из своего немецкого далека не заметил в ней ничего, кроме дыма, и предсказал ей спасение только в рабски верном подражании западноевропейской образованности, которую наш барский эпикуреизм давно признал за единственно возможную, единую и общечеловеческую. И лет 12 тому назад не писавший красиво, а всею своею страдальческою и подвижническою жизнью на деле доказавший, что жизнь не есть наслаждение, а борьба, отречение и долг, иноземный славянин до конца глубоко верил в высокое и самобытное призвание России, не смущаясь ни крепостным правом и безмолвием, ни тупым равнодушием и бессознательностью русского общества, которое живо сочувствовало мадьярам и мадьяронам и давало влачить страшную, нищенскую жизнь Л. Штуру, лично преследуемому мадьярами и немцами за его любовь к России. Вера его оправдала. Его лебединая песнь, его пророческий голос, во всеуслышание раздастся впервые на Руси, когда уже спали с нее оковы рабства, и наше общество начинает сознавать славянское призва-

ние России и ясно видит, что русским художникам предстоит иное высшее дело, чем писать красивые картинки на немецкие изречения о России, подслушанные или вычитанные ими в прекрасном для них, без сожаления променянном на Русь, далеке. Для истинно русских людей память Штура дорога и священна! Про него смело можно повторить слова Пушкина:

Хвала! Он русскому народу
Высокий жребий указал.

Да искупится же наконец наше прежнее бессердное равнодушие и тупое невнимание к этому доблестному мученику и красноречивому проповеднику славянской идеи. Любовь и почитание, которыми мы, русские, обязаны его имени, перенесем к его народу, в короткое время давшему Славянству таких мужественных подвижников, как Коллар, Шафарик, Кузmani и Штур. И теперь не одна тысяча друзей, учеников и почитателей Штура ведет глухую, но славную борьбу с иступленным, азиатским фанатизмом мадьяр, изощренным принятой ими немецкой образованностью и с прямым содействием самих немцев, которые еще, к несчастью, не перестали думать, будто их священный долг истреблять и искоренять Славянство, где только можно. Наконец, современные славянские деятели борются еще с своею испорченною до мозга костей шляхтой, изменившей народу и за честь себе вменяющею быть мадьяронами, которые для славян столько же хуже мадьяр, во сколько потурченяки хуже настоящих турок. При крепостном праве, когда направление «Вести» было, мож-

но сказать, господствующим в значительной части образованного русского общества, сочувствие наше к венгерцам, то есть к мадьярам и мадьяронам, было совершенно естественно и понятно, ибо тогда дело словаков, дело Штура и его друзей было нам не враждебно и не любо, как не барское, не господское дело. Но теперь, кажется, можно бы ожидать от нашего общества иных воззрений и сочувствий. Будем надеяться, что издание настоящего сочинения Штура принесет нам и ту пользу, что обратит наконец внимание многих и многих русских людей на три миллиона словаков, едва ли не самого даровитого и наиболее нам, русским, сочувственного славянского племени. Там, в величественных Татрах и в живописных долинах Вага и Грона, на берегах Дуная много уже (и постоянно возрастает их число) верных учеников и поклонников Штура, свято соблюдающих его завет и предания доблестных борцов Славянства, добровольных мучеников веры в Россию и ее великое призвание. Кто из нас в нее не верит и все в ней считает дымом, не оскорбит, надеемся, своими шляхетскими насмешками их чистой веры, дающей

им силу выносить тяжелую борьбу. Кто в Россию верит и был к Славянству равнодушен, по неведению или недоразумению, тот оценит жизнь и мысли Людевита Штура¹ и в собственной душе найдет указания на обязанности истинно русского человека по отношению к нашим соплеменникам, и особенно к ближайшим нашим братьям, словакам, плотную массу населяющим весь север Угорщины, от Русских Карпат до Дуная у Пресбура, и весь восток Моравии. Ближайшие соседи и друзья Угорской Руси, словаки, служат посредствующим звеном между Русью и мораванами и чехами с одной, и через свои многочисленные и цветущие поселения в средней Угрии между Тисою и Дунаем, между Русью и сербами и хорватами с другой стороны. Если русскому языку действительно суждено быть общеславянским дипломатическим языком, то его распространение у славян произойдет преимущественно через Угорскую Русь и словаков. И теперь уже между самими крестьянами словаками вы найдете сотни людей, превосходно говорящих по-русски, особенно в Турчанской столице (округе).²

Москва,
23 апреля, 1867

¹ Жизнеописание Штура можно прочесть в «Русской беседе» 1861, I, в Смеси, стр. 50–60.

² Большая часть перевода сделана мною, остальная же мною лишь исправлена, а переведена некоторыми из моих слушателей, которым я приношу мою чувствительную благодарность.

ПИСЬМО ЛЮДОВИТА ШТУРА ИЗМАИЛУ ИВАНОВИЧУ СРЕЗНЕВСКОМУ

Дорогой незабвенный друг мой!

Ты уже, возможно, забыл нас, ибо прошли годы обоюдного молчания, но даже если ты не вспомнишь о нас, я знаю, что Дунай и Татры все еще живы в твоей памяти. Так услышите же их голос спустя столько лет молчания, и, может быть, в голосе этом воскреснет память друга.

Да, и мы Тебе не писали, но мысли наши всегда доносились как до Тебя, так и до вас, и до святой Руси. Любой признак жизни от Тебя и от Твоих соотечественников, обнаруженный нами в западнославянских журналах, тем более был для нас утешением, чем более на нашу жизнь обрушивались и обрушиваются невзгоды.

С того момента, когда мы все вместе жили на Дунае, многое здесь произошло: страшные бури и ураганы, в которых и словак впервые за тысячелетие ринулся в бой за жизнь свою.

Через несколько лет после Твоего отъезда мы выступали в Братиславе со «Словенскими новинами и Орлом Татранским» и продолжали выступать аж до самого начала мятежей. Желая упразднить все сословия — дворянство, мещанство и крестьянство, — желая упразднить религиозные конфликты — евангелистов-чехов и католиков-бернолаковцев, — желая повлиять на невежественный народ, мы не желаем поспособствовать развитию

идей неславянского чехословацкого сепаратизма и связанного с ним иллирийского. Мы взяли за оружие мечты, мысли и наших идей словацкий язык, уцелевший в средней Словакии. Не знаю наверняка, но предполагаю, что вы у себя на севере согласитесь с нами, так как была и есть речь наша чисто славянская. Я издал грамматику этого языка, правда, на бернолачине, используя неславянскую орфографию, но тем самым мы переманили бернолаковцев на нашу сторону; однако задача наша состоит в том, чтобы перенять славянское правописание, на котором мы с Тобой переписываемся в наших письмах. Со временем мы основали общество «Татрин» для публикации лучших произведений на словацком и для материальной поддержки талантливой нуждающейся молодежи — в школах, университетах, в ремесленном деле. К этому обществу присоединилось около ста наших земляков, и каждый год организовывались общие собрания участников, причем всегда в разных городах Словакии. Посредством общества «Татрин» мы издали много произведений и помогли большому числу способных молодых людей, но в период мятежа и войны как вся наша благотворительная деятельность, так и оно, общество, прекратили свое существование; только что мы с Годжей приехали в Вену, чтобы получить от правительства разрешение на вопло-

щение его новой идеи, но у нас мало надежды на успех.

Венгры, страстно желая обрести независимость и господство над другими народами, восстали с мечом в руке против австрийской власти, а мы, улучив подходящее время для избавления от ненавистного вечного гнета, восстали против них, прежде всего мы сами, но впоследствии — как проигравшие союзники австрийских войск. Мы ходили с мечами почти год, и было нас, воюющих, около 20 000 мужчин разного происхождения и возраста. Посему австрийское правительство обещало дать нам равные с другими народами права, но не исполнило и не исполняет из обещанного ничего — ведь это же немцы! И мы снова в ужасном положении, и недовольство, проснувшееся не только у нас, но и у всех австрийских славян, одинаково страдающих, — огромно и всеобъемлюще.

Но не смогли австрийские войска одолеть венгров, и пришли им на подмогу более сильные — русские. С какой радостью каждый славянин встречал своего северного брата на дунайских равнинах, и зазвучали тогда слова из песни «Ехал казак на Дунай». Русские одолели венгров, это знает вся Европа, у нас об этом знает каждый. Русские солдаты проявили благосклонность к нашему народу, а после того как услышали родственную славянскую речь, стали называть словацкую землю русской, а венгров басурманами. Но особенно бросилась в глаза нашему народу доброта русских солдат, которые необыкновенной любовью притягивали к себе детей, а, завидев бедняков, отдавали им все, что сами имели: хлеб, мясо и водку. Русский народ ушел от нас

с благословением, от венгров — с почитанием, русские же офицеры отправились домой с ненавистью к немцам.

Здесь я описал тебе основные события и их последствия. Мы, кого ты теперь знаешь, друзья Твои, живем и трудимся в домах отцов наших, все в заботах и чаяниях; Годжа служит священником в Липтовском Св. Микулаше, Гурбан — в местечке Глбоке в Нитрянской области, а я живу у своего пожилого отца, пишу, читаю и рыбачу. Все Тебя сердечно приветствуют и напоминают о Словакии.

Я пишу Тебе это письмо из Вены, куда приехал на несколько дней по нашей работе, и отдаю его в руки величественного протопресвитера при русском посольстве, коего мы, словаки, зовем батюшкой. Безопаснее пути я не знаю. При желании можешь написать мне ответное письмо.

Всего наилучшего, приветствуй от моего имени господ Надеждина, Панова, Чицова и не забудь про словаков.

Вена, 1850, 15/12.
Искренне Твой, старый друг,
Людовит Штур

Перевод Е. Курсаковой

Печатается по книге «Ľudovít Štúr. Hlas k rodákovi». Bratislava. 1971.

ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЮДОВИТЕ ШТУРЕ ЙОЗЕФА МИЛОСЛАВА ГУРБАНА

«То, о чем давно уже мечтали друзья народа словацкого, как у нас дома, так и за пределами родины пребывающие, — это биография незабвенного нашего Людовита, наставника молодежи, могучего защитника славянской идеи на Татрах, этого вечного юноши с пламенной душой и бесконечно нежным сердцем, этого знакомого всем славянам и знавшего всех видных славян человека идеалов и в то же время — человека дела» (с. 21).

«Красивый, прямой как струна, стройный, высокий юноша словацкий с черными, словно сыплющими согревающим огнем очами, с густыми темно-каштановыми волосами; весь его облик был для каждого настолько

гармоничным, ладным и привлекательным, неодолимо электризующим, что ему невозможно было противиться. (...) Руки и уста его были образцом красоты, что считается признаком великих ораторов! Такие ручки могли бы украсить даже самую пригожую деву. Лицо он имел продолговатое, но не худое, а от здорового воздуха румяное и грехами не изборожденное, так что показывало оно соразмерную овальность и венчалось высоким ясным челом. В красоте юности лишь Само Халупка мог с ним равняться. Притягательность его была такова, что даже и недруги самые заклятые не могли ему противостоять. Голос у него был звонкий, мощный — что на пение, что на речи, что на угрозы способный. На-

пали на него как-то раз вечером трое лихих сорванцов и хотели с ним на Паненской улице драку затеять. Людовит Штур крикнул первому же, опершись на свою палку: «Mit akar?» (венг. «Что вам надо?», прим. пер.). Да еще с таким выражением и с таким раскатистым «akar», что парням расхотелось тягаться с Людовитом нашим, и они разбежались». (с. 52)

«Еще я должен отметить деятельность и влияние Людовита как студента, а также его отношения с профессорами. Он был отменный латинист, знаток этого тогдашнего языка науки, и к тому же знаток греческого; потому профессора приглашали его подменять заболевших преподавателей, причем как на начальных курсах, так и на высших. (...) Он был любимцем профессоров благодаря своей возвышенной натуре, отменному трудолюбию и той электризующей привлекательности, которая струилась из него и притягивала к нему всех. Самая упрямая и нередко буйная молодежь лицейская, даже напрямую с ним не связанная, с которой и солидные профессора часто не могли совладать, добровольно и с охотой слушалась его» (с. 64).

«Неутомимый творческий дух Штура открыл новый способ “вылазок на могилы давней славы”: там души наши воспламеняются для новых дел. История для народа живого является тем же, чем совесть для человека. Человек без совести — это лишь жалкая, бесполезная кожа; народ без сознания исторического о себе и предках своих — лишь кучка кож рабов. Так рассуждал Штур в узком кругу своих друзей» (с. 88).

«Подготовка к “вылазке на Девин” велась скрытно; только самый узкий круг друзей народа и членов общества были посвящены в эту тайну. Чтобы не было заметно, если большая часть словацких студентов пропустит лекции (...) для вылазки было выбрано воскресенье; это был день Юра (св. Георгия), 24 апреля 1836 г. Все возможные меры предосторожности принял Штур: сходка не должна была быть многочисленной, собираться должны были самое большее по трое и рано утром выйти из города; приглашение передавалось от имени Штура только избранным, посвященным в тайну. (...) Лишь за Братиславой со смехом и радостью они жали друг другу руки и в предвкушении нынешних событий отправились на Девин» (с. 90)

«Поход на Девин был общим делом. Сердца в груди всех присутствовавших бились беспокойно, мечты и горячее чувство любви к неведомому, но из глубины души чтимому прошлому словацкого народа захватили все существо воодушевленной молодежи словацкой. (...) Тихий ветерок, потянувший с юго-востока, охлаждал разгоряченные лица молодежи и играл с буйными волосами стройного, высокого Людовита, поднявшегося на возвышенность руин с непокрытой головой. Все сняли шляпы и запели песнь новую, отзвуки которой разносились по дороге на замок, задумчивый напев Штура “Нитра, милая Нитра”» (с. 93).

«Все стояли здесь тихо, обратив взоры на Людовита, который, немного помолчав, открыл своей речью, полной исторических упоминаний,

торжество первого паломничества на могилы словацких героев минувших веков, совершенного молодежью нового века. Высокие идеи Штура захватывали молодежь и уносили за собой во времена Растица, Сватоплука и Моймира, а поток его слов разливался волнами Моравы, Дуная, Вага и Грона по нивам словацким. Святые дни давней славы живописал он яркими красками и призывал молодежь погрузиться в целительные воды истории народной. Ветер то и дело пытался поиграть с волосами его, но оратор сгребал их левой рукой, правой указывая на Татры, где находится наша колыбель и где народ в глубоком сне проводит бесславные дни жизни своей» (с. 94).

«Как разительно прояснилось все в душе Штура в свете богатейших глубин философии Гегеля! Перед ним открылся новый, впечатляюще прекрасный мир идеалов, выходящих из самых глубин духовности народов, а не скон-

струированных априори. (...) Для каждой категории понятий Гегеля Штур мог найти пример из богатой истории славянских народов. И даже любимца его, поэзия, обретала новое значение, новые смыслы от этого знания» (с. 170).

«Людовит пожертвовал себя народу всецело, он предвидел разом все грядущие невзгоды, которые и он потом претерпел, да и мы вслед за ним пережили и будем переживать еще не только мы, но и наши преемники. (...) Целомудрие его добровольное имело под собой самые возвышенные мотивы (...) Людовит был жертвой, собою самим народу принесенной, жертвой, которую приняло Славянство и которую, верю, принял и сам милосердный Бог, потому что это была жертва искренняя. Он отверг любовь земную ради любви к народу израненному жестоко, замордованному, полуживому, но все-таки достойному жертв сыновей своих, воодушевленным высокой целью» (с. 196).

Перевод Л. Широковой

*Перевод по изданию: Jozef Miloslav Hurban. **Ludovít Štúr. Rozpomienky. Bratislava, 1959.***

Йозеф Милослав Гурбан (1817–1888) — словацкий литератор, просветитель, общественный деятель, один из ближайших соратников Людовита Штура. Активно участвовал в кодификации словацкого литературного языка, создании Матицы Словацкой, издании словацких книг и периодической печати.

ЛЮДОВИТ ШТУР В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

М. БАТОРОВА

ШТУР И МЫ

Я нахожусь в растерянности, что не так уже часто со мной случается. Слово мне надо выразить свое отношение к воздуху, которым я дышу, к солнцу, свету, необходимому для жизни, то есть, к чему-то само собой разумеющемуся. Когда я задумываюсь об отношении к человеку из далекой истории, но вместе с тем столь мне близкому, старинный бюстик которого — наследство от родителей, посвятивших всю жизнь словацкому языку — стоит в нашей гостиной, то мои чувства можно назвать давней привязанностью, даже восхищением. Причем не безоглядным, а имеющим свои конкретные причины. Это восхищение человеком, который в совершенно безнадежной исторической и политической ситуации проявил отвагу и решимость, дав народу своей зем-

ли атрибуты культуры и просвещения. Его заслугой стали кодификация литературного языка, издание первой политической газеты, одного из старейших литературных журналов Европы и первой книги на новом словацком языке, на котором были написаны первые оригинальные произведения высокого поэтического жанра. При этом он опирался на «просвещенную власть» императора Иосифа II, однако всю эту работу Штуру пришлось проделать практически за неполные пять лет. Вместе с горсткой соратников-энтузиастов он был вынужден действовать в чуждой немецко-венгерской диаспоре официальной культуры, подвергаясь в то же время критике и со стороны собственных словацких интеллектуалов. Одни стремились к единству в духе славянской взаимно-

сти, как Ян Коллар и его сторонники по Пештской газете, другие, подобно трагической фигуре священника Йонаша Заборского, отказывались видеть радужные перспективы за истинным плачевным положением дел в Словакии в канун великого подъема — революции 1848 г. И хотя словацким патриотам не удалось добиться своих целей, и после революции «в одиноких воронов превратилась соколиная стая», то, что успела сделать за недолгие пять лет плеяда интеллектуалов-штуровцев, с полным правом можно назвать чудом рождения национальной культуры. Она зародилась от любовного союза великой при всей ее хрупкости мечты и решительного поступка. Штур проявил себя при этом как гениальный мыслитель в двух сферах. Во-первых, он смог сделать первый шаг в деле кодификации словацкого языка в 1843 г., взяв за основу диалекты центральной части Верхней Венгрии и принцип естественности в правописании («как слышим, так и пишем»). Во-вторых, он стал инициатором обновления словацкой литературы. Штур призывал брать в качестве образца для поэзии народную песню, считая ее важнейшей частью словацкой культуры, в которой народ отражал свои чувства и переживания, любовь и печаль, повседневные дела и драмы. Штур ставил в качестве одной из целей распространение искусства, основанного на словацких темах и мотивах, на поэтической образности, простых стихотворных размерах, повторяющих строй народной песни. Штур имел четкое представление о путях достижения этих целей и стремился донести свои идеи до последователей, призванных их реализовывать. Правда, удавалось ему это не

всегда легко, поскольку его ближайшие соратники нередко обладали яркой индивидуальностью — как личностной, так и творческой. Все они были в ту пору молоды, и наперекор настоятельному требованию Штура — посвятить жизнь борьбе — многие из них женились. Первым — Йозеф Милослав Гурбан, потом Янко Краль; Андрей Сладкович написал свое самое прекрасное произведение — о любви (!), к тому же десятисложным стихом, далеким от народного ритма... А бунтарь Краль, хотя и использовал символы поколения (Татры и орлы), призванные вдохновлять павших духом, в своем стихотворении «Орел» высказывает собственную мысль, близкую христианскому универсализму, но противоречащую цели внушить людям потребность в строительстве своей отчизны: «...мой дом, где я живу, не знает ни конца, ни края!» Конечно, ни такой космополитизм, ни стихи Краля, в которых правда нередко преобладала над мелодичностью — никак не отвечали концепции Штура. И если на Сладковича Штуру удалось повлиять, так что тот вскоре написал поэму «Детван», укрепив тем самым свои позиции, то Краль его требованиями пренебрег. Однако во время революции, когда, будучи служащим адвокатской конторы, Краль мог бы спокойно прогуливаться по бульварам Пешта и попивать хорошее вино, он вместо этого сразу же отправился с Яном Ротаридесом по южным деревням агитировать местных жителей за революцию: он точно знал, где именно находится его дом. Штур тоже прекрасно знал своих соратников, понимал гениальность Краля и потому прощал ему все странности и экстравагантность поведения. А как человек блестяще образованный он по-

нимал и саму абсурдность деления мира границами, признавая в итоге правоту вольнолюбивого скептика Краля.

Штура упрекают в языковом отлучении от чехов, в неоправданном национализме и т. д. Вследствие этого и на основании его трактата «Славянство и мир будущего», который был написан по-немецки в пору послереволюционного упадка и отчаяния, в начале 1990-х гг. Штура пытались «сбросить с пьедестала» словаки нового поколения. Их критический запал был отчасти оправдан, поскольку в своем увлечении тем, что сто лет спустя Томаш Г. Масарик назвал «воображаемой Россией», Штур заблуждался. Организованную тогда конференцию открывала философ Елена Варошова, которая посвятила ряд своих работ Штуру, его философии и творческому наследию. В начале 1990-х она выступала против отделения Словакии от Чехии, на что делали расчет организаторы конференции. Однако их иконоборческие устремления натолкнулись на противодействие уже во вступительном докладе, когда Э. Варошова справедливо подчеркнула конструктивный вклад Людовита Штура в словацкую культуру и культурную политику...

...Но все же зададимся вопросом: во что верил Людовит Штур, создавая концепты равных возможностей во имя высших идеалов, на которых изначально базируется человеческая культура и которые служат своего рода зеркалом,

отражающим пороки отдельных личностей и искажения в общественных процессах и даже законах? Во что он верил в пору безнадежности и враждебности, в пору поражений и потерь, которая, в конце концов, раньше времени свела его в могилу?

Он верил в дело, которое следует за словом, верил в живительный источник, который силой его рук выбился из-под этой земли! Он верил в людей, для которых право и справедливость — не пустой звук, в людей из когорты защитников прав человека, таких как Бьенстьерне Бьёрнсон и многие другие, в том числе и словаки. Мы не имеем здесь в виду оголтелых националистов, которые всегда приносили больше вреда, чем пользы. Мы имеем в виду людей образованных, поскольку дело требует, прежде всего, высокой образованности человека, который помнит о своей земле и заботится не только о своих частных интересах, но и об общем благе. Штур заблуждался, когда, вероятно, в отсутствие иных возможностей, из-за безысходности прославлял и пропагандировал у нас идеалы русской общины, которые на практике ни в России, ни где-либо еще не существовали. Однако главное, что он нам оставил, это его просветительская вера в свободное развитие человека и нации, в создание нового, просвещенного общества. Так будем же продолжать это дело, чтобы не остаться на прежнем месте!

Перевод Л. Широковой

Широкова Л.Ф. — литературовед, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Автор статей и разделов по словацкой прозе XX-XXI вв., современной словацкой драматургии, новейшим явлениям в литературном процессе Словакии. В переводе Л.Ф. Широковой вышел ряд произведений словацких писателей.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ

А. ПЕСКОВА

ПЕТЕР КРИШТУФЕК

Петер Криштуфек (род. 1973) — словацкий писатель, кино- и телережиссер, радиоведущий. Дебютировал в 2002 году сборником рассказов «Неточное место» (Nepresné miesto), за который сразу же был удостоен премии Литературного фонда Словацкой Республики. За ним последовал еще один прозаический сборник «Свободным взглядом» (Voľným okom, 2004), а затем сатирический роман «Суфлер» (Šepkár, 2008). Последний был опубликован в издательстве «Albert Marenčin Vydavateľstvo PT» с оригинальными иллюстрациями Катарины Сланинковой. Он сразу же привлек к себе большое внимание читателей и критиков, и в 2009 году был награжден словацкой литературной премией ANASOFT LITERA, а также стал номинантом на европейскую премию Prix du Livre Européen. Отрывок из романа, пере-

веденный на английский язык, был включен в антологию Best of European Fiction 2010, вышедшую в США в издательстве «Dalkey Archive Press», наряду с произведениями Виктора Пелевина, Давида Албахари, Дёрдя Конрада, Аласдара Грэя, Жана-Филиппа Туссена и других известных писателей.

В 2009 году выходит следующий сборник рассказов П. Криштуфека «Вне времени» (Mimo času), а годом позже роман «Близнецы и антиподы» (Blíženci a protinožci, 2010), также номинировавшийся на премию ANASOFT LITERA 2011. Последовавшие за ним книги писателя — роман «Дом глухого» (Dom hluchého, 2012) и полудокументальный-полухудожественный «Атлас забвения» (Atlas zabúdania, 2013) — стали настоящими событиями в словацкой литературе последних лет. За первую автор вновь был номинирован на пре-

мию ANASOFT LITERA 2013, а «Атлас забвения» по результатам опроса читателей газеты «SME» занял второе место в рейтинге «Книжное событие 2013 года». Произведения Петера Криштуфека активно переводятся на другие языки и уже были изданы в Чехии, Польше, Болгарии, Белоруссии, США, Австрии, Германии, Великобритании.

Помимо прозы, Петер Криштуфек издал сборник стихов «75 Ватт» (75 Wattov, 2011) и книгу сценариев, написанных в соавторстве с Дадом Надем «Рота медленного реагирования» (Rota pomalého nasadenia, 2006). Будучи выпускником факультета кино- и телережиссуры братиславской Высшей школы музыкальных искусств, он также активно снимает художественные и документальные фильмы. Кинематографический дебют Криштуфека — психологическая драма «Видимый мир» (Viditeľný svet, 2010), в которой он выступил в качестве режиссера, автора сценария и музыки. Премьера фильма состоялась на 46-м Международном кинофестивале в Карловых Варах в 2011 году. Также П. Криштуфек является автором более двадцати документальных телевизионных фильмов.

Мы предлагаем нашим читателям познакомиться с двумя отрывками из сатирического романа Петера Криштуфека «Суфлер». Действие романа «Суфлер» происходит в одной из бывших стран социалистического лагеря в Центральной Европе, которая лишь начинает осваивать «достижения» капитализма. Главный герой романа Криштоф, работающий суфлером в театре, волей судьбы попадает на службу к политику Бергеру, стра-

дающему от отсутствия красноречия и известному тем, что из-за своей тучности много лет не выходит из своего шикарного лимузина. Благодаря своему суфлерскому мастерству, Криштоф становится «серым кардиналом»: нашептываемые им депутату Бергеру театральные тексты в итоге превращаются в своего рода «послания» человечеству. Сладкая жизнь политической элиты, ничего не значащие пространственные парламентские речи, коммунисты-перерожденцы, саммиты на высшем уровне, являющиеся, по сути, шикарными вечеринками, вездесущие СМИ и лишённые всякого смысла поступки людей, от которых зависит жизнь страны, — через весь этот театр абсурда приходится пройти Криштофу. В то же самое время его мать отоваривается в так называемом «КОМУ-ШОПЕ» (KOMU-SHOP) — единственном и строго засекреченном магазине, где еще можно достать старые добрые товары времен социализма, смотрит по телевизору современные реалити-шоу и увлекательную светскую хронику, подробно рассказывающую о жизни звезд: их любимых блюдах, марках зубной пасты и туалетной бумаги, размерах обуви и т. д. В итоге перед нами предстает неприглядная, порой абсурдная картина современной действительности, нарисованная автором в сатирическом ключе с использованием черного юмора, иронии, интертекста и других избразительных средств, типичных для постмодернизма.

В первом из приведенных отрывков из романа описывается большая вечеринка, устроенная в пятизвездочном отеле по случаю празднования дня рождения депутата Бергера, на

которой он с помощью своего ассистента-суфлера произносит приветственную речь — монолог Калигулы из одноименной пьесы А. Камю. Второй

отрывок рассказывает об одном из популярных реалити-шоу, завоевавшем невероятную любовь телезрителей, в том числе героев романа.

ПЕТЕР КРИШТУФЕК

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА «СУФЛЕР»

* * *

Белый зал отеля «Люкс» был заполнен до отказа. За длинными накрытыми столами сидели люди разного возраста и социального положения, для которых было честью присутствовать на праздновании дня рождения нового премьер-министра. Список приглашенных на это торжество утверждался специально созданным организационным комитетом.

Зал, в котором проходило празднование, готовили три дня и две ночи. Для его украшения потребовалось более трех тысяч пятисот штук различных цветов — от тюльпанов до хищных раффлезий, причем последние пришлось повесить высоко под потолком из-за ужасной вони, которую они источали. Для гостей были приготовлены всевозможные деликатесы: свежие устрицы, королевские и тигровые креветки, икра, перепелки, плов, баранина и даже дичь. Самые взыскательные гурманы могли отведать блюда из насекомых и стейки из подгнившего мяса птицы додо.

Бергер довольно взирал на происходящее вокруг. Рука его уже почти зажила, на ней оставалось лишь несколько лейкопластырей. На торжество пришли все, кого принято называть звездами, селебрити и высшим светом, или всеми этими словами сразу.

Анна Юрьевна Пескова — выпускница филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук, автор статей по словацкой литературе и книги «Словацкий экспрессионизм» (2014), переводчик. Является научным сотрудником Института славяноведения РАН.

Здесь был андрогин из телепередачи «Сердце на ладони», известный как Диор, — он на все стороны раздаривал свою улыбку и наслаждался последними отблесками своей популярности, пока его еще совсем не забыли. Известные врачи оставили своих пациентов на произвол судьбы, чтобы участвовать в этом уникальном мероприятии. Так же, как и ведущие телевизионного прогноза погоды, чье присутствие здесь лишь доказывало, какую огромную роль играет погода в жизни человека. Телевизионные звезды, как угасающие, так и еще ярко сияющие с голубого экрана, прогуливались из одного конца зала в другой, магически притягиваемые обворожительным директором нового телеканала TV1.

Были здесь и послы экзотических государств, нашедшие в этой стране тихое пристанище экстра-класса. Под вымышленными именами здесь присутствовали генералы, ответственные за геноцид на Балканах, мошенники, разыскиваемые Интерполом за растрату, и супруги свергнутых африканских диктаторов. Нынче большую часть своего времени они проводили в дорогих ресторанах и на подобных вечеринках, где их, собственно, никто не знал, но было вполне достаточно того, что они приходили элегантно одетые и предъявляли дипломатические паспорта.

На противоположном конце зала мелькнул ведущий популярного телевизионного ток-шоу «Ничего нового». Он был знаменит своим экстравагантным гардеробом и неисчерпаемым словарным запасом. Теперь он, скучая, попивал свой четвертый дайкири и делал вид, что его уже ничто не может удивить. Тут же кишели всевозможные известные и неизвестные девушки-модели (единственное, что можно было сказать про них наверняка — что они ездили на самых лучших автомобилях), главной заботой которых было завязать контакты с обеспеченными мужчинами, поскольку — как пишут в современных модных женских журналах — «почти невозможно влюбиться в того, у кого нет денег».

Скирканичова приехала в отель «Люкс» заранее. Она вошла, широко улыбаясь, под руку с ведущей эротического телешоу Моникой Ланг. И затем почти произвела скандал, когда стала слишком громко обсуждать пластическую операцию победительницы прошлогоднего конкурса красоты, стоя в двух шагах от нее самой.

На вечере присутствовал и А.Ц.Ф.В.И.Л.Х.А. фон Гиммельшайсс, близоруко щурившийся, выглядывая из-за густых олеандров. А ровно к началу торжественной части привезли Старика, который уже с трудом отличал реальность от только что просмотренного сна. Да, в последнее время у него появилась манера в самый важный момент непроизвольно впадать в крепчайший сон. Естественно, здесь были все министры и лидеры политических партий, с улыбкой брызгавшие друг в друга желчью.

Линкольн Сан-Тропе, начищенный и отполированный до блеска, стоял во главе стола. Сам Бергер, одетый в темно-синий костюм и красный шарф, наблюдал за обществом приглашенных гостей из-за закрытых дверей лимузина. За ним в темноте салона сидел Криштоф.

Рядом, опираясь на автомобиль, стояла группа бывших участников реалити-шоу «Ледяной поцелуй». Они было попытались незаметно пробраться внутрь лимузина, и это бы им удалось, если бы не вмешался Кари.

Последние опоздавшие гости еще заходили в зал, разыскивая на столах таблички со своими именами. Все было организовано превосходно. Цветы и подарки гости передавали услужливому Феликсу, который, стоя у самого входа, лично приветствовал каждого. Среди столов уже мелькали официанты в ливреях, разносившие безалкогольные напитки и аперитивы.

Двери Линкольна распахнулись. Гул голосов был прерван громким кашлем и чавканьем Бергера. Музыка стихла. Яркий софит осветил улыбающегося именинника, сидящего на заднем сиденье своего автомобиля с микрофоном в руке.

Бергер снова откашлялся, и все обратили свои взоры на него. Раздались восхищенные аплодисменты.

— Я хочу сказать что-нибудь... Ну... О счастье, о том, что я счастлив! — пробурчал он, обращаясь к человеку, сидящему в темноте за его спиной.

— Одиночество! Да знаете ли вы, что такое одиночество... Одиночество поэтов и импотентов, — раздался шепот.

— Нет!!! — зашипел Бергер, продолжая лучезарно улыбаться залу. Публика замерла в ожидании. — Что-нибудь о счастье! Счастье! Б..., ты не понимаешь?!

— Одиночество! Да знаете ли вы, что такое одиночество... — настойчиво повторял Криштоф.

Бергер гневно пыхтел. В нескольких метрах от автомобиля стояла и безразлично усмехалась элегантная девушка в зеленом костюме. С другой стороны раздались громкие голоса, которые, впрочем, тут же затихли. Бергер утер платком пот со лба. Напряжение возрастало. Все ждали, что вот-вот прояснится, в чем же причина этого растерянного молчания.

— Ну! Б...дь!! — бесился Бергер, в его голосе уже слышались рыдания. — Суфлер... Ну!

Но Криштоф был непреклонен. Его лицо словно превратилось в маску. Ни один мускул не дрогнул на нем. Он подчеркнуто повторял: «Одиночество! Да знаете ли вы, что такое одиночество...»

— Гм... Э-э! — произнес Бергер в микрофон. — Так...

По всему залу пошел нервный шепоток, слышались смешки. Гости ждали, что сейчас начнется шоу.

— Ну, добрый вечер, милые дамы и уважаемые господа! — горячо и самоуверенно произнес Бергер.

Он решил, что будет улыбаться несмотря ни на что. Все равно ведь никто не обратит внимания на его слова: для них важнее всего уверенность в себе. Это был главный секрет, унаследованный им еще от деда, торговавшего подержанными автомобилями.

— Одиночество! Да знаете ли вы, что такое одиночество? Одиночество поэтов и импотентов. Одиночество? Какое? О, ты не знаешь, что человек никогда не остается один! Что весь груз будущего и прошлого повсюду с нами! С нами те, кого мы любили, кого не любили, и кто любил нас. С нами раскаянье, желания, горечь и нежность, шлюхи и вся шайка богов. Побывать одному! О, если бы я только мог погрузиться в одиночество, но не в мое, отравленное присутствием других, а в на-

стоящее, в тишину и трепет дерева! Одиночество! Нет, Сципион. Оно пронизано скрежетом зубным и все звенит умолкнувшими звуками и голосами!

Гости, сначала принявшие все это за удачную шутку и посмеивавшиеся над ней, теперь пребывали в растерянности, улыбки постепенно исчезли с их лиц. Бергер замолчал. Раздались неуверенные аплодисменты.

— Ну... Приятного аппетита! И... приятного вечера! — произнес Бергер и трясущимися руками отбросил микрофон. Все присутствовавшие подняли бокалы и выпили за его здоровье. Он одобрительно кивнул, улыбнулся, а затем с выражением бешенства на лице обернулся к Криштофу:

— Б..! Что это...?! — зашипел Бергер, но фраза так и осталась незаконченной, поскольку в этот самый момент прямо у капота автомобиля появилась великолепная брюнетка. Она запустила руку в свои длинные густые волосы и рассыпала их по плечам. Во всех ее движениях было что-то кошачье. Ей удавалось невероятно ловко и элегантно передвигаться на высоких каблуках, возможно, даже слишком высоких и тонких.

Тут в зале зазвучала музыка. Сначала раздалось несколько неопределенных аккордов, а потом джазовый оркестр заиграл *The Man I Love* Гершвина. Бергер в немом восторге расплылся всем своим огромным телом на заднем сиденье.

— Я хочу говорить с ней! — прошептал он, резко ухватив Криштофа за рукав. Тот с каменным лицом глядел через окно куда-то совсем в другую сторону.

— Г-го... го-ворить? — иронично отозвался он.

У Бергера на глаза навернулись слезы.

— Пожалуйста...! — произнес он, хотя выдавить из себя это слово ему было очень непросто. Судорожно сжимая суфлеру руку, он умолял:

— Прошу тебя!

Криштоф даже не пошевелился.

Бергер начал целовать ему руку, орошая ее своей густой слюной.

— Пожалуйста! — завыл он. — Пожалуйста, пожалуйста!

Криштоф вздохнул, медленно открыл дверь и вышел. Он прошел пару метров, молча взял девушку за руку и повел ее к Бергеру. Тот не мог выдавить из себя ни слова и лишь кивком головы пригласил ее сесть рядом с ним на заднее сиденье. Сначала она даже не поняла, что все это значит, но затем, увидев возбужденное лицо Бергера, заулыбалась.

— Ну... Гм... — Бергер подмигивал Криштофу, беря брюнетку за руку.

— Лилиана, — представилась та.

— Бергер. Очень приятно!

Еще минуту он колебался. Криштоф откашлялся и начал незаметно и безучастно цедить сквозь зубы:

— В момент твоего рождения, моя дорогая, Солнце находилось в созвездии Весов...

— В момент твоего рождения, моя дорогая, Солнце находилось в созвездии Весов, — взволнованно повторял Бергер, — Что дает основание считать тебя рожденной Венерой. Твое восходящее созвездие — Телец, о котором также из-

вестно, что он подчиняется Венере. Оттого характер твой пылкий, страстный и обворожительный. Это должно тебя радовать, несмотря на то, что созвездие Тельца предопределяет венец безбрачия и велика опасность, что все твои редкие качества останутся невостребованными. Я также вижу союз Венеры с Сатурном, который неблагоприятен для брака и детей. Этот союз предвещает возникновение причудливых желаний, и тебе нужно остерегаться болезней, поражающих брюшную полость. Но ты не должна останавливаться на этом — ищи Солнце, которое укрепит твоё сознание и моральный облик и поможет разжечь огонь страсти. Выбери себе друзей среди Тельцов, малышка, и не забудь, что твоё звездное предначертание благоприятно и уникально — оно ведёт тебя к обретению радости!

Брюнетка очаровательно улыбалась.

— Цена — шесть франков! — добавил суфлер.

— Цена — шесть франков! — бездумно произнес Бергер.

— Что?

Бергер лишь самодовольно покачал головой, бросив при этом через стекло гневный взгляд на Криштофа.

— Ничего. Это так.

Он обнял брюнетку за плечи и притянул её к себе. Двери Линкольна захлопнулись, и автомобиль двинулся через танцпол, наводненный людьми. Неистово сигналя, лимузин скрылся в огромном парке отеля.

Криштоф остался одиноко стоять посреди музыки, смеха и танцующих гостей, которые то и дело натыкались на него, тут же извиняясь за свою неуклюжесть.

Внезапно кто-то резко врезался головой ему в спину. Оборачиваясь, Криштоф почувствовал через пиджак, что на него пролилась какая-то холодная жидкость.

— Извините... — бормотал пьяный мужчина, еле держась на ногах. В руке он держал недопитый дайкири. Это был тот самый ведущий ток-шоу «Ничего нового».

— Мы знакомы? — он пытался разглядеть лицо Криштофа, но глаза его слипались.

Криштоф отрицательно покрутил головой.

— Жаль! Мы могли бы неплохо поговорить.

Махнув рукой, он стал расчищать себе дорогу к выходу через толпу танцующих.

На следующий день в газетах появилось множество статей, описывавших торжество в отеле «Лух». Конечно, автором всех их была Скирканичова.

Целая страница в журнале «High Society» была посвящена поздравительным телеграммам в адрес Бергера, которых он, якобы, получил целые сотни. В качестве иллюстрации приводим здесь некоторые из них (написанные, в большинстве своём, на корявом английском):

«Let's spend the night together! Happy birthday! Mick Jagger».

«Congratulations, Berger! I need some coffee with you! Kofi».

«Happy birthday, Berger, my friend! I remember that old slivovica, we drinking together in US. George W.»

«Happy birthday! Betty the II. And Charlie».

Появился даже такой текст:

«Поздравляю тебя с днём рождения! Я тебя люблю! Путин».

Всю страну охватила истерия вокруг реалити-шоу «LAST MINUTE». Дети в парках напевали мелодию из её заставки, обменивались открытками с автографами участников, и каждый вечер сотни тысяч зрителей льнули к экранам телевизоров. Мама Криштофа тоже увлеклась шоу и восторженно отправляла эсэмэски, голосуя за всех конкурсантов подряд.

В реалити-шоу «LAST MINUTE» мог принять участие любой, достаточно было дать своё согласие на то, чтобы телевизионщики сняли последние минуты его жизни и сам его уход на тот свет.

Интерес был огромный. Участвовать в шоу хотели больные раком на последней стадии, беременные женщины с тяжёлыми осложнениями, жертвы автокатастроф с многочисленными внутренними травмами (если хотя бы на мгновение они приходили в сознание), шахтеры, заваленные под землей, заключённые, осуждённые на смертную казнь, и даже один несчастный, которому в баре по ошибке вместо водки налили хлорный отбеливатель.

В этой программе также был конкурс, где зрители угадывали последние слова умирающего. Пока шло шоу, участники тщательно готовили себе тексты и заранее составляли предсмертную речь, которая порой превращалась в философский трактат о состоянии современного мира и общества. Бестселлером в те дни стала книга Поля Джонсона «Последние слова знаменитых людей», поскольку именно из неё конкурсанты частенько черпали своё вдохновение. Кроме того, телезрители могли делать ставки на то, когда герой умрет. Нужно было угадать день, час и минуту. Игра шла на огромные деньги. По правилам конкурса тот, кто точнее всех угадывал время смерти, получал роскошный автомобиль всемирно известной марки.

Однако для мамы Криштофа самым увлекательным было участие в другом конкурсе, где нужно было отправить наибольшее количество эсэмэсок, чтобы выиграть роскошные похороны по высшему разряду — с венками, музыкой по своему вкусу, плакальщицами и эксклюзивным надгробным камнем, который бы навеки напоминал всем последующим поколениям об этой победе в реалити-шоу. А с каким шиком можно было бы проехать на великолепном катафалке до места последнего прощания! Поэтому она старательно голосовала во время каждого прямого эфира.

В самом конце реалити-шоу, в грандиозном финале должны были объявить имя *Суперпокойника* — самого милого и очаровательного, словом, самого лучшего из всех покойников. Обладателю этого титула телеканал оплачивал все расходы на похороны, независимо от суммы. Кроме того, *Суперпокойник* получал VIP-место на знаменитом старинном кладбище, откуда открывался прекрасный,

— О-о-о-о-о-о-о...! — простонал Памперс.
— Что? Что? Что это?!!! Гм...! Э...! О... о... о...! Вот это! Гм, гм — может: «О, прекрасный вкус, спасибо!» Кто это сказал? Брамс! Попробуем!!!

Тут Памперс затрясся, повернул голову и повалился на подушку с вытаращенными глазами.

— Что это, черт возьми?!! Эй! Что это было?!!!

— Он ска-ка-ка-зал: «О-о-о-о-о...», а потом ко-ко-ко-нец.

— И все!???

— Н-н-ну... Все.

— Ну и хрен с ним! Плевать я на него хотела! — злилась мать, сжимая в руках тапок. Хорошенько прицелившись, она запустила им в экран телевизора. Тот закачался, съехал со столика и с грохотом повалился на пол. Экран замигал и погас, продолжая тихо потрескивать на полу.

— Ну вот, и сериал уже закончился!

Перевод А. Песковой

ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ СЛОВАКИСТОВ

А. МАШКОВА

ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ МАРГИТЫ ФИГУЛИ¹

С творчеством словацкой писательницы Маргиты Фигули я познакомилась еще будучи студенткой МГУ им. М.В. Ломоносова. На одном дыхании я прочитала ее роман-притчу «Вавилон». Позже меня очаровал поэтический мир ее новелл, сказочно-романтическая история любви в книге «Тройка гнедых». Ее произведения, уходящие своими корнями в фольклор, открыли передо мной не только богатство народной речи, но и помогли постичь особенности словацкого национального характера, сформировавшегося в сложных исторических условиях.

Проникнутые народной мудростью, жизненной силой, они напоминали стихотворения в прозе, воспринимались словно песня. В то время я не могла себе представить, что настанет день, когда я войду в дом великой писательницы, чтобы услышать ее рассказ о жизни, творческой судьбе...

Однако желание воочию увидеть легенду словацкой литературы, автора полюболюбившихся мне книг, поговорить с ней никогда не покидало меня. К тому же я уже намеревалась заняться изучением словацкого натурализма², одной из самых ярких представителей

¹ Маргита Фигули (1909–1995) — известная словацкая писательница, классик литературы, автор сборника новелл «Искушение» (1937), романов «Тройка гнедых» (1940), «Вавилон» (1946), «Автобиографические легенды» (1969) и др.

² Словацкий натурализм — художественное течение в словацкой литературе, история которого охватывает период с середины 30-х годов до конца 40-х годов XX века. Его основные представители: Людо Ондрейов, Маргита Фигули, Доброслав Хробак, Франтишек Швантнер.

которого она была. Моя мечта реализовалась 25 февраля 1995 года. Добрым «волшебником», который помог ее осуществить, стал мой словацкий учитель, известный педагог, ученый, поэт и переводчик Ян Штевчек (1929–1996). Еще в начале 80-х годов его рекомендация открыла мне двери в дом классика словацкой литературы, автора популярнейшего романа «Живой бич» (1928) Мило Урбана (1904–1982), куда я попала вместе со Штевчком. В то время как раз готовился к изданию роман Урбана «Железом по железу», и в моем присутствии они обсуждали его судьбу: тираж уже готовой к печати книги из-за вмешательства цензуры был рассыпан, и она вышла в свет только после «бархатной» революции, в 1996 году. Мы сидели тогда вдвоем в кабинете Урбана, в углу стоял бюст Гвездослава³. Урбан произвел на меня впечатление очень скромного, тихого, интеллигентного человека...

Ян Штевчек был давно и близко знаком с семьей Фигули. Узнав о моем желании встретиться с писательницей, он договорился с ней о моем визите. Я позвонила Фигули, чтобы условиться о дне встречи. Уже по телефону меня поразил ее не по возрасту энергичный голос и прозвучавшее предложение: «Приходите в любое удобное для вас время».

И вот я мчусь в «Долину фиалок» (Fialkové údolie — название улицы, где жила Фигули). Найти эту улицу оказалось не так-то просто. Расположенная неподалеку от Братиславского града, на высокой горе, она затерялась среди множества других, таких же маленьких и уютных улочек Братиславы. Внизу,

у подножья этой горы, которая отвесной скалой нависает над городом, быстро и стремительно несет свои воды из Вены в Будапешт Дунай. С этой горы открывается великолепный вид на столицу Словакии, ее новостройки и зеленый массив, переходящий в пограничную зону. А вдали — Австрия...

Я стою перед белоснежным, только что отстроенным домом, который словно парит над землей. В дверях — маленькая худенькая старушка, очень улыбкавая. У нее не по возрасту живой и пронзительный взгляд. Она излучает тепло, доброжелательность, достоинство и внутреннюю силу. Это известная писательница Маргита Фигули. Она радушно встречает меня, извиняясь за то, что вынуждена пригласить в маленькую комнатку, так как ремонт дома еще не завершен.

А потом была долгая беседа о литературе, о книгах, истории их создания и героях. Рассказывала Фигули обо всем увлеченно, охотно отвечала на мои вопросы, много вспоминала о детстве, родителях, о местах, где прошли ее детские годы, о войне и трагической судьбе ее произведений. Она поразила меня своей эрудицией, острым, не женским умом. И одновременно своей мягкостью, женственностью, открытостью. Слушая ее, я как бы погружалась в мир сказочной фантазии, заново открывала для себя ее книги. Мне хотелось только одного: чтобы время остановилось, и голос Фигули продолжал звучать бесконечно долго...

Нашу беседу на время прервал ее сын — Борислав Шустер, который решил напоить нас кофе с пирожными.

На прощание Фигули подарила мне одно из первых изданий своего романа «Тройка гнедых»⁴. Это был вариант, еще не испорченный послевоенной цензурой, запретившей ей издавать книгу в первоначальном виде. Фигули пригласила меня посетить ее снова, в любое время, когда я приеду в Братиславу.

Однако вновь я увидела ее, еще не покидая столицу Словакии: ровно через месяц со дня нашей встречи Братислава прощалась со своей любимой писательницей. Среди тех, кто пришел проводить ее в последний путь, были известные политики, деятели словацкой культуры, писатели, просто почитатели ее таланта.

...Я покидала кладбище вместе с Яном Штевчком, благодаря которому мне посчастливилось встретиться с классиком словацкой литературы Маргитой Фигули. (Кстати, от ее сына я узнала, что это была ее последняя беседа о литературе.) Со Штевчком мы говорили о том, что вместе с Фигули уходит в прошлое целая эпоха в истории словацкой литературы, что словацкая культура потеряла не только огромный талант, но и светлого человека.

А через год не стало и Яна Штевчека...

Маргита Фигули

С тех пор, приезжая в Братиславу, я всегда бываю в «Соловьиной долине» (Slávičie údolie, название кладбища) — месте, где нашли свой последний приют многие выдающиеся деятели словацкой культуры. Среди них — дорогие и близкие моему сердцу люди — Маргита Фигули и Ян Штевчек.

⁴ На русском языке роман М. Фигули «Тройка гнедых» выходил дважды: в 1988 году (измененное в 1958 году словацкой цензурой издание) и в 2011 году (в первоначальном виде). Большой известностью пользуется ее роман «Вавилон», издававшийся у нас в стране более десятка раз. Были напечатаны также ее роман «Детство» (1978) и новеллы.

³ Павол Орсак Гвездослав (1849–1921) — известный словацкий поэт, драматург, переводчик

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ

ДЕВИН

*Выражаем благодарность за финансовую поддержку
Словацкому институту
при Посольстве Словацкой Республики в РФ*

Издается с 2015 г.
1/2015

Главный редактор:
А. Машкова

Редакционная коллегия:
Л. Широкова, А. Генина

Общество Людовита Штура в Москве

Д25 **Девин: Альманах Общества Людовита Штура в Москве. № 1.**
М.: МИК, 2015. — 144 с.

УДК 811.16
ББК 81.2

ISBN 978-5-87902-335-0

© Общество Людовита
Штура в Москве, 2015

Сдано в набор 01.10.2015. Подписано в печать 31.10.2015.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9. Тираж 200 экз. Заказ

Издательство «МИК».
Москва, ул. Б. Переяславская, д. 15, кв. 52
Лицензия на издательскую деятельность
№ 060412 от 14 января 1997 г.

ISBN 978-5-87902-335-0

9 785879 023350 >